

Глава VI

ЧЕЧЕНЦЫ: ВНЕШНИЕ ВЕРСИИ

*“Невозможно пройти или что-либо сделать.
Как слово чеченец услышат, так все.*

*Или чего-нибудь от тебя обязательно надо,
что-то надо сделать особенное или, наоборот, как
от чумного”*.

Ахъяд Д.

“Чеченцы болезненно воспринимают наступление новой власти и расставание с оружием. По мнению генерала Серова, для них мало значит бытовая необустроенность. Чеченец готов жить в доме с глиняным полом, но с оружием”

Тимофей Борисов.*

КТО ОНИ – ЧЕЧЕНЦЫ? СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОБЩИХ ИСТИН

Существует устойчивый стереотип, что народ (в смысле этнической общности) имеет свой некий неповторимый культурный облик и даже “национальный характер”. Разумеется, если собрать воедино наиболее часто встречающиеся характеристики материальной и духовной жизни, бытующие в данный момент среди членов группы и абстрагироваться от вопроса об их наличии у представителей других групп или об исторических и текущих заимствованиях, то в этом случае действительно возможно вычленить определенный комплекс, который можно определить как “культура чеченцев”. Эта операция продельвается каждый раз, когда нужно выполнить определенным образом заданное действие: от написания энциклопедической статьи “чеченцы” в очередные энциклопедию или справочник до журналистского репортажа или социологического обследования. Безусловно, вопрос “кто они чеченцы?” гораздо чаще задается внешними акторами, хотя те, кто считают себя чеченцами, также оказываются

---

* Российская газета. 2001. 6 янв. Т. Борисов – спецкор. газеты.

втянутыми в данную операцию-игру, и без них она трудно осуществима.

Понятие “чеченец” – больше экстраобраз, чем сугубо внутренняя форма идентичности. Как никогда не было и не может быть такой ситуации, “когда каждый думающий европеец вставал утром и ложился вечером с мыслью о прогрессе”¹, точно так же трудно себе представить, чтобы человек ложился спать и просыпался с мыслью о своем “чеченстве”. Мысль о собственной этнической принадлежности приходит чаще всего по особым случаям ритуально-обрядового характера, но даже и в этом случае операция самоидентификация осуществляется опять же через напоминание (муллы, старейшины, заезжего пропагандиста или этнографа). Жестче всего напоминания делаются обладателями права на насилие, особенно со стороны государства. Сидящий под бомбежкой в своем доме или в его подвале житель Чечни постоянно вынужден вспоминать, что он чеченец, хотя за этим скорее следует не вопрос “Мы – другие” и “Какие мы”? Этот внутренний вопрос спровоцированной самоидентификации гораздо чаще звучит так: “Почему нас считают другими, если мы такие же, как и они?” Операцию ментального конструирования “чеченца” гораздо чаще и определеннее делает федеральный военнослужащий, находящийся на блокпосту в Чечне. Вот уж действительно ложится спать и встает с мыслью о чеченце-враге. Эта мысль вместе с обеспокоенностью за жизнь и за исполнение служебных обязанностей столь сильна, что может довести до варианта психического расстройства, что, на наш взгляд, явно демонстрировали некоторые федеральные военные, в том числе и судимый за убийство чеченской девушки полковник Буданов.

Из огромного числа высказываний информантов, публичных заявлений, журналистских описаний и академических текстов можно выстроить несколько версий образа чеченцев как народа. Возможно, ни одна из них не будет истинной, но все они реальны в том смысле, что существуют в ментальном пространстве и служат основой ощущений или аргументом социального действия. Как уже отмечалось во введении, реальность – это не только то, что мы “отражаем”, но и то, что через ментальные конструкции и предписания вызываем к жизни, в том числе и в воображаемой форме. Это подход означает, что слово “стул” не обязательно должно предполагать единственную реальную материальную субстанцию, которую это слово обозначает. В равной мере понятие “чеченцы”, казалось бы, имеет жесткую, почти энциклопедическую характеристику как особого этноса. И тем не менее не все так просто, как это представляется защитникам примордиалистского видения этничности или работникам “родового тела чеченского этноса” как “реальности, расположенной во времени”².

Мы использовали пример со стулом совсем неслучайно. Точка зрения на этническую общность как на социально-конструируемую

и исторически подвижную конструкцию³, вызывает критику многих коллег, в том числе и со стороны известного отечественного философа Ю.И. Семенова. Последний пишет, что понятие “этнос” предполагает и его реальное существование, как понятия “хлеб” и “стул” означают, что в реальности есть данные предметы⁴. Именно этот постулат нам кажется уязвимым даже на примере чеченцев, “реальность” которых на групповом уровне, казалось бы, доказывалась глобальным общественно-политическим дискурсом последних лет (кто знал чеченцев в мире до 1991 г.!?), а на личностном уровне ут-верждалась под дулом автомата или под пристальным взглядом московского милиционера.

Сначала о “стуле”, “хлебе” и “этнесе” как о реальностях. Именно первый предмет приводит известный западный философ Серль как иллюстрацию в доказательство своей философии институциональности и существования категории институциональных фактов, которые отличаются от “грубых” фактов. Как пишет Серль, “например, для того, чтобы что-то стало стулом, это что-то должно выполнять функцию стула. Стулья не являются столь абстрактными и символическими, как деньги или собственность, но суть вещей здесь одна и та же. Там, где речь идет об агентивных (ролевых) функциональных концептах, часть соответствия описанию мыслится так, что соответствие такого описания осуществляется через само это описание. Это не ведет к замкнутому кругу или к бесконечной регрессии по только что заявленным причинам. Мы можем превратить в наличное описание, сделанное в терминах практик, в которых и существует сам феномен. Стулья – для сидения на них, деньги – для приобретения на них вещей, инструменты – для манипулирования разным образом предметами, и т.д.”⁵.

Если стул – это бесспорно категория не из грубых фактов, а целый класс самых разных предметов, обозначаемых условным понятием в разных культурах и разных эпохах, а “хлеб насущный” – вообще более чем символическая категория, а не только то, что покупается в булочной, то в отношении этноса ситуация еще сложнее. Даже если принимать разные исторические названия и самоназвания, существовавшие для определенной культурно отличительной группы, которая всем сейчас хорошо известна как “чеченцы”, все равно остается большим вопросом, что в каждом конкретном историческом эпизоде означает культурный материал, заключаемый в это понятие.

Для нашего исследования важны две вещи: это динамика самоидентификации чеченцев, о которой говорилось в предыдущей главе и пойдет речь в главах XIV и XV, и процесс формирования внешнего образа чеченцев в ситуации конфликта. Эти два ментальных конструкта оказываются взаимосвязаны настолько, что различить их порой достаточно сложно. Иногда проще провести различие между элитной, журналистско-академической (в том числе и этногра-

фической) версией и версией бытового, повседневного дискурса (народного и не обязательно этнографического!) в обеих средах: внешней и собственно чеченской.

РОССИЙСКИЕ ВОСПРИЯТИЯ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Начнем с внешней среды, под которой я имею в виду не географию, а нечеченские представления о чеченцах. Что мы знаем, вернее, что внешний мир, к которому я отношу и себя, знал о чеченцах до войны и что ему стало известно после 1991 г.? Понятие знания здесь также условно, ибо речь идет скорее о мифомедийном дискурсе и об этнографической экзотизации группы. Поэтому вопрос стоит скорее о том, какие внешние образы чеченцев были сконструированы производителями субъективных предписаний, начиная от масс-медиа и ученых и кончая низовым сознанием? Здесь может быть интересным мой личный опыт жителя страны, для которого чеченцы – это прежде всего сограждане.

Родившись и прожив первые 17 лет на Урале, в маленьком провинциальном городе, я не могу вспомнить, чтобы когда-либо встречал чеченцев или кто-то упомянул их в каких-либо жизненных ситуациях. На школьных уроках русской литературы творчество Льва Толстого изучалось по двум повестям: “Детство, отрочество и юность” и “Хаджи-Мурат” (до романа “Война и мир” доходили не все учителя). Десятилетиями все советские дети читали повесть о горце Хаджи-Мурате. Этот образ был частью моего подросткового детства, вплоть до уличных игр и формирующихся представлений о гордости и мужестве. Стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе, где присутствовал и “злой чечен”, запомнились прежде всего поэтикой гор и лирическими мотивами. В середине 1950-х годов (когда чеченцы были в депортации) я школьником декламировал со сцены Нижне-Сергинского Дома металлургов на смотре школьной художественной самодеятельности стихи М.Ю. Лермонтова из первой части поэмы “Измаил-Бей”:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага – не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.

Означало ли произнесение мною слов “чеченец” наличие какого-либо смысла или образа, помимо декламации великолепного литературного произведения на одну из вечных литературных тем? Нет, не означало, как кстати те же стихи не несли особого дополнительного смысла (личной проекции на себя) и для Джабраила Гакаева, который тоже знал их наизусть и был под их огромным впечатлением. Могу удостоверить, что чеченцы (“злой чечен”) как акцентированный предмет внимания российского провинциала явно отсутствовал. Подтверждением тому является моя первая встреча с “живым” чеченцем, не вызвавшая никаких эмоциональных или историко-литературных реминисценций. С этим фактом были согласны все, кому я задавал подобный вопрос.

В принципе именно подобное нейтральное, неактуализированное (или немое) восприятие этнического отличия в межличностных отношениях граждан можно считать нормальным. Оно гораздо более распространено по сравнению с политическими призывами и интеллектуальными клише “знать”, “уважать”, “любить” или “не любить” другие народы и культуры. Только распропагандированные параноики, замороженные “национальным вопросом”, или оказавшиеся в конфликтной ситуации граждане вглядываются при первом же знакомстве в лицо и прислушиваются к звучанию имени и фамилии человека. Нормой взаимоотношений являются другие параметры, связанные с другими интересами и ценностями.

Именно такое отношение к чеченцам доминировало в стране до конфликта. В 1959 г. после окончания средней школы я поступил на исторический факультет Московского государственного университета. В нашей группе учились студенты из разных республик и разных национальностей (Роза Эсамбаева из Киргизии, Марат Дурдыев из Туркмении, Гумки Успаев из Чечено-Ингушетии и другие). С Гумки Успаевым мы жили целый год вместе в одной комнате студенческого общежития на Стромынке, в которой было шесть кроватей, шесть тумбочек и один стол в центре. Гумки был нескладным, худым парнем с замкнутым и резким характером. Этим он заметно отличался от многих других студентов с Кавказа, у которых зачастую российские провинциалы проходили первые уроки уверенного поведения, ухода за девушками, моды в одежде и прическе. Гумки учился трудно, хотя на русском языке говорил хорошо. Помощь по учебе принимал неохотно. Круг его друзей сложился не в группе, а среди студентов-северокавказцев и партнеров по футболу. Однажды Гумки пригласил меня и других ребят на концерт Махмуда Эсамбаева в клубе на Стромынке. Его устроили студенты-чеченцы. Не знаю, сколько их всего училось и проживало в общежитии в то время, но, видимо, немного. Они были горды происходящим. Помню как Гумки говорил об артисте-чеченце как о самом великом танцоре в мире.

Никогда за все годы учебы не обсуждались проблемы чеченского народа или Чечено-Ингушетии, в том числе и проблема депорта-

ции. Хрущевская оттепель еще не дозрела до открытия тайны сталинских депортаций народов (о репрессиях уже знали и эта тема обсуждалась), хотя именно в 1960 г. я уже прочитал книгу Исаака Дойтчера “Сталин. Политическая биография”, которую тайно дал мне американский стажер и мой давний друг Мартин Малия (ныне известный ученый-историк, профессор Калифорнийского Университета в Беркли). Сам Гумки о депортации не говорил и эту тайну постоянно носил с собой, как и многие другие студенты тех лет – выходцы из депортированных народов и сами прожившие начальную часть своей жизни в Сибири или Средней Азии*. Мой нынешний коллега, профессор Михаил Губогло (тоже из репрессированной семьи гагаузов), был на два курса старше меня и хорошо знал Руслана Хасбулатова по совместной комсомольской работе в МГУ. Он также подтвердил мне, что не помнит, чтобы Руслан когда-либо поднимал вопрос о своей национальности или о своем народе.

«В 1964–1965 гг. во время обучения в аспирантуре мы были в дружеских отношениях. Руслан создал и руководил Школой молодого лектора на экономическом факультете, а я отвечал за всю эту работу по линии вузкома, т.е. был его “начальником”. Мы тогда с упоением играли в эти игры, и это был полезный опыт жизненной социализации. Однако за все время знакомства мы оба не знали и среди нас никогда не упоминалось, что мы оба принадлежим к “депортированным”. Я даже не знал, что Хасбулатов – чеченец, и он это никогда не говорил. Были другие заботы и другие разговоры».

У многих тогда оставались свои тайны, связанные со сталинским режимом. Мне мой профессор тоже посоветовал никогда не отвечать в анкетах на вопрос “Был ли кто-либо из ваших родственников в немецком плену или депортирован, как, когда и кем освобожден из плена”, и не писать, что мой отец находился в немецком плену и был освобожден американцами. “Надо – сами узнают, а иначе никуда не поедешь”. Как видим, скорее индивидуальные качества (способности, черты характера, материальные возможности, внешность) определяли восприятие чеченцев среди студенчества Московского университета. Едва ли можно было говорить о каком-то устойчивом стереотипе чеченцев среди советских людей. До конфликта в стране не было представления о чеченцах как о народе с особыми оценочными качествами (плохими или хорошими), а тем более как о “чужом” или “примитивном” народе.

Следующая косвенная встреча с чеченцами состоялась уже после окончания университета, когда я работал в Магаданском педагогическом институте. Мой коллега и друг, ныне покойный, Феликс Врублевский переехал в Магадан из Грозного, где преподавал

сноски в гранках не было

в Грозненском нефтяном институте историю КПСС и марксистско-ленинскую философию. Он был родом из станицы Троицкая (оттуда же родом и Сергей Шахрай) на территории Чечено-Ингушетии, где проживали смешанно русские, ингуши и чеченцы. Его русская мать была школьной учительницей в станице. Феликс уехал из Грозного по причине развода и желания найти работу на Севере с более высокой зарплатой: ему нужно было платить алименты за сына и он создал новую семью, где тоже родился ребенок. Помню одно из его высказываний:

“В Грозном жить трудно, чеченцы и ингуши все больше занимают рабочих мест, у них круговая порука, в институте на экзаменах без взяток ничего не делается, а я не могу жить по этим правилам. А если стану брать взятки, то меня же первого и сдадут прокурору. И честно жить трудно, а нечестно еще труднее. Все-таки я денег не брал и ставил всем оценки, которые заслуживали, кто бы ни были родители у абитуриентов и студентов. За это меня многие ненавидели. Все равно пришлось бы уехать. Чеченцы и ингуши – народ трудный и становятся все хуже в смысле национализма. Даже мать моя стала жаловаться: почти всех в станице учила за сорок лет работы в школе, а заболела – никто не поможет привезти дров или принести продукты из магазина. И с огорода иногда воруют”.

Этот рассказ повторялся после каждой поездки Феликса из Магадана в Чечено-Ингушетию, но не помню, чтобы его оценки и наблюдения шли дальше обычного брюжжания человека с довольно сложным характером. Гораздо более серьезная стереотипизация мною была зафиксирована в беседах с Лидией Дьяченко, которая родилась и выросла в Грозном и прожила в Чечне вплоть до самой войны, переехав вместе с матерью в центральную часть России уже в 1996 г. Я поинтересовался, были ли какие-нибудь “клички” в отношении чеченцев.

«Кроме как “шакалами”, большие никак и не называли. Все сразу знали о ком идет речь. А вообще в Грозном чеченцев почти и не было. В нашей средней школе учились единицы, а в нашем классе были только русские. О чеченцах и разговора даже не было. Не дружили и романов не заводили. Это потом, когда я стала работать на комсомольской и на партийной работе в Шелковском районе, я уже постоянно общалась с чеченцами и ингушами. Ничего плохого как о народе не могу сказать. На селе вообще все работали вместе и много. Были друзья и подруги как русские, так и чеченцы. И сейчас остались. В Москве меня навещают. Если чеченки в гости приходят и может так случиться, что останутся переночевать (чтобы через город не тащиться в темноте), то обязательно возьмут с собой халатик и все туалетные принадлежности. Народ чистоплотный, хотя людей среди них много самых разных, а уж из дальних горных сел иногда появляются совсем темные люди. На моих глазах они сильно преуспели в образовании и очень ценили это: родители своих детей просто тащили в училища и институты. Меня лично никто из чеченцев не оскорблял, наоборот, уважали, хотя я была из самых молодых партработников, и приходилось от людей многое требовать».

Таким образом, отношение жителей страны к чеченцам складывалось и определялось прежде всего конкретным опытом человека, особенно местом проживания. Житель Урала или Москвы о чеченцах не знал почти ничего. Житель соседних с Чечено-Ингушетией регионов Северного Кавказа имел больше информации и даже претендовал на знание чеченцев, когда в этом возникла актуальная потребность. Однажды в самый напряженный момент начала войны в беседе Вячеслав Михайлов (тогда заместитель министра по делам национальностей) сказал следующую фразу:

“Егоров (в то время министр, выходец из Ставропольского края. – В.Т.) вообще считает, что чем их больше бить, тем больше будут уважать. Чеченцы признают прежде всего силу. А Егоров с Северного Кавказа, и он говорит, что знает этот народ. Некоторые с ним согласны”.

Было ли это мнение основано на опыте конкретной жизни в соседнем с Чечней регионе или это рудимент фольклорно-бытовой казаческой традиции, реанимированный в современном русском национализме? Скорее всего, последнее, ибо многие ставропольские и краснодарские деятели отличались ксенофобией в отношении “инородцев”.

Многую зафиксирована тенденция, что меньше всего устойчивыми негативными стереотипами по отношению к чеченцам среди русских и других не чеченцев отличались те, кто долго прожил и проработал в самой Чечне. В этом меня убедили беседы с самыми высокими руководителями Чечено-Ингушетии последних десятилетий (Валентином Власовым, Николаем Семеновым, Борисом Агаповым) и с рядовыми жителями Чечни. Прямой и длительный контакт и проживание не оставляли места для мифических и искаженных представлений, особенно для экзотизации чеченцев. Эти люди не изменили своего мнения и в ходе войны, даже лично пострадав от нее, как это произошло с Валентином Власовым.

МАСС-МЕДИЙНЫЕ ОБРАЗЫ И ДИНАМИКА АНТИЧЕЧЕНСКИХ ФОБИЙ

Наоборот, скудное знание о чеченцах среди остального населения страны стало благоприятной почвой для формирования античеченских настроений в результате обрушившегося на обывателя информационного потока с начала 1991 г. (дудаевский переворот, самопровозглашенная независимость, фальшивые авизо, угоны самолетов в Пятигорске, “чеченская мафия” и многое другое). Эта информация была тревожного или откровенно негативного плана. В итоге уже с начала 1993–1994 гг. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) устойчиво фиксировал среди россиян самый высокий уровень ксенофобии в отношении чеченцев по

Первая страница газеты “Версия”

сравнению с другими группами. Выше стоял только обобщенный образ “кавказцы”.

Уже зимой 1995 г. в одном из московских дворов я подслушал крики играющих в войну детей: “Ты будешь чеченец, а я русский”. Точно так же в моем послевоенном детстве мы долго играли в “русских и немцев”.

Чечня стала одной из самых визуальных войн, и СМИ были одним из наиболее активных участников войны со своей собственной, хотя и плохо осознаваемой ролью. Имеющиеся на этот счет экспертные мнения нам представляются слабыми или недостаточными⁶. Одна из точек зрения была высказана А. Ливеном, которая, однако, никак не была им аргументирована, видимо, в расчете на некритическое восприятие западного читателя:

«После распада СССР российское телевидение способствовало, отчасти неосознанно, распространению страха и ненависти. Что касается Чечни, то к концу 1995 года российские телеканалы превратились в проводников словесной государственной пропаганды: однозначная характеристика чеченских сил как “бандитских формирований”, восторженные интервью с российскими военными и передача без комментариев откровенно лживых официальных заявлений. Но то, что *показывалось* на экране, выглядело по-иному.

Большинство западных телестанций, по крайней мере со времени Вьетнамской войны, представляли относительно отредактированную и подчищенную версию войны, и западные вооруженные силы старались держать тележурналистов как можно подалеже от передовой линии. Не так обстояло дело с российским телевидением. Или по причине изначальной честности, смелости, сенсационности, или же по причине просто нечувствительности оно тяготело к показу неприукрашенной правды. И в результате взирания в течение нескольких лет на груды разбитых мозгов, обугленных трупов и человеческих конечностей во время вечерних новостных передач из Карабаха, Таджикистана, Абхазии и, наконец, из Чечни среди российских телезрителей рассеялись многие романтические иллюзии относительно вооруженной борьбы. Поэтому можно сказать, что Чечня дала свежий аргумент для тех западных журналистов, которые говорили открыто и даже жестоко, что освещение войны в действительности есть путь к миру»⁷.

Эти заключения не совпадают с нашим анализом. Государственные позиции, если о таковых возможно вообще говорить, во всей их противоречивости и непоследовательности, включая и ложь, действительно присутствовали на экранах, как они присутствуют во всех других странах в аналогичных ситуациях: от целиком лживой Тонкинской резолюции Конгресса США по Вьетнаму до явно односторонних и искаженных заявлений западных и других политиков по событиям в Югославии во время Косовского конфликта. Однако российские телевидение и пресса во время чеченской войны заслуживают более глубокой оценки. В любом случае российские СМИ не были рупором официальной пропаганды, а скорее, наоборот, – чаще власти говорили языком вечерних теленовостей. Хотя я не разде-

ляю и другую крайнюю точку зрения, что российские журналисты были куплены чеченцами и старательно отработывали разрушительную для страны и для армии версию.

Для отечественного “центрального” телевидения война стала на долгое время ведущей темой, обращенной к огромной аудитории, а значит и средством утверждения профессионального превосходства в жесткой конкуренции каналов и вытекающих из этого материальных вознаграждений. В ряде случаев амбиции были даже выше: канал НТВ с его группой великолепнонаивных полевых журналистов во главе с Еленой Масюк и Павлом Лускановым и московским телеведущим Геннадием Киселевым явно примеряли на себя уровень воздействующего вещания СНН и фактически выполнили эту миссию при отсутствии в зоне конфликта мировых лидеров телевещания. Масюк была не хуже Кристианы Аманпур и столь же идеологически zaangażирована, как и последняя, вещавшая в свое время с брони танков боснийских мусульман. Как и репортажи Аманпур из Боснии сделали однозначно антисербский имидж войны и сильно повлияли на мобилизацию мусульман (босняков или боснийцев), так и репортажи Елены Масюк и Павла Лусканова “отвоевали” на стороне чеченских комбатантов за целую дивизию.

Почему российские и другие СМИ заняли в целом антифедеральную и симпатизирующую чеченскому сепаратизму позицию и какую роль они сыграли в войне, – это тема требует отдельного анализа, но некоторые заключения необходимы для нашего исследования. Тем более, что имеющиеся оценки или откровенно самооправдательны, или просто поверхностны. Необходимо иметь в виду, что российские СМИ – наиболее яркий и состоявшийся продукт постсоветской либерализации. Это та сила и тот сегмент общества, которые правомерно аттестуются как демократические и реформаторские. По крайней мере телевидение, за редким исключением московских “полканала” и крутовско-кльковских телепередач, может таковым считаться, и НТВ стоит на его наиболее либеральном фланге.

Именно с этим каналом были связаны мои личные контакты в комментировании событий в Чечне или по поводу Чечни. Однажды, сразу после выхода моей статьи в “Московских новостях” (31 марта – 7 апреля 1996 г.) Евгений Киселев пригласил меня в престижную передачу “Герой дня”, желая услышать прежде всего имя Павла Грачева в числе главных виновников продолжающейся войны. Помимо этого, я неоднократно комментировал чеченские события в передаче “Сегодня в полночь” с ведущим Алексеем Кара-Мурзой. Только с осени 1998 г. я сознательно перестал выступать публично, ибо это уже создавало коллизию между работой с чеченскими информантами на доверительной основе и публичным объявлением позиции по ситуации в Чечне.

Следует отметить, что отказ лишил меня одновременно доступа к одному из предметов интереса, ибо прямые контакты с журнали-

стами НТВ позволяли лучше наблюдать позицию и процесс волеизъявления со стороны одного из наиболее влиятельных акторов не только общероссийского, но и чеченского общества, ибо из экспертов-комментаторов ведущий всегда приглашал известных чеченцев, выступавших за независимость Чечни. Редактура моих предварительно записанных комментариев была виртуозной: все, что речевым оборотом предполагало отрицание состоявшейся чеченской независимости, не говоря об открытом ее отрицании, убиралось из тех секунд, которые шли в эфир, как правило, после предварительной 30-минутной записи. К тому же в моих заочных отношениях с Киселевым был момент публичной критики его взгляда на Чечню как “юга бывшего СССР”, но не как части России. Статья в “Независимой газете” (1997. 5 мая. С. 2) под названием «”А у нас в России” – это где? По поводу геополитической спешки вокруг России» едва ли была приятна амбициозному мэтру российской журналистики.

Прочеченская позиция НТВ была поколеблена и отчасти изменилась под воздействием захвата в заложники Елены Масюк, ее драматического освобождения. На сей раз (возможно, впервые за всю историю войны и впервые среди всех освобожденных) последовала вполне адекватная реакция со стороны освобожденных пленников (прежде всего самой Масюк) в отношении совершенных против них актов насилия. Сказались, видимо, и серьезные материальные затраты для выкупа журналистов (сумма с шестью нулями). По крайней мере один из руководителей НТВ Игорь Малашенко впервые назвал чеченских лидеров, включая вице-президента Ваху Арсанова, прямыми соучастниками преступного бизнеса, а Мовлади Удугова – “чеченским Геббельсом”. Безоговорочные симпатии журналистов канала к тем, кто, по словам Павла Лусканова, “никогда и дня не находился в составе России и не жил по советским или российским законам”, сменились косвенной пропагандой чеченской сецессии, когда в качестве комментаторов по теме стали выступать отставные чеченские политики или общественные активисты, которые благополучно проживают в Москве и продолжают вести борьбу за “правое дело независимости”.

Претензии последних на авторитетное знание ситуации и “понимание чеченцев” служат как бы этикеткой правдивого объяснения происходящего телезрителю, в том числе и в самой Чечне. Сидящий в достойном комнатном интерьере российский академик, молодой политолог – руководитель полумифического института или фонда, российский генерал и член федерального парламента и еще два-три россиянина чеченского происхождения как бы узурпировали право на телевизионный “взгляд на Чечню”, поднимая собственный престиж и достаточно мощно воздействуя как на местное общество, так и на общероссийскую аудиторию.

При этом комментарии московских чеченцев могут быть набором мифологем бытового мышления, как это, например, имело ме-

сто в передаче 3 февраля 1999 г. по поводе объявления Масхадовым введения в Чечне шариатского правления. “Шариат в Чечне негласно присутствовал всегда” (Хаджиев), “шариат – это замечательное средство для наведения порядка и достижения согласия в обществе” (Юсупов), “навязанный чеченцам российскими, советскими, а затем оккупационными властями закон ими никогда не принимался” (Султыгов) и так далее.

Как показано в предыдущих главах, эта воображаемая реальность достаточно далека от того, что было и происходит на самом деле в чеченском обществе, но телереальность убеждает и подчиняет, а в конечном итоге создает себе подобие через рекрутирование единомышленников. После таких объяснений мнение, что не только советский офицер Масхадов, но и большинство нынешних чеченцев никогда не жило при шариатских нормах и едва ли сможет принять даже их наиболее цивилизованное подобие по примеру богатой Саудовской Аравии, уже выглядит как одиночный диссидентский голос, направленный против интересов чеченской нации. В итоге узурпация массового сознания в пользу нереализуемого проекта “шариатского государства” оказывается осуществленной через ментальный союз вооруженных командиров в Грозном и московской академическо-генеральской тусовки чеченцев, которые сами никогда при таких нормах не жили и жить не собираются.

Однако вернемся к позиции российских масс-медиа, которая в более широком плане отражает драму демократического спектра общества, оказавшегося неспособным найти профессионально точную и граждански прагматическую интонацию в отношении чеченского кризиса. На этот счет имеется наблюдение одного из проницательных российских экспертов, с которым трудно не согласиться, когда он пишет, что демократическое движение в 1994 г. не смогло осуществить смену парадигмы и уйти от бесконечного напоминания о демократии и реформах в пользу более адекватной стратегии:

“Этого не произошло, ума и мужества на такие выводы не хватило, и отсюда полная деморализация уже в условиях чеченского кризиса, поскольку демократический лагерь, проявляя искренность и сердечные страдания за этот национальный позор, на мой взгляд, выбрал абсолютно неконструктивную тактику безудержного осуждения в тот момент, когда нужно было разделить ответственность за такого рода решения государственных органов власти и сосредоточиться на том, чтобы максимально снизить последствия этих решений. Мы же в желании обличить все и вся только усугубляли план военных действий, и в желании, скажем так, искренне сердцем возмущаться не оказались способны на более реалистичные и более конструктивные шаги”⁸.

Дилетантское желание нового поколения демократической журналистики выступать судьей и борцом одновременно отражало советскую ментальность профессиональных пропагандистов, выучивших много текстов на предмет “национально-освободительных

движений”, “права народов на самоопределение”, “цивилизационной уникальности”, “особой ментальности” части сограждан, на территориях проживания которых они до этого никогда не бывали и которых с готовностью были зачислить в категорию “экзотических других”. Для многих конфликт и война стали азартной игрой, аттестацией героизма и профессионализма, на что в прошлом десятилетии имел исключительное право единственный советский журналист, прозванный “певцом Афганистана”.

Мне интересен не столько сам цех российской журналистики, сколько воздействие и восприятие его версий прежде всего самим чеченским обществом. На этот счет имеются разные точки зрения, как и по вопросу о воздействии масс-медиа на конфликт вообще. Анатолий Ливен полагает, что малое число личных телевизоров во время вооруженного конфликта в Пакистане в 1980-х гг. подвигло многих молодых мужчин на участие в политических манифестациях и насильственных действиях:

“В Пакистане в 1988–1989 гг. – в обществе, где в те дни большинство жителей не имело телевизоров, – я был поражен тем, насколько для значительной части молодых мужчин участие в политических демонстрациях и даже в вооруженных выступлениях представляло собою в значительной мере одну из форм развлечения. Я полагаю, что доступ к телевизору в огромной мере снизил значение этого фактора в существовании политической нестабильности”⁹.

Поднятый вопрос, означает ли больше телевизоров меньше насилия и войны, по крайней мере применительно к Чечне, не кажется нам столь однозначным. В Чечне начала 1990-х гг. фактически каждая семья имела телевизор, и чеченцы принимали те же самые российские каналы, что и остальная страна. Программа телепередач на первую январскую неделю 1999 г. в грозненской газете свидетельствует, что положение мало изменилось и после первой войны. В какую сторону действовали масс-медиа, когда общество погружалось в войну и пребывало в ней и после нее? У меня нет столь однозначного ответа. Скорее ТВ было таким же многозначным актором и в то же время орудием, который используется современным человеком, особенно его элитными слоями. Но только есть несколько общих постсовестских особенностей и чеченских частностей (см. также заключительную главу). Прежде всего это одномерное сознание и устойчивая вера обывателя в теле- радио- и печатные версии, особенно исходящие из “центра”, будь то Москва или Грозный. Единичными можно назвать примеры скепсиса и негативной иронии в отношении тех, кто участвует в теле-газетных бдениях.

Средства массовой информации и политико-интеллектуальная элита играют доминирующую роль в конструировании чеченских образов (не только внешних, но и внутренних). СМИ и элита, как и Лев Толстой в прошлом веке, руководствуются собственными эмо-

циями и целеполаганием. Великий писатель своим “Хаджи Муратом” обвинял царский деспотизм и искупал свои молодые грехи периода Крымской войны. Современные активисты защищают демократию и меньшинства или, наоборот, “русскую нацию”, осуждают “неоимперскую” политику или, наоборот, политику развала “великой державы”.

Коллективная интенциональность в отношении Чечни и конфликта была и остается неоднородной и мотивируется политико-групповыми интересами производителей субъективных представлений. Журналистская команда НТВ (Елена Масюк, Павел Лусканов и другие) или журнала “Новое время” (Аркадий Дубнов, Валерия Новодворская), Ирина Деметьева (“Московские новости”) и многие другие утверждали свой профессиональный авторитет через яркую и драматичную презентацию событий “с войны” и свои подчеркнuto либерально-демократические позиции, предполагающие однозначную поддержку меньшинств и антиэтатистскую версию защиты гражданских свобод. Глава холдинга “Медиа-Мост” Владимир Гусинский ковенно признался в существовании этой коллективной интенциональности на НТВ в отношении освещения первой чеченской войны.

Образы чеченцев в этой интерпретации отличались внешней привлекательностью и эмоциональной правотой. Журналисты “Взгляда” или кинокамера Говорухина младшего фиксировали более сложную и более критическую версию, но главным объектом были не столько чеченцы, сколько сам конфликт и его общероссийский контекст. Вызывающе провокационная версия образа чеченцев была поставлена журналистом Александром Невзоровым в фильме “Чистилище”. Эта лента – крайне непрофессиональное обхождение с материалом (вернее, с темой о внутреннем вооруженном конфликте) в откровенно политических целях представить чеченцев в отрицательном виде, вызвать к ним ненависть и заодно заклеить российского президента.

Многого стоила чеченцам ремарка А.И. Солженицына в романе “Архипелаг ГУЛАГ”, ибо она тиражировалась широко и активно использовалась в последние годы, став частью внутреннего образа: “...Была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности, – ни одиночки, ни бунтари, а нация целиком. Это чеченцы... Н и к а к и е ч е ч е н ц ы н и к о г д а, н и г д е (выделено мною. – *В.Т.*) не пытались угодить или понравиться начальству, но всегда горды перед ним и даже откровенно враждебны”. Так доминирующая элитная версия чеченцев в России оказалась эмоционально перегруженной и редуцированной до пошлых клише типа: “ни один чеченец никогда и нигде...” и далее могли идти любые комплиментарные или ненавистнические сентенции: “Чечня в СССР никогда не входила и чеченцы советских законов не признавали” (журналист Павел Лусканов из НТВ), “от рождения приучены обманывать и воровать” (министр Михаил Барсуков).

В 1990-е годы стереотип чеченца-бандита постоянно соперничал с имиджем “гордого дикаря”, но в целом, если брать бытовое сознание россиян, формируемое массовой бульварной литературой типа детектива Валерия Барабашова “Чеченский бумеранг” (1995) и желтой прессой, то именно этот образ стал доминирующим. С 1999 г. уже авторы серьезных газет могли себе позволить следующие публикации, не замечая в них расистского содержания:

«...Криминальные структуры чеченцев существенно отличались от иной оргпреступности. Тейповый уклад жизни сказывался и на взаимоотношениях внутри структуры. А они изначально строились на принципах строжайшей иерархии и клановых (тейповых) взаимоотношений. Этническая однородность чеченцев не давала возможности внедрения в их среду “засланных казачков” с легендами от правоохранительных органов... Один из самых популярных видов преступной деятельности “чеченов” в Петербурге – массовый “вброс” фальшивых купюр (рублей и долларов), изготавливавшихся в Грозном и продававшихся там прямо на базаре. Доставкой “липы” занимались сами чеченцы, а ее распространением – интернациональные группы, в основном русские, молдаване и таджики.

Рядовых исполнителей “чечены”, известные своей природной жестокостью (выделено мною. – *В.Т.*), держали в страхе. Для этого, к примеру, они иногда практиковали показательные казни над рядовыми сбытчиками, которые либо сболтнули чего лишнего, либо пытались выйти из дела. На глазах коллег несчастных зверски кромсали ножами сами чеченские лидеры...

Другие способы чеченского рэкета – вхождение в состав учредителей фирмы, инвестиции в суперприбыльные проекты, финансовые ссуды (!). Когда и этого стало недостаточно, они разработали новый вид бизнеса, уходящий своими корнями в дикое доисторическое прошлое. Я имею в виду похищение людей и работоторговлю. Но настало время, когда воровать людей в Чечне или переправлять их туда стало сложно, и тогда головорезы упростили себе задачи. К примеру, случались похищения людей из Петербурга, но при этом жертву могли держать в соседнем квартале. Похитители связывались со своими чеченскими братьями, людоедами типа Арби Байраева, а уж те посылали “приветы с гостеприимного Кавказа” родственникам похищенного, требуя за гостеприимство огромные выкупы. И люди верили, что их родные томятся в чеченских зинданах, искали деньги, продавая все на свете, лишь бы вызволить из беды несчастных....

Банки стали умнее и на пушечный выстрел не подпускают к подобным операциям представителей этой горной республики. В известной мере потеряла смысл работоторговля, поскольку остатки недобитых банд заняты сейчас спасением собственных шкур... И чеченцы в Петербурге, проявляя нервозность, скатились до уровня банального базарного рэкета, что и аш и (выделено мною. – *В.Т.*) мафиози прошли уже лет десять назад...” (*Тимченко С.* Преступный мир Петербурга имеет свои этнические лица. В северной столице прочно обосновались чеченские и казанские криминальные сообщества // НГ-Регионы, 2000. № 12 (56). 20 июля).

Что касается менее требовательных газет, то античеченские фобии приобрели характер прямых провокаций, когда речь по-

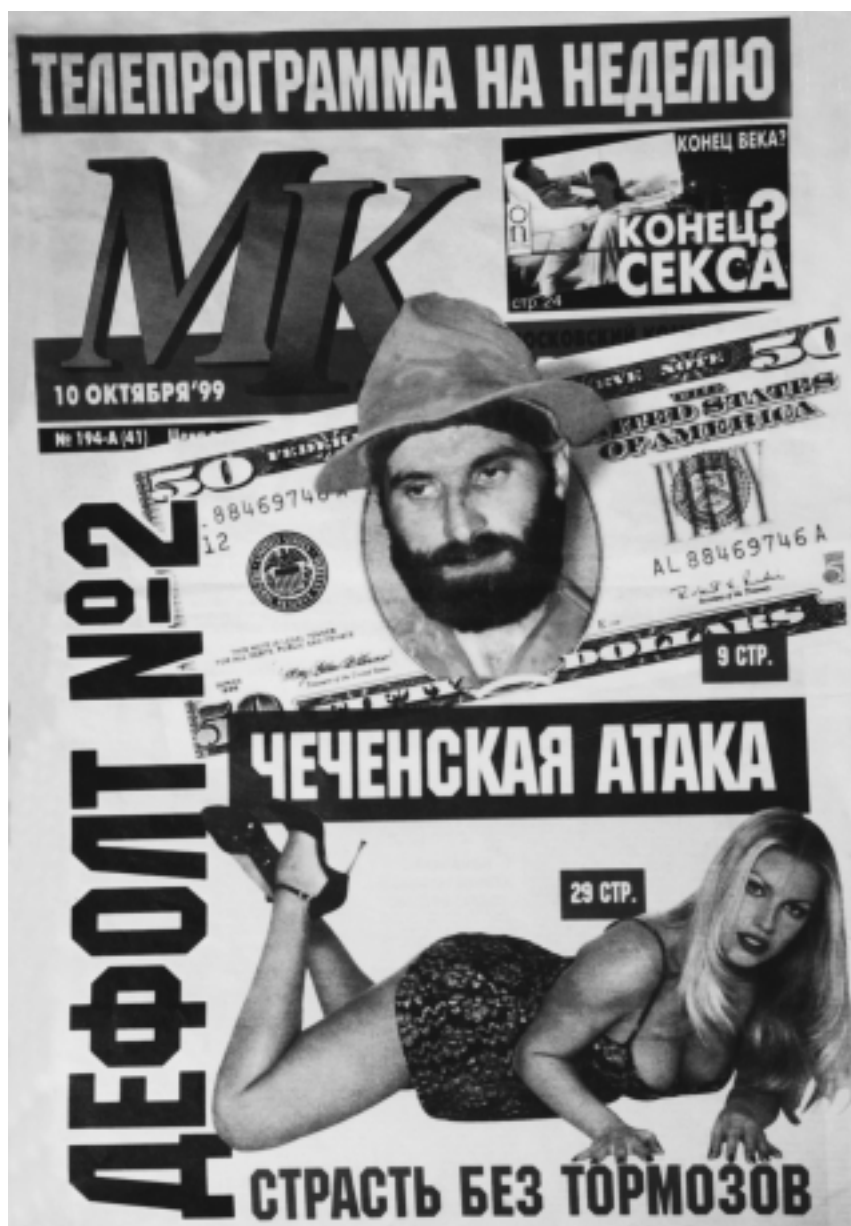
шла не просто о “чеченской преступности”, но и о более зловещих версиях – об угрозе “проникновения” чеченцев в российские власть или оборонную промышленность, как будто речь шла о некоем проникновении тайных зарубежных агентов. Это уже был скрытый призыв относится к российским гражданам чеченского происхождения как к иностранным шпионам. Заголовок первой страницы “Московского комсомольца” (2000. 2 окт.) был призван привести в состояние ужаса его многочисленных читателей: “Чеченский след. Центр оборонной промышленности в Подмоскowie оккупировали выходцы из Ичкерии”. И далее следовал текст журналиста Георгия Закаряна:

“Практически после каждого громкого преступления мы начинаем говорить о чеченском следе, чеченской мафии и прочее, прочее, прочее. Между тем порой мы не замечаем, насколько прочно выходцы из Ичкерии влились в нашу жизнь. В Москве всю функцию выполняют чеченские банки, фирмы и рынки. Но это не самое главное. В последнее время чеченцы, как говорится, “вошли во власть”. Наиболее лакомыми для них являются города – центры оборонной промышленности”.

Единственный конкретный пример, который приводится в этом материале, это город Лыткарино в Люберецком районе Московской области, где пять оборонных предприятий, а заместителем мэра города работает Георгий Нарудинов – чеченец по национальности (позднее выяснилось, что Нарудинов не чеченец).

“По некоторым данным, в последнее время Нарудинов неоднократно посещал Назрань, где, возможно, встречался с чеченскими полевыми командирами из окружения одного из помощников Шамиля Басаева – Исрапилова.... Ведь сейчас, когда война с исламскими фанатиками и в Таджикистане, и на Кавказе готова вспыхнуть с новой силой, под носом у столицы может оказаться своя Чечня”.

Упрощенные до слащавой экзотики или ксенофобских негативных стереотипов, эти версии низводят чеченскую общность до пародии на современных людей: свято соблюдающие традиции и живущие только по своим законам гор (как будто советскую и западную попу никогда не пели, в госучреждениях не работали, пенсии, выгоды и награды не получали); все смелые и сильные (нет трусов, малорослых и слабых), все свободолюбивые и независимые (нет подчиняющихся и заискивающих), все бандиты, взяточники и воры (нет честных и законопослушных) и т.п. Естественно, таких человеческих коллективов на земле быть не может и чеченцы таковыми не являются. Худшей услуги “друзья” и “враги” чеченцев сделать не могли, повесив на народ бремя пошлого стереотипа, независимо от того, с каким он знаком. По большому счету заявление, а тем более научно-литературная сентенция, что “все чеченцы гордые и свободолюбивые” ничем не отличается от заявления, что “все чеченцы воры и бандиты”, ибо оба порождены бытовыми фантазиями и ни-

Первая страница газеты "Московский комсомолец"

какого отношения к научному и даже разумному восприятию действительности не имеют.

В любом случае в результате конфликта произошла дегуманизация народа и низведение его образа до политагитки или до этнографического экспоната с мировой славой. Сделано это было не столько через “народную версию”, сколько через направленные усилия тех, кто формирует массовые восприятия.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

Должна квалифицироваться как патерналистская и неокOLONиальная по своей глубокой сути и симпатизирующая (некритическая) этнография чеченцев, которая заимствуется и транслируется на самый широкий уровень даже серьезными учеными и публицистами. Дмитрий Фурман в своей вступительной статье к сборнику статей о Чечне развивает три аргумента, почему чеченцы не пошли по тому же самому пути, что и другие народы бывшего Советского Союза, почему они отвергли познесоветские и постсоветские модели и почему чеченцы выбрали самый воинственный сценарий и “выиграли войну против России”. Первый – система традиционных ценностей, которая сохранила до нынешних времен любовь чеченцев к свободе и уникальную динамику “анархической дезинтеграции и солидарности”. Второй – история русско-чеченских отношений, полная глубокого взаимного отчуждения и борьбы, включая травму депортации, породившей среди чеченцев нежелание жить мирно в России. Третьи – события 1991–1996 гг. были предопределены особой социальной структурой чеченского общества, основанной на крепкой солидарности древних тейпов и вирдов, религии и других механизмах, “делая их мир непроницаемым для русско-советского начальства”¹⁰.

“Сопrotивление и победа чеченцев в некотором роде – чудо, и произошло оно в силу тех же причин, которые и привели к войне и о которых мы уже говорили. Будь чеченцы народом с другой системой ценностей и другой исторической памятью, возглавляй их не малограмотные полевые командиры, зачастую с криминальным и полукриминальным прошлым, а нормальные для постсоветского пространства ставшие националистами парtrаботники, одним словом, будь они чуть более рационалистичными и “современными” людьми, они никогда бы не пошли на такое сопротивление и во всяком случае – не победили бы. Для такой войны и победы нужно было полное нежелание и неспособность “считаться с реальностью” – только тогда возникает возможность эту реальность сломать и преодолеть”¹¹.

Из огромного числа высказываний и рассуждений российских публицистов и аналитиков нам удалось встретить только одно резко отличающееся от доминирующей версии мнение, которое было высказано известным публицистом Андреем Нуйкиным:

“Будь чеченский народ таким уж гордым и свободолюбивым, каким его подают на “Свободе”, в “Мы”, в “Известиях”, ему в 1945 году полагалось бы погибнуть, но не ехать в телячьих вагонах покорно в Сибирь и Казахстан. И терпеть над собою целых пять лет кураж уголовного дудаевского режима вольным и гордым не полагается. И наблюдать как сотни тысяч лиц “не кавказской национальности” обирают и изгоняют с родной для них земли, “вольным и гордым” не к лицу. Ну а насчет “свобода или смерть”... Да, в Чечне сейчас немало боевиков отчаянной храбрости, готовых и на массовые убийства, и на собственную смерть. Не думаю, что таких мало нашлось бы и в Венгрии, Чехословакии, Польше... Ах да, в Чечне ведь не просто борьба за свободу, но еще и джихад, все погибшие в ходе которого “прямоком попадают в рай”, с автоматами в руках и с оторванными головами в катомках. Если верить И.Ротарю (Известия. 1996. 19 марта), он сам видел, что боевики после боя (в отличие от безбожных русских) “не оплакивали погибших товарищей, а даже радовались за них”. “Наш друг оказался настолько совершенен, что Аллах решил уже взять его к себе!” – говорили друг другу бородастые боевики с зелеными повязками”.

Фанатики в этом конфликте, конечно, есть, но вряд ли стоит их так уж романтизировать, демонизировать и видеть в них причины непобедимости Дудаева. Тем более что при ближайшем рассмотрении большая часть их предпочитает все же обеспеченность краткого своего пребывания на земле вечному нищему блаженству на небе.

“Не за идею, а за доллары воюют на стороне Дудаева наемники” – это название статьи в “Российских вестях”, думается, более правдоподобно объясняет энтузиазм большинства героев джихада.

Накал борьбы за свободу все-таки обычно пропорционален степени несвободы, угнетения, унижения тех, кто поднимает знамя освободительной борьбы. Но хоть кто-нибудь из певцов свободолюбия чеченских боевиков объяснил бы мне наконец, какой именно свободы не хватало им и в 1991 и в 1993 годах? Кто в эти годы покушался на их свободу? Чем в последние годы свобода чеченцев была меньше свободы любой нации РФ? Кто и как дискриминировал их, мешал развитию их культуры, языка, экономики? Нет, не похоже, что причины непобедимости чеченских мятежников можно отыскать в их особом свободолюбивом менталитете, психологии, традициях, религии... Тогда в чем же они?”¹²

Именно на эти весьма резонные вопросы вдумчивого публициста мы и пытаемся дать ответы в следующих главах. Возможно, они далеко не исчерпывающие и не всех смогут устроить.

БРЕМЯ ВНЕШНИХ ПРЕДПИСАНИЙ

Я.В. Чеснов назвал одну из своих статей “Чеченцем быть трудно”¹³, имея в виду необходимость для каждого чеченца знать и следовать сложным этикетным нормам и религиозно-бытовым традициям. Все эти “трудности” не идут ни в какое сравнение с тиранией внешне навязанного образа, необходимостью соответствовать ему

или реагировать на запросы по поводу соответствия или несоответствия. Тирания внешнего образа пришла с конфликтом, вошла в общество уже как часть его внутренних представлений и радикально изменила ситуацию. Ахьяд Д. при последней встрече уже после праздника *ураза* в феврале 1999 г. сказал мне:

“Невозможно пройти или что-либо сделать. Как слово чеченец услышат, так все. Или чего-нибудь от тебя обязательно надо, что-то надо сделать особенное или, наоборот, как от чумного. Тяжело мне сейчас, Валерий Александрович, устал я сильно. Надо съездить домой. Опять же отец приказал, а его нельзя слушаться”.

Житель южнороссийского города Волгодонска после одного из серии террористических актов (взорван жилой дом) так высказался на НТВ 19 сентября 1999 г.:

«Выгляжу как все, даже глаза – голубые. Живу много лет в Волгодонске с семьей, всю жизнь чабанил в местных краях. Теперь после взрыва в паспорт заглядывают: “А ты оказывается двойной враг: чеченец и живешь почему-то в Волгодонске. Я уже теперь боюсь выходить из дома. Но если твердо скажут уехать отсюда в Чечню, тогда уедем сами. Но только что – они от этого богаче станут?».

“Чеченскость” как актуализированная этническая нагрузка личности стала тяжелым бременем для представителей этой группы. Эта ситуация знакома представителям многих групп в стране (российские немцы после войны, депортированные народы до возвращения, евреи и цыгане в определенные периоды и в определенных ситуациях). Но современный случай с чеченцами – особый в силу огромной публичности и эмоциональной нагруженности слова, с которым уже связывают гораздо большее, чем человек определенной национальности. Убежищем от “чеченскости” становится только или сама Чечня, или близкое чеченское окружение, когда тебя воспринимают не как чеченца, а как прежде всего человека. Чеченцы устали быть чеченцами из-за внешних предписаний и курьеза. Они не хотят быть “другими”, и их современная идентичность основана не на оппозиции, а на постоянном вопросе: “А почему мы должны быть другими?” Структуралистская схема “мы–они” здесь присутствует абсолютно в противоположном смысле по сравнению с тем, как ее обосновывали Клод Леви-Стросс и его запоздавшие последователи в отечественном обществоведении.

БЛИЖНИЙ ВНЕШНИЙ КРУГ

В эту ситуацию не вполне вписывается отношение к чеченцам среди представителей других северокавказских народов. На Кавказе всегда существовал свой внутренний счет и свои собственные межэтнические диспозиции, обусловленные историей (вернее, истори-

ческой мифологией), уровнем благосостояния, культурными достижениями, представительством в центре, поведенческими нормами и даже молодежной субкультурой. Кабардинцы или дагестанцы никогда не считали себя “ниже” или “слабее” чеченцев, но отдавали должное так называемому чеченскому понту. В 1970-е годы одну из модных форм мужских ботинок так и называли “чеченами”, потому что именно они стали носить их первыми. За чеченцами всегда был аргумент толстовского Хаджи-Мурата, а позднее солженицынского образа единственной непокорной нации в системе ГУЛАГА. Они представлялись в образе людей отважных и горячих, но не очень благоразумных. Северокавказцы в целом симпатизировали чеченцам как одной из наиболее пострадавших групп в ходе сталинских депортаций.

На этом набор стереотипных характеристик исчерпывается. Мы не зафиксировали каких-либо устойчивых негативных отношений к ним, хотя они далеко не всегда были простыми, особенно с осетинами (из-за территориального спора вокруг Пригородного района) и дагестанцами (из-за чеченцев-аккинцев, вернувшихся после депортации в Дагестан и претендовавших на занятые земли и дома, свое место во властной структуре и в распределении ресурсов). Отношение к чеченцам здесь отличается большей степенью детализированности, а значит и человечности в смысле более естественных чувств и установок в зависимости от конкретных людей и ситуаций.

Интересовавший меня вопрос о первом контакте с чеченцами я задал коренному жителю Дагестана, уроженцу и жителю Махачкалы, Энверу Кисриеву. И вот какую версию он мне поведал (это было в Женеве 27 июня 1999 г.):

«Мне было лет десять, когда я впервые услышал разговоры “чеченцы возвращаются”, но что это значило и кто такие чеченцы, я себе долго не представлял. В Махачкале их не было. Их не было в нашей школе и не было среди всех моих знакомых и друзей. Первый раз в жизни я увидел чеченцев, когда в 1962 г. поехал на соревнования по легкой атлетике в Грозный (я тогда выиграл первое место по прыжкам в высоту среди юношей в Дагестане). Вот там на стадионе увидел чеченцев. Они болели за своих. Выглядели такими энергичными и красивыми ребятами. Но это был взгляд издали. Первый личный контакт получился только в 1986 г., когда я поехал в турпоездку в Болгарию и у нас в группе был чеченец Сурумпаши. Он ко мне как-то сразу прилепился, вел себя очень почтительно и даже, можно сказать, показывал мне беспрекословное подчинение как к старшему, хотя он всего был на четыре года моложе. Вот эта навязчивая почтительность – одна из характерных черт чеченцев. Но это еще ничего не значит.

У нас в институте был аспирант-чеченец, очень старательный и скромный. Ему, говорят, родственники сказали: ты у нас самый умный, и мы посылаем тебя учиться. Он потом уехал назад в Чечню и всю историю переписал на свой лад, доказывая, что чеченцы с исторических времен жили по всему Северному Кавказу и их территория выходила к Чер-

ному морю там, где остров Чечен. У нас в институте смеялись и одновременно возмущались по этому поводу. Чечен-остров был назван так потому что там жили в прошлом веке русские рыбаки-браконьеры, которых дагестанцы прозвали “чеченцами”. Эта история прекрасно известна.

Но вот что интересно: никто из наших историков писать опровержение не хочет. Боятся за себя. Чеченцы могут угрожать. Один наш уважаемый дагестанский историк так и сказал: “У кого нет ума, тот пусть так считает, а спорить с ними бесполезно”. Вот сейчас написали наши хорошие ученые-даргинцы (им до этих земель дела нет) “Историческую географию Дагестана”, но что-то осторожничают с ее публикацией. Мне же Умар Джавтаев заявил: “Мы этого историка, который написал, что чеченцы пришли на равнинные территории Ичкерии всего 150–200 лет тому назад и арендовали землю у кумыкских ханов, мы его всего равно отловим и убьем. У нас уже стрелки на него назначены”. Я думаю, что речь идет о Тимуре Аитберове, одном из ведущих кабардинских историков*.

Вот Умар – это второй чеченец, которого я знаю лично. Он ко мне высказывает почтение и здесь за границей держится солидарно. На меня обиделся сегодня, что я его не поддержал во время дискуссии в рабочей группе по конфликтам. Он на меня обиделся, хотя потом извинялся. Достал он меня со своим уважением. Он меня нашел в Москве и даже жил несколько дней до отъезда в Женеву. Я ему с женой хинкал ставил, коньяк пили. Он мне много чего рассказал о положении в Хасавюртовском районе, хотя, конечно, он знает больше. У нас в Дагестане отношением к ним такое: если чеченцы в меньшинстве, то это самые хорошие ребята, если их большинство, тогда все: начнут принижать и давить. Это – политический народ. Он знает, что такое сила. Чеченец постоянно примеряется к обстановке и от этого может сильно менять свое поведение. Например, сидим компанией в ресторане за столом, чеченец говорит тосты за каждого, всем выказывает уважение. Но вот появилась компания чеченцев и села рядом за столик. Этот чеченец стал совсем другим: надменным, стал дерзить и прочее. Вот такие они.

Для дагестанцев чеченец – это вор. Есть кумыкская шутка о чеченцах (а кумыки ближе и дольше всех жили соседями с чеченцами): «Кумык приглашает в гости чеченца, хинкал ставит и другое угощение. Потом второй, третий раз. Чеченцу люди говорят, ты почему к себе в гости его не позовешь. “А что я скажу, если он вдруг спросит, откуда у меня мясо?»

У чеченцев очень отличается от дагестанцев мораль. У них может быть стыд, но нет совести. Если чеченец своровал и не попался, тогда он герой и ему никто ничего не скажет. Отец никогда не упрекнет сына за это. Ну, а если попался, тогда шутки и издевательства, что такой неудачный.

---

* По этому поводу чеченский кросс-рецензент Рустам Калиев заметил: “Такой разговор об убийстве вполне мог быть полусерьезным, так как “черные шутки” – отличительная черта чеченцев. Хотя надо признать, что толкование истории Кавказа – очень большая тема для чеченцев. Они особенно болезненно воспринимают версии, которые исходят от дагестанцев, кабардинцев или осетин, т.е. соседних народов. Среди чеченских стариков до сих пор бытует мнение, что имущество чеченцев и ингушей после депортации 1944 г. было разграблено их соседями. Поэтому всякое называние исторических версий извне чеченцами воспринимается негативно”.

Для нас непонятно, как они могут держать людей в кандалах, использовать их и перепродавать как рабов. У нас на Кавказе были рабы, но не в античном смысле. В Дагестане издавна селили пленников в джамаатах где-нибудь на окраине и давали ему в жену какую-нибудь хромоножку. Он должен был сам себя обеспечивать. У нас ресурсы скудные и держать его как раба с обеспечением было бы себе дороже. У чеченцев земля была лучше и рабы могли приносить доход. Поэтому они до сих пор могут держать человека в кандалах и продавать его как скот. Чеченцы – очень энергичный народ и очень стойкий. У них есть гиперэнергия. Они внешне выглядят как европейцы большие, чем дагестанцы, но на самом деле они очень отличаются”*.

Получившаяся дискуссия позволила мне выявить наличие своего рода диалога идентичностей на уровне чеченцы – дагестанцы и, кроме этого, сделать вывод, что деление образов на эмные и этные может быть достаточно условным. Особенно, если речь идет о ближнем круге.

Итак, мы имеем в ближнем круге в предконфликтный и послеконфликтный период, казалось бы, негативный образ чеченцев, а самое главное – обнаруживается различие между представлением о “дагестанцах” и о чеченцах-аккинцах, которые как бы в это понятие не входят, хотя являются жителями Дагестана. Такова же самоидентификация и среди самих аккинцев, что подтвердили мои разговоры с Умаром Джавтаевым, который часто употреблял слово “дагестанцы” как оппозицию собственной идентичности. И все же мне важно проверить этот вывод на других свидетельствах, ибо в наблюдениях Энвера Кисриева, конеч-

---

* Эти высказывания Энвера Кисриева вызвали бурную реакцию среди моих чеченских кросс-рецензентов. Вахит Акаев настолько возмущился, что отказался дать комментарий. Джабраил Гакаев заметил, что это все неверно и профессиональному обществу выражать такие взгляды нельзя. Хеда просто написала на полях: “Думаю, что у Кисриева срабатывает комплекс собственной неполноценности, который дагестанцы всегда испытывают по отношению к чеченцам”. Обстоятельнее замечания Рустама Калиева: «Энвер Кисриев изложил наиболее распространенное мнение о чеченцах в Дагестане. Его рассказ пестрит впечатлениями, которые взяты за основу оценок. Много исторических стереотипов, основанных на национальных преданиях, которых много у каждой национальной группы на Кавказе. В общении со многими представителями Дагестана каждый раз замечается некое скрытое сравнение, я бы даже сказал, посознательное соперничество с “чеченскостью”. Интересно, что они постоянно акцентируют внимание на том, как “крутые аварские” (даргинские, кумыкские, лакские, и т.д.) ребята серьезно побеседовали на “очень высоких тонах” с чеченцами. Делается такая ремарка вне зависимости от того, насколько это интересно слушателю. Таким образом, соперничество происходит не с самими чеченцами, а с теми мифическими стереотипами “чеченскости” – которыми богато обставлен чеченский быт. Возможно, в дагестанской среде склонны доверять этим стереотипам, и практически переживают некий комплекс и связанный с этим вопрос “мы не хуже”, который остается для них вечно актуальным. В замечаниях Кисриева это проявляется многократно – форма модной обуви “чечены”; переписавший на свой лад всю историю аспирант-чеченец и хорошие ученые-даргинцы, написавшие “чистую правду”, но из-за боязни чеченцев ее не публикуют; ресторанные посиделки, где чеченцы держат и унижают других; чеченцы с богатой землей и угнетающие рабов. И все при том, что они в большей степени, чем дагестанцы, выглядят как европейцы”.

но, есть элементы бытовой стереотипизации и субъективной противоречивости. По крайней мере не все приписываемые чеченцам черты носили отрицательный характер, а замечание о “гиперэнергии” можно было отнести скорее к комплексу собственной недостаточности, как это посчитали Хеда Абдулаева и Рустам Калиев. Хотя я бы не сказал, что дагестанцы демонстрируют менее манифестное, а тем более этикетное поведение, свойственное всем представителям северокавказских народов.

Пытаясь выяснить некоторые причины этой негативной, по моему определению, “ближней стереотипизации”. Я услышал высказывание, представляющее интерес:

«В 1996–1997 гг. мне довелось работать в Махачкале помощником председателя правления одного из банков Дагестана. Мой патрон на тот момент возглавлял минтопэнерго этой республики и был, что называется, кадровым сотрудником в руководстве республики. Так вот этот человек, по мнению его коллег, излишне много контактировал с чеченцами и евреями. Он действительно часто разводил дискуссии по поводу того, существуют ли различия между дагестанцами и чеченцами, и если “да”, то в чем они проявляются. Обычно эти разговоры завершались простыми сентенциями: “Вот, мол, не сидится им, чеченцам. Вечно что-то придумают на свою, а главное – на нашу голову”. И тому подобное. Потом при попытке что-то узнать в доверительной беседе выяснились интересные детали. Например, один гость Шамиля (так звали патрона) пояснил мне, что одной из причин противоречий с чеченцами и негативного к ним отношения является эгоистичная обособленность чеченцев и ингушей. “Между вами, чеченцами и ингушами, с трудом решаются браки. А много ты можешь привести примеров, когда чеченка вышла (или ее выдали) за дагестанца или представителя другого народа?” Этот вопрос застал меня врасплох. Я смог привести только один пример брака между чеченским парнем и девушкой-кумычкой. Случаев, конечно, больше, но все равно это редкость. Мне также был задан вопрос, а разрешил бы я, чтобы моя сестра или дочь вышли за дагестанца. Я вынужден был ответить твердое “нет”. Мой собеседник заметил, что если бы даже я сказал “да”, то он бы не поверил мне, ибо “всем известно, что “нет”. Чеченцы неискренни, когда говорят, что они не националисты и они уважают все народы. На самом деле они любят и уважают только самих себя, хотя почтение и уважение проявляют ко всем и делают это изысканно» (Рустам Калиев).

Таким образом, одна из причин негативного отношения к чеченцам, по крайней мере среди дагестанцев, кроется в отличии их брачного поведения, которое выражается в большей степени эндогамности, которая в свою очередь трактуется как “закрытость” или “индивидуализм”. На самом же деле эти различия основываются совсем на других причинах, которые никак не связаны с “уважением” или “неуважением” других народов. Дагестан – гораздо более многоэтничен, чем Чечня, и здесь браки между местными этническими группами очень распространены. В более многолюдной Чечне выбор

брачных партнеров из своей среды гораздо шире. Кроме того, в Чечне больше, чем в Дагестане, престижных иноэтнических брачных партнеров из числа русских жителей, что постоянно присутствует в фольклорно-бытовой иерархии разных групп, проживающих в этом регионе¹⁴.

СИМПАТИИ И СОПЕРНИЧЕСТВО

Северокавказская солидарность и прочеченские настроения заметно возросли в связи с конфликтом в Абхазии, где чеченские вооруженные группы сыграли самую заметную роль в военной победе сепаратистского режима Ардзинбы над грузинскими войсками. Своеобразную народную симпатию, а возможно просто азарт соседей, мне довелось заметить во время переговоров во Владикавказе, когда уже началась война. За вечерним ужином североосетинский министр внутренних дел сказал тост на чеченском языке, который в переводе звучал примерно так: “За вас, ребята. Держитесь!” Позднее, когда война опалила весь регион и появились жертвы и среди северокавказцев, отношение начало меняться. Негативный настрой становится снова преобладающим, когда чеченцы одерживали верх над российскими войсками и, казалось вот-вот добьются независимости.

Появление сильно вооруженного народа с психологией военного превосходства среди соседних народов сразу же было оценено как нарушение давнего этнического баланса и как шанс оказаться в зависимости или политическими заложниками радикальной чеченской политики. “Никогда такого не было, чтобы дагестанцы были под чеченцами, а сейчас такая угроза есть, и некоторые наши горячие ребята готовы все поставить на свои места”, – заметил в одном из разговоров Энвер Кисриев. «Мы когда были в Кизляре в момент Первомайского кризиса (захват заложников в больнице группой чеченского командира Радуева в январе 1996 г. – *В.Т.*), я хорошо запомнил как на переговоры с чеченцами заявили крутые аварцы и прямо им заявили: “Мы сейчас начнем класть головы чеченцев на площадь, пока ваш дурак Радуев не освободит всех заложников и не уберется отсюда”. Это тогда на них сильнее подействовало, чем условия федеральных представителей и дагестанского президента Магомедова».

Мощная трансформация ближнего внешнего образа произошла уже после войны, когда официальные представители северокавказских республик и многие симпатизирующие “национально-освободительной борьбе” отпраздновали вступление в должность президента Чечни Аслана Масхадова. В 1997–99 гг. с территории Чечни стали распространяться открытый терроризм и массовый криминалитет. Было взято в заложники несколько сот человек (более 600),

в основном из пограничных областей (Северная Осетия, Ингушетия, Ставропольский край, Дагестан). По территории границы с Чечней стали совершаться постоянные рейды вооруженных групп с целью грабежа жителей, захвата их скота и другого имущества. Имели место сотни вооруженных инцидентов с местными милиционерами и федеральными солдатами. Наконец, в августе 1999 г. было совершено вторжение на территорию Дагестана хорошо вооруженных и подготовленных групп боевиков из числа чеченцев и дагестанцев под лозунгами исламского экстремизма.

В результате в северокавказском регионе произошла резкая смена настроений в отношении Чечни и чеченцев. “Это – бандиты, нелюди, безбожники. Зачем они к нам пришли, когда мы их не звали. Они все забрали: вот все теплые свитера из шкафа, ковры собрали, все ценное и зачем-то холодильник четыре раза прострелили”, – жаловалась аварская женщина из поселка Новолакск после того, как закончились бои в этом районе и мирные жители вернулись к своим домам, многие из которых оказались разрушенными, а большинство разграбленными. – Они на *камазах* оружие сюда привозили, а назад грузили их нашим добром. Нет им за это прощения. Никакие они не мусульмане. Если за веру борются, пусть приходят и молятся везде и когда хотят: никто их не тронет и никто им мешать не будет”.

“Мы этих чеченцев сами достанем и быстро с ними разберемся, раз пришли на нашу землю и осквернили ее. Нам и в дома наши возвращаться теперь невозможно после того, как в них враг хозяйничал. Все изгадили, перевернули, разбили. Меня один из чеченцев остановил на улице и спросил документ. Я ему из кармана вытащила свое пенсионное удостоверение, а он увидел, что еще что-то торчит и спрашивает, а это – что? Я ему достала свернутый листочек из Корана. Это был мой талисман. Я его всегда с собой ношу и дочке давала, когда она ездила в Махачкалу поступать в институт. Так он сказал: “Выброси эту вредную гадость!” Откуда взялись эти люди, чтобы нам свой порядок навязывать. Мы все при советском строе выросли. А им надо, чтобы женщины лицо закрывали” (из интервью с жительницей Дагестана. НТВ. 1999. 19 сент.).

Итак, в России в течение очень короткого времени возникли стереотипные версии в отношении части ее граждан чеченской национальности. Одна – смелых, гордых, независимых, непокорных, культурно “других” людей. Вторая – тоже радикально “других”, но со знаком минус: воинственных, фанатичных, жестоких и нечестных людей. Первоначально обе версии возникли в результате акта речи, литературных мифов и визуальных образов СМИ, но никак не прямого жизненного опыта. Если последний присутствовал, то и он только служил отсылкой для литературного образа, как это про-

изошло с чеченцами Солженицына. “Прямой опыт” появился позднее, уже после войны, особенно в ходе событий в Дагестане и других приграничных областях. И он, этот опыт, был в целом негативным, если не считать более чувствительных наблюдений, которые демонстрируют некоторые участники конфликта.

Упрощенные версии периода конфликта стали актом разрушительной дегуманизации чеченцев, что самым негативным образом сказалось на нормальной (по советским меркам, хотя бы негипертрофированной и невсеохватной) личностной этнической идентичности и на утверждении неизбежной диктатуры “чеченскости”. Ответные реакции были разными, но чаще всего брали верх” защитная агрессивность или разрушительное самовозвеличивание, о чем пойдет речь в следующей главе.

И все же касаясь версии коллеги Кисриева о двойственности или двуликости чеченцев, я с трудом представляю себе подобную проекцию на тех, кого хорошо знаю лично. Мне трудно представить, что сдержанный и деликатный Муса Юсупов, член Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (за долгое общение мне не удалось построить с ним какой-либо детальный разговор!), может радикально изменить свое отношение и поведение в ситуации большинства. Я также не заметил серьезных изменений в поведении Исмаила Мунаева, когда был среди чеченцев в Грозном, где Исмаил был нашим основным хозяином, по сравнению с тем, как Исмаил держался в Москве. В равной мере такое же ощущение у меня есть в отношении Джабраила Гакаева и других близких чеченцев. В чем здесь загадка восприятия Энвера Кисриева и других, с кем я говорил на эту тему во время поездки в Дагестан летом 2000 г., мне не удалось разобраться. Может быть, близко контактирующие народы могут создавать еще более жесткие стереотипы, чем дальние аутсайдеры? Возможно, сказывается тот самый комплекс малых культурных различий, о котором писал еще Зигмунд Фрейд, или конкретный ущерб отношениям, который был нанесен дагестанскому сообществу с началом чеченской “национальной революции”.

ДАЛЬНЯЯ ВНЕШНЯЯ ВЕРСИЯ

Свою историю и динамику имеет чеченский образ во внешнем мире, где очерчиваются три круга окрашенных отношений. Один – это страны бывшего СССР, которые только что пережили триумф упразднения СССР (что было равносильно отделению от России), но еще не насладились моментом реванша над бывшим “старшим братом” и каждое его унижение или поражение склонны рассматривать как свою победу. В принципе это было и остается явлением, которое можно определить как инерцию поведения бывших советских меньшинств. Антироссийский синдром грузинских, украинских, бал-

тийских, казахских и многих других интеллектуалов и политиков еще долго будет присутствовать в постсоветском пространстве. Чечня позволила советским меньшинствам проявить еще одно чувство – подтверждение правильности и неизбежности избранного бывшими союзными республиками курса на дезинтеграцию исторического государства. Психологией реванша и убежденностью в мировую закономерность “национального освобождения” оказались охвачены часть эмоционально настроенной молодежи, откровенные авантюристы и “возлюбившие войну”.

На одном из конфликтологических семинаров в рамках Сети этнологического мониторинга (Голицино, 1995 г.) я был поражен зангажированной увлеченностью двух молодых людей из Харькова в избранном ими деле миротворчества в Чечне. Елена Петрова и Андрей Базавлук, называвшие себя журналистами, находились несколько месяцев в Чечне в период военных действий и на семинар прибыли прямо из Грозного. Все мои попытки выяснить, что они там делали, заканчивались смутными рассказами и плохо снятыми кадрами любительской видеокамеры. “Чеченцы – это ударный отряд борьбы против последней империи, а я себя посвятил этому делу и поэтому я вместе с ними. В этой борьбе вся моя жизнь”, – так изложил свою личную историю миротворца Андрей на одном из заседаний. Эти молодые люди явно нуждались в психотерапевтической помощи, как и многие из эмоционально неуравновешенных и социально неподготовленных людей для пребывания, а тем более для работы в зоне конфликта. К сожалению, жизнь этих молодых людей оборвалась в Чечне: они бесследно исчезли среди тех, кого считали “антиколониальным авангардом”¹⁵.

Украинские и прибалтийские радикальные националисты, а также часть грузинских (сторонники Звиада Гамсахурдиа) наиболее активно героизировали чеченцев и подталкивали их к вооруженному действию. Подобная позиция стала почти официальной уже после окончания войны, которую многие хотели видеть как акт состоявшейся сецессии Чечни. В украинском г. Львове появилась улица имени Джохара Дудаева, в Эстонии – музей Дудаева, в Азербайджане – престижное здание под представительство Чечни, в Грузии – приемы на государственном уровне чеченских лидеров. Не исключая, что этот круг воздействий, хотя и был не очень сильным, но оказывал свое влияние. “Если украинцы назвали в честь Джохара улицу, почему нам не переименовать город Грозный”, – заметил один из видных чеченцев. Официально это скоро было сделано, и появился город Джохаркала, который люди продолжают называть Грозным.

Самая дальняя внешняя версия была, пожалуй, не менее мощной по своей предписательной силе, чем отечественная, российская. Чеченская диаспора в дальнем зарубежье немногочисленна и не так влиятельна, как, скажем, армянская или украинская, но среди нее

выделяется одна фигура, которая оказала особое влияние на ситуацию в Чечне. Это политолог и историк-советолог Абдурахман Авторханов, автор нескольких книг, в том числе по проблемам российской колониальной политики и сталинских депортаций. Его книга “Империя Кремля” была одной из первых в период перестройки переведена и издана на русском языке. Таймаз Абубакаров, дудаевский министр промышленности и финансов, пишет в своей книге, что Авторханов был для Дудаева главным из зарубежных авторитетов¹⁶.

Какое послание исходило от престарелого чеченского эмигранта, который никогда не видел современную Чечню и ее жителей, а по некоторым данным, даже считал, что все чеченцы сгинули в депортации. Через радиостанцию “Свобода”, личные послания Дудаеву и публикации в прессе, в том числе и в чеченской, Авторханов уже в 1991 г. так определил события в Чечено-Ингушетии:

“Это, по-моему, бунт детей в отместку за гибель своих отцов и матерей в адских условиях депортации в далекие, холодные, голодные Казахстан и Киргизию. Это всенародный протест против все продолжающегося господства старых структур власти в Чечено-Ингушетии. Это начало освободительной революции народа за свою независимость, независимость Северного Кавказа... Я не сомневаюсь как в идеализме Джохара Дудаева, так и в благородстве его национальных мотивов. Но я против нового газавата. Я против повторения кавказской войны периода Шамиля, мы живем в новое время, в новых условиях и с новой Россией. Поэтому на основе адата горцев, когда старики пользуются привилегией давать советы молодым, я обращаюсь лично к вам, дорогой Джохар Дудаев. Забудьте, пожалуйста, о газавате. Ищите наше спасение и свободу на тех же путях, на которых их завоевали окраинные республики бывшего Советского Союза” (“Забудьте о газавате”. // Литературная газета, 1991, № 43).

Республиканская независимая газета Чечено-Ингушетии “Импурс” с польским лозунгом “За нашу и вашу свободу” в июле 1991 (№ 1) поместила статью грозненского пенсионера А. Мудуева “Чего мы стоим?": В ней говорилось:

“Своим возрождением наш народ обязан в первую очередь мировому сообществу наций, передовой мысли людей, среди которых одним из первых значится и наш земляк Абдурахман Авторханов. Это благодаря ему и ему подобным честным и мужественным людям мир узнал истину о трагедии депортированных народов. На нашу реабилитацию партийная структура во главе с Хрущевым была вынуждена пойти. Полумеры тех далеких лет переплелись в клубок страданий и переросли в нестабильность сегодня, незаживающей раной отзывается эта полумера для братского ингушского народа и аккинцев, как и для бывших горных районов Чечни, по сегодняшний день ждущих своего высочайшего признания”.

Таким образом, несмотря на внешне миролюбивую риторику, Авторханов формулирует открытый призыв к новому кругу дезинтеграции бывшего СССР, на сей раз путем отделения от России Се-

верного Кавказа. Облекается этот призыв в идею освободительной революции. Эта идея оказалась позднее настолько непререкаемой, что подвергать ее сомнению уже было невозможно. Как пишет Таймаз Абубакаров, даже самая радикальная антидудаевская оппозиция не могла вырваться из этой идеологической парадигмы, что и было основным препятствием для становления социально-экономических основ чеченского суверенитета, который не мог существовать вне российского экономического пространства. Что же касается самого Дудаева, то он “стал не просто заложником курса на независимость, но и заложником этой идеи, доводимой до крайности, когда желанной становилась независимость вообще, независимость как таковая, в том числе и от своего родного чеченского государства”¹⁷. Поражает также претензия представителей старшего поколения со ссылкой на адат и на право старейшин предписывать нынешнему поколению повестку действий. Со стороны Авторханова это был действительно реванш за пережитые им травмы, но только осуществлять его должны были уже чеченцы, лично не пережившие депортацию и другие преступления сталинского режима.

Идеология реванша происходила и от других внешних подсказчиков, история жизни которых была связана с Советским Союзом, а тем более с Кавказом и Чечней. Показателен пример Марии Беннигсен-Броксап, супруги западного банкира и дочери Александра Беннигсена, одного из основателей западного кавказоведения и специалиста по Северному Кавказу. Мария сама является издателем профессионального журнала по проблемам Средней Азии и Кавказа. События в России (прежде всего в Татарстане, Чечне и Дагестане) стали для нее живой политикой и надеждой на “освобождение” исламских народов или на их “доисламизацию”. “Ну, отпустите вы их!”, – обратилась ко мне Мария во время одного из давних разговоров начала 1990-х годов.

“Какие они все в своих папахах красивые! Какие они благородные и деликатные! Этот съезд Конфедерации народов Кавказа в Грозном произвел на меня огромное впечатление. Настоящее национальное возрождение!” Это – из разговора с молодым западным антропологом, которая впервые посетила Россию и была в Чечне летом 1992 г. В это же время в Грозном Институт этнологии и антропологии РАН проводил общероссийскую сессию этнографов и антропологов. Мне тогда лично позвонил Р.И. Хасбулатов и сказал: “Снимем с работы, если поедешь в гости режима, который признан Верховным Советом как незаконный”. Мне как члену федерального правительства пришлось подчиниться. Спустя некоторое время я спросил своих коллег-этнографов об их впечатлениях о Чечне. Соотечественник-москвич ответил: *“Чеченцы в полном разгуле, русские сидят смирно, споров никаких, паранойя с проверками, демонстрируют грубую силу, папахи стали большие носить, но в целом совки совками”*.

Дальние внешние наблюдатели видели или желали видеть Чечню и чеченцев только как “внутреннее зарубежье России”. Фактически все тексты из этого источника периода войны и после – это политагитки в пользу вооруженной сецессии и крайняя экзотизация чеченцев. Портреты Дудаева появились в офисах ответственных чиновников Госдепартамента США (20 лет тому назад некоторым моим ровесникам на Западе хотелось бы повесить портрет Че Гевары, но отваживались это делать только более раскованные университетские преподаватели). Среди зарубежной военной публики и военных корреспондентов появилась абсолютная замороженность успехами “чеченского сопротивления”, ибо поражения терпела армия, против которой десятилетиями вооружался весь западный мир. Более жестко настроенные в отношении России эксперты, в том числе моя давняя коллега из Стэнфордского университета Гейл Лapidус, пришла к выводу о легитимности чеченской независимости и в своем анализе выступила с высказываниями в адрес западных правительств и общеевропейских структур, что они во время не вмешались (имеется в виду в поддержку Чечни) в конфликт и не принудили Россию признать право на самоопределение этой части страны¹⁸.

Этот дальний внешний круг также имеет свою динамику и внутреннюю неоднородность. В 2000 г. участники Женевского форума по проблемам безопасности с энтузиазмом встретили мой доклад о природе насилия в Чечне¹⁹, а спустя год Отдел ООН по борьбе с терроризмом с не меньшим удовлетворением включил в подготовленные материалы международной конференции по терроризму мой доклад о заложничестве и торговле людьми в Чечне²⁰. Три–четыре года тому назад западные коллеги заказывали и публиковали совсем другие тексты о чеченцах.

¹ Чеснов Я.В. Этнокультурный потенциал чеченской нации / Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. Отв. ред. В.А. Тишков и С.В. Чешко. М., 1996. С. 43.

² Чеснов Я.В. Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общество и государство. / Ред.-сост. Д.Е. Фурман, М., 1999. С. 91.

³ См.: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁴ Семенов Ю.И. Этнология и гносеология. // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.

⁵ Searle J. The Construction of Social Reality. Boston, 1995. P. 53.

⁶ См., например, лишенную саморефлексий, но обстоятельно сделанную с точки зрения подбора документов книгу, изданную Фондом защиты гласности: Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 – декабрь 1995 / Сост. О. Панфилов. Ред. А. Симонов. М., 1995.

⁷ Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; L., 1998. P.205–206.

- ⁸ Стенограмма выступления Сергея Караганова на заседании Комиссии “Большая Европа”. Париж, 1995. 16 янв. // Архив автора.
- ⁹ *Lieven A.* Op. cit. P. 206.
- ¹⁰ *Фурман Д.* Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: Общество и государство / С. 9–12.
- ¹¹ Там же. С. 14.
- ¹² *Нуйкин А.* С кем мы воюем в Чечне: (Только голые факты)? // Наш выбор, 1996. № 3. С. 16–17.
- ¹³ *Чеснов Я. В.* Чеченцем быть трудно: Тейпы, их прошлое и роль в настоящем // Независимая газета. 1994. № 181. 22 сент.
- ¹⁴ Более подробные сведения сравнительного плана по Северному Кавказу см.: *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- ¹⁵ О них см.: Россия-Чечня: Цель ошибок и преступлений. Общество “Мемориал”. М., 1998. С. 345).
- ¹⁶ *Абубакаров Т.* Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел: Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998. С. 36.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ *Lapidus G.* Lessons Learned From Chechnya. Report for the Carnegie Corporation of New York. N.Y., 1998.
- ¹⁹ *Tishkov V.* Understanding Violence for Post-conflict Reconstruction in Chechnya. Centre for applica studies in International Negotiations. Geneva, jan. 2001.
- ²⁰ *Tishkov V.* The Culture of Hostage Taking in Chechnya // Countering Terrorism Through International Cooperation / Ed. A. Schmid. Milan, 2001. P. 341–364.

Глава VII

АМБИЦИИ ЛИДЕРОВ И НАДМЕННОСТЬ СИЛЫ

Правда, как водится в войсках, уж коли решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать новое...”

Джохар Дудаев

“НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” ДЖОХАРА ДУДАЕВА

Идея самоопределения чеченской нации возникла в условиях горбачевской перестройки, когда периферийный этнонационализм перебил своей мощью процесс демократизации, осуществлявшийся реформаторской верхушкой коммунистической партии и радикально-демократической оппозицией. Вызов со стороны элиты титульных национальностей, был настолько неожиданным и сильным, что центр с его противоречивой и нерешительной политикой не смог найти эффективный и приемлемый для республик ответ. Этнический национализм продемонстрировал огромную мобилизующую силу, и идея создать для каждой этнонации свое собственное государство представлялась как естественная, желанная и подлинно демократическая.

Для ее реализации имелись все условия: а) взлелеянная советским строем “национальная государственность” союзных республик с многочисленной и амбициозной интеллектуальной и чиновничьей элитой и набором официальных институтов государственности, которые нужно было только заполнить “высшей” властью, до этого узурпированной центром; б) вера радикальной российской демократии в идею этнонационального самоопределения как основы создания “нормальных” государств и их демократического устройства и отсюда – поддержка со стороны радикал-демократов националистических движений в советских автономиях; в) косвенная или прямая поддержка этого сценария со стороны геополитических соперников

СССР и солидарность зарубежных диаспор вместе с международным пропагандистским аппаратом, созданным в годы холодной войны для борьбы с коммунизмом и “империей зла”.

Наконец, московские радикальные интеллектуалы обнародовали проект так называемой сахаровской “Конституции соединенных штатов Европы и Азии”, в которой национальный вопрос решался достаточно просто (как и в большинстве социальных утопий): все 53 национально-государственных образования СССР объявлялись равноправными, равноправными, суверенными государствами самоопределившихся советских наций¹.

Все эти замечания не перечеркивают определенные положительную роль и позитивное начало, которые содер­жались в движениях и программах этнического национализма на территории бывшего СССР. Энтузиастами и активистами этого политического проекта стали не только этнические элиты союзных республик, но и некоторых автономных образований, где имелись необходимый человеческий материал и социально-исторический фон. В процесс суверенизации активно включились представители Абхазии, Татарстана, Башкирии и ряда других автономий, среди которых Чечено-Ингушетия не была пионером, если говорить об официальном голосе этой республики в общесоюзном политическом диалоге тех лет. Старая политическая элита предпочитала лояльную осторожность более вызывающему поведению таких лидеров автономий, как В. Ардзинба, М. Шаймиев, М. Рахимов. Однако Чечня не была и среди последних.

Д.Д. Гакаев так оценивает “период очередной пассионарности чеченцев” в конце 1980-х – начале 1990-х годов:

«Раскрепощенный горбачевской перестройкой процесс духовного развития чеченского народа пошел довольно активно. Политика экономической либерализации легализовала теневую экономику в СССР. На волне движения под лозунгом “Разрешено все, что не запрещено!” появился слой активных чеченских предпринимателей, которые заняли ключевые позиции в нефтяном, банковском, торговом, игорном бизнесе не только в Грозном, но и в Москве, Ленинграде, Киеве и других регионах СССР. Чеченские нувориши стали финансировать и политический процесс в Чечено-Ингушетии, стремясь протолкнуть во власть своих представителей.

Помимо этого на союзном и российском политическом Олимпе зазвучали имена представителей чеченского народа. Так, впервые в истории советского государства депутат Верховного Совета СССР, профессор Саламбек Хаджиев стал министром нефтехимической промышленности СССР, другой профессор Руслан Хасбулатов был избран первым заместителем, а затем и председателем Верховного Совета РФ, генерал-майор милиции Асламбек Аслаханов возглавил в российском парламенте Комитет по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. В Чечне активно шел процесс формирования новой национальной элиты. Ее основу составили представители интеллигенции, видные деятели науки, культуры, искусства, спорта... В Чечено-Ингушетии первыми на Северном Кавказе возни-

кли неформальные политические организации, начались митинги и демонстрации, стали выходить независимые газеты. Росло национальное самосознание, формировалась вайнахская национальная идея, появились первые концепции создания государственности чеченцев и ингушей. Казалось, что многострадальный чеченский народ, наконец-то, расправил крылья свободы и у него появилась возможность догнать другие народы России в социально-экономическом и культурном развитии»².

Как и во многих других республиках того времени, так называемое “национальное движение” оформилось вокруг вопросов экологии, историко-культурных переоценок, политического представительства. Многие местные эксперты называют среди катализаторов чеченского национализма борьбу против “виноградовщины” – концепции “добровольного вхождения чеченцев в состав России”, которая была выдвинута местным историком В.Б. Виноградовым и всячески насаждалась местной партийной машиной. Джабраил Гакаев, рассказал мне следующее:

«Винорадов и К° нанесли огромный вред межнациональным отношениям в республике, их советско-русский шовинизм стал катализатором чеченского национализма. Они, сами того не желая, активизировали обсуждение проблем развития чеченского народа, его истории, культуры. В местных теле- и радиопередачах, в статьях началась дискуссия о “белых пятнах” в истории чеченцев и ингушей, критика концепции Виноградова. Затем был поднят вопрос об экологических последствиях строительства биохимического завода по производству лизина вблизи г. Гудермеса. Так летом 1988 г. из неформалов возник Народный фронт, но, в отличие от прибалтийских республик, у нас его возглавил своего рода чеченский люмпен, а не представители интеллигенции. Русские к этому движению не присоединились, и оно было чисто чеченским по этническому составу.

Как большую победу национально-патриотических сил и как народный праздник отметили чеченцы избрание Доку Завгаева в июне 1989 г. первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС. Завгаев сначала смягчил режим, ограничил произвол КГБ, отверг “виноградовщину”, сделал послабления в отношении ислама, сменил несколько одиозных партийных и советских чиновников. В то же время он постоянно лавировал между коммунистами, русскими державниками и национал-радикалами для укрепления собственной власти».

С марта 1990 г. по сентябрь 1991 г. Завгаев занимал одновременно и пост председателя Верховного Совета республики. Именно тогда, 27 ноября 1990 г. сессия Верховного Совета ЧИАССР приняла декларацию о суверенитете и оговорила условием подписания республикой союзного договора решение вопроса о передаче ингушам территорий Пригородного района и части Малгобекского района в пределах их бывших границ, а также правобережной части Владикавказа. Принятие деклараций о суверенитете автономными республиками было спровоцировано тогдашним союзным руководством, когда М.С. Горбачев стал проводить линию на выравнивание их статуса с союзными республиками и на участие в подписании нового со-

юзного договора, чтобы прежде всего ограничить растущее влияние российского руководства во главе с Б.Н. Ельциным, а также сбить претензии союзных республик на исключительное положение. В свою очередь, сам Б.Н. Ельцин в период борьбы за пост российского президента объявил о готовности предоставить автономиям России неограниченный суверенитет и удовлетворить претензии их лидеров, вплоть до территориальных. Именно в этом духе были сделаны высказывания Б.Н. Ельцина во время посещения им летом 1990 г. Чечни и Ингушетии, а сопровождавшая его Г.В. Старовойтова выступила с речью на митинге в Грозном.

Доку Завгаев в марте 1991 г. провел через Верховный совет республики решение об отказе от проведения российского референдума. Хотя для тогдашних лидеров в Грозном это были всего лишь политические импровизации по утверждению большей самостоятельности от Кремля, позднее данное решение послужило одним из аргументов в пользу легитимности самопровозглашенной независимости.

В самой республике и среди влиятельных московских чеченцев зрел и начал осуществляться более радикальный политический сценарий. Решающим моментом стало создание весной 1990 г. Вайнахской демократической партии (ВДП), а затем созыв 23–25 ноября 1990 г. в г. Грозном съезда чеченского народа, лидерство на котором захватили З. Яндарбиев, Б. Гантемиров, Я. Мамодаев, провозгласившие своей целью борьбу за демократические преобразования в республике и за национальные права чеченского народа. Один из главных идеологов движения Зелимхан Яндарбиев был посредственным и малоизвестным писателем, каких во всех республиках в советское время были десятки и даже сотни. Яраги Мамодаев принадлежал к категории советских “цеховиков” и уже тогда обладал крупными денежными средствами, позволившими ему с апреля 1991 г. выплачивать зарплату Джохару Дудаеву и в июне предоставить отдельное здание для Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН).

По свидетельству Юсупа Сосламбекова, съезд чеченского народа был сформирован на основе “местных опросов” и на нем была одна тысяча делегатов, а также приглашенные гости, в том числе Джохар Дудаев. Принятое съездом постановление отразило радикальную программу чеченского национализма, которая в тот момент еще не имела отчетливо сепаратистской направленности. Главными были “ставший перед чеченским народом целый спектр специфических национальных проблем, без разрешения которых невозможно обеспечить его дальнейшее развитие как нации”³. Без решения каких вопросов чеченские активисты не могли себе представить развитие чеченской нации? Прежде всего это устранение неравноправного положения чеченцев, их “дискриминации даже на своей земле”. Ее проявлением назывались несоответствующее доле в общем

составе населения республики “представительство в органах государственной власти и управления народным хозяйством, в сфере духовной культуры и общественной жизни”, а также “затягивание центральным правительством решения проблемы ауховских чеченцев и вопроса о восстановлении автономии Ингушетии, наличие свыше 230 тыс. чеченцев, вынужденных жить вне пределов своей национальной государственности”⁴.

В полном соответствии с советской доктриной этнического национализма и обслуживающей ее академической теорией чеченским этническим предпринимателям представлялось некоей естественной нормой и даже условием развития чеченской нации (этноса) собиранье ее в единое тело на “своей” территории как путем расширения этой территории (ни одно национальное движение в постсоветском пространстве никогда не ставило вопрос о приведении в соответствие этнических и административных границ за счет уменьшения территории “своей” государственности!), так и путем возвращения “вынужденных” жить вне этой территории. Этот обязательный постулат радикального национализма почти всегда находит своих сторонников, хотя оказывается нереализуемым на практике. По крайней мере в ходе националистических движений и политических самоопределений на территории бывшего СССР нам не известны случаи возвращения на территории “своей” государственности представителей ближних и дальних диаспор ни среди чеченцев, ни среди абхазов, ни среди армян или эстонцев и латышей, за исключением отдельных лиц, соблазненных предложениями высоких государственных должностей или перспективами легкой наживы.

В постановлении была обозначена целая программа решения этнотерриториальных вопросов: сама Чеченская Республика объявлялась в рамках всей территории ЧИАССР, за исключением двух западных районов, которые “отводились” ингушам (последние должны были вернуться в границы 1934 г.); в Дагестане ауховским чеченцам должны были быть возвращены земли их предыдущего проживания, в саму Чечню должен быть ограничен приток населения извне, “за исключением лиц чеченской национальности”. Съезд выступил за меры по поддержке чеченского языка и культуры, мусульманской религии, за возмещение ущерба от депортации.

Поскольку любой национализм основывается на комплиментарной версии национальной истории, то он нетерпим к какому-либо иному интерпретациям прошлого. И в данном случае съезд постановил лишить всех наград и званий, а также и гражданства республики местного историка В.Б. Виноградова, труды которого не вписывались в общеразделяемую версию об исключительной древности и автохтонности чеченского народа. Более того, съезд постановил “вынести общенациональное порицание всем представителям чеченского народа, принявшим участие в пропаганде псевдонаучных концепций В.Б. Виноградова”. Претензии этнических чеченцев на

исключительную власть в республике нашли отражение в пункте о недопустимости назначения на посты председателя КГБ, министра внутренних дел, прокурора республики “лиц некоренной национальности”⁵.

Как и любой национализм, чеченский национализм нуждался в “лидере нации”, который призван выражать ее волю и интересы. В этой связи важным моментом в истории чеченского конфликта стало появление в республике Джохара Дудаева, феномен которого заслуживает особого анализа (см. следующую главу). Дудаев родился в 1944 г. за несколько недель до депортации и провел свои первые 13 лет жизни в Казахстане. После окончания вечерней школы поступил в летную школу, а затем в Тамбовское высшее военное училище. Служил военным летчиком в Сибири, на Украине и в последние годы в Эстонии, где занимал высокую командирскую должность в войсках дальней стратегической авиации. Это был пример успешной военной карьеры советского офицера. Женатый на русской женщине и почти не живший в Чечне, Дудаев был мало связан с республикой, хотя сохранил знание родного языка и сильную чеченскую идентичность. Он обладал импозантной внешностью и волевым характером.

Следует иметь в виду, что для чеченских активистов и для рядовых граждан общесоюзные выдвиженцы всегда имели особую значимость: они были своего рода визитной карточкой народа в общесоветском социуме, свидетельством его достоинств и талантов, а также внушали надежды на более широкое влияние и возможный протекционизм. Неслучайно, в советское время среди нерусских национальностей была своего рода постоянная конкуренция, кто сколько выдвинул из своей среды героев Советского Союза, крупных политиков, известных деятелей культуры и т.п. Придавалось особое значение и фактам женитьб известных деятелей центра на женщинах той или иной национальности. На этот счет даже имелось выражение “грузинский (осетинский, азербайджанский и т.д.) зять”, т.е. влиятельный москвич (русский, еврей, украинец и т.д.), женившийся на представительнице местной национальности.

В новой ситуации этот имидж “большого человека”, дослужившегося до званий генерала, академика или должностей министра и высокого партийного работника, сохранился среди нерусских национальностей, но стал играть другую роль. Вместо “агента влияния” в утрачивающем свою притягательность центре появилось стремление призвать знаменитых выходцев на местное правление. Аналогичная ситуация сложилась и с Дудаевым. Только сначала ей предшествовали ходатайства влиятельных чеченцев к российскому руководству сделать “хотя бы одного чеченца советским генералом”, что и было действительно сделано: в 1990 г. Дудаев получил звание генерала. Летом этого же года Дудаев посетил республику. Тогда же и родилась идея пригласить Дудаева в лидеры “национального движе-

ния”. Кто-то (возможно, Хасбулатов) поспособствовал быстрому увольнению в запас не выслужившего свой армейский срок действующего военачальника, что по тогдашним правилам не могло быть осуществлено только по личному заявлению.

На втором Общенациональном конгрессе чеченского народа в июле 1991 г. Дудаев уже выступал как лидер движения и тогда же было принято заявление, что Чечня не входит в состав СССР и РСФСР. Единственным законным органом власти был объявлен исполнительный комитет ОКЧН во главе с Дудаевым. Симпатизирующая реакция на этот съезд московских демократов усилила позицию ОКЧН и обострила политическую ситуацию в республике. Теряющее свое влияние руководство во главе с Завгаевым поддержало августовский путч ГКЧП (как и большинство других лидеров автономий) и это сразу же лишило его поддержки со стороны российского руководства. В Грозном начался бессрочный митинг против властей, на котором Дудаев выступал уже главной фигурой, хотя за ним постоянно стояла группа Яндарбиева, обладавшая всеми местными связями и материальными средствами.

Сам по себе феномен чеченских коллективных манифестаций достаточно интересен с точки зрения антропологического анализа. Это не политическое действие, а скорее демонстрация солидарности, вольности и воинственности, мобилизуемая и направляемая лидерами. Так, многие участники митинга на площади шейха Мансура ежедневно получали по 100 рублей (по тому времени достаточно значимая сумма), специально забивался скот и на площади постоянно варилось мясо. Нигде не работающие мужчины (женщин на чеченских митингах было мало), в основном старших поколений, составляли костяк митинга и обеспечивали его дух исполнением традиционного военного танца *зикр*. Даже на экранах российских телевизоров в сюжетах из Грозного почти всегда в кадр попадали одни и те же лица митингующих.

По сведениям тогдашнего начальника КГБ республики И.В. Кочубея, органы госбезопасности постоянно отслеживали ситуацию и даже ее контролировали. В те дни Яндарбиев был вызван “для профилактики” на беседу в местное КГБ и дал обещание, что ОКЧН не будет нарушать законы (спустя некоторое время здание КГБ будет сдано тому же Яндарбиеву по телефонному звонку из Москвы заместителя министра госбезопасности Иваненко!).

Завгаев требовал от Москвы принятия жестких мер по разгону митингующих, но только 3 сентября Президиум Верховного Совета РФ принял решение о введении чрезвычайного положения. В тот же день Дудаев объявил о низложении Верховного Совета республики. Уже на следующий день решение Москвы о чрезвычайном положении было отменено. Прибывшая в Москву делегация представителей всех национальностей Чечено-Ингушетии не была принята Хасбулатовым, сделавшим тогда однозначный выбор в пользу Дудаева.

Чеченские мужчины на собрании (Фото О. Климова)

Зикр на площади Шейха Мансура (Фото О. Климова)

Это подтверждают многие свидетельства и документы, в том числе выступление И.В. Кочубея перед комиссией Совета Безопасности 31 марта 1995 г.:

“26 августа в Грозный прибыла главный прокурор Землянушина. Кураторы из Москвы не давали ничего сделать местному КГБ. Потребовали убрать охрану у Завгаева и прекратить поддержку Верховного Совета. С 17 августа и до 6 сентября, когда я был освобожден от должности, ни одного письменного задания из центра не поступило. Нам было известно, что Дудаев вел телефонные разговоры с Хасбулатовым и Аслахановым. 25 августа Яндарбиев разговаривал с Вахидовой, и та сказала, что с Хасбулатовым и Аслахановым состоялся разговор об отстранении Завгаева от власти. Тогда же среди митингующих появились люди с оружием, но изъять его было трудно, и не было никаких указаний, а это не прямая обязанность КГБ”⁶.

Вооруженные люди Дудаева силой захватили здание правительства республики, радио и телецентр и 6 сентября вторглись в здание, где шло заседание Верховного Совета, избили сопротивлявшихся депутатов. Председатель городского совета Грозного, русский по национальности Виталий Куценко был выброшен из окна (по информации Кочубея, это сделал Юсуп Сосламбеков со своими помощниками). Утратив поддержку центра, власти республики были деморализованы. Хасбулатов и Аслаханов требовали самороспуска Верховного совета. После захвата Дудаевым правительственного здания в Грозный приехал Хасбулатов и сформировал временный Высший совет из 30 депутатов во главе с Лечей Магамадовым.

Москва сыграла решающую роль в свержении старой власти и в приходе к власти национал-радикальных элементов. По свидетельству И.В. Кочубея, КГБ располагал в Грозном 700 оперативными сотрудниками и вместе с силами МВД был способен “нейтрализовать радикалов”. “Но нам сделали из Центра выговор даже за то, что мы вызывали на беседу Яндарбиева”. До середины сентября еще не было и массовых хищений оружия, хотя через Ахметовский район Грузии, где главою администрации был кистинец чеченского происхождения, оружие уже начало поступать Дудаеву от Гамсахурдиа, тогдашнего президента Грузии. Кое-какие опасения у московских инициаторов декоммунизации Чечни стали появляться по мере все более независимого поведения Дудаева. Как признался Хасбулатов, он “говорил с Ельциным, чтобы добавили Дудаеву еще одну звезду на погоны и вернули его в армию”⁷.

8 октября ОКЧН объявил себя единственной властью в республике и 27 октября провел выборы президента и парламента, предварительно объявив всеобщую мобилизацию всех мужчин от 15 до 55 лет, боевую готовность своей “национальной гвардии”, а всех противников независимости Чечни – “врагами нации”. В выборах, по некоторым оценкам, приняло участие 10–12% избирате-

лей, и голосование состоялось только на 70 из 360 избирательных участков. Генерал Дудаев набрал больше голосов, чем два других претендента и был провозглашен президентом. Уже 1 ноября был издан указ Дудаева “Об объявлении суверенитета Чеченской республики”. Этим актом объявлялась новая государственная общность в границах бывшей ЧИАСС, за исключением 2 из 14 административных районов, которые “оставлялись для ингушей” за пределами самопровозглашенного государства. Чеченским лидерам представлялось, что ингуши слишком лояльны к России и если ингушское национальное движение желает создавать республику в составе РСФСР, то пусть они это делают, отвоёвывая себе территорию у Северной Осетии. Под контролем Чечни Дудаев оставлял даже Сунженский район, где большинство населения составляли ингуши, и только несколько сел были чеченскими. “Ингуши должны пройти собственный путь испытаний в борьбе за свою государственность”, – заявил Дудаев в одном из интервью для российского телевидения.

Только в этот момент еще существовавшие союзные и российские власти стали осознавать, что теряют контроль над Чечней и что Дудаев никак не намерен считаться с Москвой. Однако приближающееся к развязке соперничество Ельцина и Горбачева парализовало действия центра и косвенно продолжало способствовать чеченскому сепаратизму. 2 ноября Съезд народных депутатов РСФСР признал выборы в Чечне незаконными, и 7 ноября президент РСФСР издал указ о введении чрезвычайного положения в республике. Но ввести войска в Чечню власти не решились, и указ был отменен (не утвержден) Верховным Советом 11 ноября, с чем президент согласился (вернее, этот акт был с ним согласован). В Чечне это восприняли как грандиозную победу над Россией и признание де-факто независимости республики.

Однако события августа – ноября 1991 г., позднее выстроенные в версию национальной чеченской революции, имели гораздо более сложную и в то же время крайне тривиальную природу. Прежде всего это была верхушечная борьба лидеров и их амбиций, помноженные на доминировавшую идею утверждения демократии и осуществления декоммунизации после августовского путча. Российские автономии в какой-то мере стали жертвой главного политического клинча между еще существовавшим союзным руководством и российской радикально-демократической группировкой. Примечательно, что когда терявшие власть в Чечне руководители звонили в Москву после объявления Дудаевым 3 сентября о низложении Верховного Совета, ответ Геннадия Бурбулиса был следующим: “Это нужно осмыслить концептуально”, другими словами, – в контексте более масштабной политической коллизии. Как сообщил Александр Руцкой на слушаниях в комиссии Государственной Думы по рассле-

дованию событий в Чечне, где-то в конце августа – начале сентября он поднял вопрос о том, что силы демократической России действуют в Чечне противозаконно; президент Ельцин решил не вмешиваться в эти события. Когда в республике начались нападения на органы власти и захват оружия, было выработано предложение ввести силами внутренних войск СССР блокаду Чечни и при необходимости направить туда спецназ. “Был подготовлен соответствующий проект указа, но президент тогда исчез на пять дней, и с ним не было никакой связи”⁸.

Руцкой дал также свою версию с исполнением указа 7 ноября, который обсуждался в момент ноябрьских праздников и правился С.М. Шахраем перед подписанием его Ельциным. Оказывается, 7 ноября в аэропорт Грозного была направлена разведывательная группа Советской Армии, а в Моздок уже подтягивались войска. Но в конечном итоге использование силы не получилось, потому что, “возможно, Горбачев дал команду сорвать операцию, и военная техника была направлена в Моздок, а личный состав – во Владикавказ”. Союзное руководство оставалось заинтересованным в создании кризисных ситуаций для российских властей. Это же подтвердил Хасбулатов на слушаниях в Госдуме:

“Мы отменили указ, когда он уже провалился (за это сняли Баранникова). Все союзные министры не хотели выполнять указ президента Российской Федерации, чтобы со стороны Горбачева дать щелчок по носу Ельцину и в итоге через месяц получили Беловежскую пушу”⁹.

Для Дудаева, наоборот, провал с выполнением указа оказался мощнейшим толчком для обретения дополнительной популярности. После этого он вместе со своим ближайшим окружением фактически стал полным хозяином положения в республике. С конца 1991 г. “чеченская революция” обретает собственное активное содержание и уже малозависимую от Москвы логику развития. Важнейшим моментом становится процесс вооружения сторонников сецессии, причем не всегда контролируемый самим Дудаевым. По некоторым оценкам, в тот момент численность так называемых национальных отрядов была всего около 2 тыс. хотя Дудаев объявил мобилизацию всех военнослужащих. Различные группировки местных жителей стали совершать нападения на военные объекты российских войск в Чечне, которые все больше утрачивали центральное управление, дисциплину и даже солдатский контингент. По свидетельству генерала П.А. Соколова, командира 173-го учебного центра Северокавказского военного округа, в его центре было 653 офицера, 170 прапорщиков и около 300 солдат. Здесь же была расположена 12-я учебная мотострелковая дивизия. В феврале в военные городки вселились чеченские боевики, которые стали контролировать действия российских войск. “У меня в кабинете постоянно сидел Шамиль Басаев, настоящий бандит, который все просил подарить ему пулемет,

стоявший в моем кабинете”, – рассказывал на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. генерал Соколов¹⁰.

В начале июня Дудаев принял решение добиться вывода российских войск из Чечни. Последовали угрозы направить против армейских казарм женщин и детей. Действительно, 6 июня командующий военным округом отдал генералу Соколову приказ (по телефону!) покинуть территорию Чечни. К этому времени только часть огромного военного арсенала была вывезена (несколько эшелонов артиллерии и около сотни танков), остальное было заминировано. Активные действия чеченской стороны, в том числе с использованием гражданского населения (женщин и детей в качестве прикрытия), позволили Дудаеву захватить основную часть оружия при уходе войск. Это – 40 тыс. автоматов и пулеметов, 153 пушки и миномета, 42 танка, 18 реактивных установок “Град”, 55 бронетранспортеров, 130 тыс. ручных гранат. Дудаеву достались также 240 учебно-тренировочных самолетов, 5 боевых истребителей и 2 военных вертолета, оставленные на местных аэродромах. Однако есть и другая версия вооружения Чечни. Ручкой сообщил на слушаниях в Госдуме, что “оружие было продано чеченцам местными военными. Даже часть оружия Забайкальского военного округа была продана Дудаеву по остаточной стоимости”¹¹. В прессе были свидетельства, что сам генерал Соколов был причастен к продаже оружия.

Обладание крупным военным арсеналом радикально изменило внутреннюю ситуацию в республике. Оружие попало в руки гражданского населения, которое слабо контролировалось властями. Стали возникать местные военные группировки во главе с харизматическими лидерами, часть которых имела уголовное прошлое, как например, Руслан Лабазанов. В Чечне сформировался эмоциональный климат “повстанчества”, “народной войны”, а отдельные боевики обрели славу народных Робин Гудов. Первые “военные успехи” пришли к чеченцам в Абхазии, где их “абхазский батальон” составил одну из главных боевых единиц абхазских сепаратистов. По иронии судьбы, летом и осенью 1992 г. чеченцы воевали в Абхазии против грузинских отрядов при негласной поддержке российского военного контингента, расположенного в этой грузинской автономии¹².

Второй важный процесс в жизни самопровозглашенного государства происходил в сфере формирования новых политических структур и правовых основ общественной жизни. Местные интеллектуалы смогли разработать конституцию Чеченской республики (Ичкерия), которая была выдержана в духе представительной демократии президентского типа и светского права. Исламу и некоторым традиционным социальным институтам отводилась скорее ритуальная роль (в конституции нет упоминания ислама или Аллаха) и признавалась религиозная свобода для всех граждан. Нет в конституции

и какого-либо разграничения граждан по этническому или религиозному признаку. Но с самого начала оформление сепаратистского режима столкнулось с рядом непреодолимых проблем.

Прежде всего конституционное положение о наличии и разделении трех ветвей власти в государстве: законодательной, исполнительной и судебной оказалось серьезно нарушенным из-за авторитаризма и склонности к силовым импровизациям президента Дудаева, который продолжал доминировать на политической арене. Эйфория после президентских выборов прошла быстро, и в Чечне начала расти оппозиция Дудаеву и критика его политики. Еще после первого съезда чеченского народа часть его представителей заявила о несогласии с курсом Дудаева на захват власти в ЧИР. Целые районы отказались признать результаты выборов Дудаева президентом. Против раздела республики и радикальной суверенизации выступили большинство ингушей, русскоязычное население и многие чеченцы, особенно проживавшие в Грозном и в равнинных районах Чечни. Оппозиция сформировалась из умеренного крыла ОКЧН, движения “Даймокс” (лидеры Л. Умхаев, Ю. Эльмурзаев), Движения демократических реформ (лидеры С. Хаджиев, Д. Гакаев), движения “Маршо” (лидер А. Бугаев), группы Гражданское согласие (лидер Ш. Бехоев), Ассоциации интеллигенции (лидеры Х. Магомадов, И. Мунаев).

В начале 1992 г. был создан блок демократических сил Чеченской республики, который выступал за новые выборы и за референдум по статусу Чечни и форме ее государственного устройства. Оппозиция провела ряд крупных акций, в том числе ею был организован в апреле–июне 1993 г. массовый бессрочный митинг на Театральной площади Грозного, который продолжался почти два месяца. В это же время на площади Свободы проходил продудаевский митинг, и это противостояние двух митингов свидетельствовало о глубоком расколе чеченского общества, но никак не по тейповому или иному вообразаемому признаку, а, скорее, по социально-политическим параметрам. Как считает Джабраил Гакаев:

“Здесь мы наблюдаем не столько столкновение различных политических идей, систем, сколько противоборство между невежеством и просвещением, рациональным и фольклорным сознанием, противостояние двух культур: модернизированной и традиционной”¹³.

Другой участник событий, чеченский историк Т. Музаев так оценил сложившуюся ситуацию:

“Если социальной базой режима являются люмпены, уголовники и мафиозно-политические кланы, то в поддержку оппозиции выступает практически вся интеллигенция ЧР. Во главе штаба митинга на Театральной площади стоят наиболее видные представители национальной интеллигенции: академик 4-х академий нефтехимик С. Хаджиев, вице-президент Академии наук ЧР историк Д. Гакаев, академик В. Межидов, адвокат Д. Алиев и другие. В поддержку требований оппозиции высказались практически все преподаватели вузов, учителя, врачи, инженеры, ученые, работники культу-

ры.... Поддерживать выступления оппозиции приезжают жители равнинных районов Чечни, которые в отличие от горцев более грамотны и среди которых не так много безработных”¹⁴.

Парламент ЧР назначил на 5 июня 1992 г. референдум по вопросу о форме власти в республике, рассчитывая упразднить президентскую форму правления. В ответ Дудаев просто объявил о роспуске парламента и введении прямого президентского правления, а затем его боевики предприняли вооруженное вторжение в здание парламента, убили несколько оппозиционных депутатов и многих арестовали. Оппозиционные партии и газеты были запрещены, лидеры оппозиции перешли на нелегальное положение. В июне 1993 г. Дудаев расстрелял из танковых орудий нелояльные ему городскую мэрию и здание ГУВД, подверг обстрелу митинг оппозиции, ввел тотальный контроль за прессой и стал осуществлять террор над всеми, кто его не поддерживал.

Удивительным феноменом во всем этом является то, что оппозиция Дудаеву воспринималась многими в России и за рубежом как “прокоммунистическая” или организованная московскими властями¹⁵. Эмиль Паин и Аркадий Попов по этому поводу написали следующее:

«Почему-то принято считать, что вся чеченская оппозиция была “придумана” Кремлем и не имела поддержки в обществе. Это абсолютно неверно. Ведь объявленный оппозиционным парламентом референдум дважды срывался Дудаевым именно потому, что он не надеялся его выиграть. В действительности с 1993 г. в оппозиции к Дудаеву находились отнюдь не только руководители прежней номенклатуры (наоборот, многие из них как раз быстрее других вписались в “революционный режим”), но большинство членов избранного в конце 1991 г. парламента ЧР, конституционного суда, глав городских и районных администраций, лидеров почти всех партий и движений, вождей тейпов и духовенства... Но главное даже не в этом. Российская демократическая общественность поддержала оппозицию таджикскую, включая военную, участвовавшую в самой кровавой из гражданских войн послевоенного времени, унесшей жизни не менее ста тысяч человек. Почему же заведомо негативным оказалось ее отношение к чеченской оппозиции, борющейся с одной из самых отвратительных в постсоветском мире тираний? Да потому, что существование такой оппозиции “не вписывается” в уже обрисованную выше морально-политическую доктрину “национального освобождения»¹⁶.

ТРИ ГОДА ЧЕЧЕНСКОЙ СВОБОДЫ

Фактически с самого начала “национальной революции” в чеченском обществе начался рост агрессивных настроений и анархистских поведенческих установок, а также активизация маргинальных социальных групп, прежде всего незанятой самостоятельным трудом мужской части сельской молодежи. Агрессивность обрела четко вы-

раженную направленность против этнических “чужаков”, прежде всего русских, которые в большинстве своем проживали в Грозном и в бывших казачьих станицах. Имеется большое число свидетельств морального и физического террора и тяжких преступлений, включая убийства, которые совершались в отношении жителей республики нечеченской национальности¹⁷. По данным МВД России, в 1992–1993 гг. на территории Чечни ежегодно совершалось до 600 умышленных убийств, что было в семь раз больше данных за 1990 г. Жертвами насилия стали многие жители Чечни русского происхождения.

Политическая сецессия и деятельность Дудаева вызвали глубокий экономический кризис в Чечне. И до этого не самая благополучная республика превратилась за два года в один из самых кризисных в социально-экономическом отношении регионов России. Общий спад производства в течение 1992 и 1993 гг. составлял примерно 60% ежегодно. Более двух третей промышленного производства в республике приходилось на долю топливной промышленности, которая в очень большой степени зависела от поставщиков и потребителей в разных регионах бывшего СССР. Все эти экономические связи оказались нарушенными. Кризис был связан также и с массовым выездом русского населения. Опрос населения, проведенный ВЦИОМ в начале 1992 г., показал, что доля русских, желающих выехать из Чечни, была выше (37% всех опрошенных), чем в любой другой части бывшего СССР. Как правило, это были наиболее квалифицированные специалисты, на которых держались немногочисленные предприятия республики (в основном нефтегазовая промышленность). По данным Федеральной миграционной службы России, за 1991–1993 гг. из республики выехало более 90 тыс. человек.

Однако отъезд русских не улучшил положение с занятостью населения. Избыточные трудовые ресурсы в Чечено-Ингушетии достигали не менее одной трети работоспособного населения еще до прихода к власти Дудаева, а кризис экономики создал ситуацию массовой безработицы. Чеченская столица стала заполняться толпами экзальтированной молодежи, в том числе из сельских мест. Участие в революции стало единственным доступным и “достойным” занятием, за которым скрывались социальная неустроенность, моральная дезориентация, стремление силой оружия утвердить свой статус и улучшить материальное положение. Именно эти слои населения составили социальную базу режима Дудаева и обеспечили рекрутов для многочисленных вооруженных групп, которые занялись грабежами и рэкетом.

В полный упадок пришла сфера здравоохранения и образования. Многие школы закрылись, а большинство пенсионеров перестали получать пенсии и социальные пособия. Основной особенностью социальной жизни этих лет стало формирование небольших элитных групп, использовавших свое положение, и особенно политическую и

военную власть, для личного обогащения. У нас нет данных о дудаевских или чьих-либо других капиталах, как и нет какой-либо социальной статистики по Чечне последних лет. Однако версия о всеобщей коррупции и разграблении республики, в том числе и доходов от продажи нефти, представляется убедительной. Тем более, что она распространена и среди самих чеченцев. Дудаев лично использовал обвинения в коррупции для отстранения от власти своего бывшего соратника Мамодаева и для разгона возглавлявшегося им парламента. На мой вопрос, почему Джохар Дудаев не хочет прекращения войны, один из полевых командиров ответил так:

“Джохар и подобные Джохару – они повязли... Те же пенсии, нефть, которые они, его окружение, сожрали. Это можно было такую республику сделать, как Кувейт! Ведь если даже только 5% от продажи нефти пустить на нужды населения, мы бы так жили!... И дети не голодали бы, и наши родители не ездили бы в Ингушетию и Дагестан получать пенсии... Нефть они сожрали однозначно: он сожрал, Гантемиров сожрал, Мамодаев сожрал и вот сидят там как правительство народного доверия и пятое–десятое”¹⁸.

В высказываниях чеченского боевика можно заметить одну из характерных черт “поэтики” явочной сецессии: это – часто достаточно иллюзорные надежды через отделение устроить более благополучную жизнь. Эта поэтика питается устойчивым представлением, что тот или иной регион или этническая группа являются объектом угнетения и грабежа со стороны государства. В бывшем СССР этот миф был и остается одним из наиболее устойчивых в программатике националистических движений. В Чечне тезис о притеснениях со стороны России насаждался местными пропагандистами особенно настойчиво.

Но притягательность отделения далеко не всегда основывается на планах улучшения жизни всего народа и чаще всего обещает противоположный результат. Однако для инициаторов независимости и определенной части населения режим “свободного государства” может приносить быстрые дивиденды, в том числе и экономические. Трехлетняя чеченская независимость не принесла процветания республике и не сулила его и в будущем, но открытая граница и доступ верхушки режима Дудаева к реализации некоторых ресурсов и возможность криминального изъятия некоторых средств из плохо контролируемого общероссийского хозяйства создали мощную заинтересованность в “свободе от России”, а точнее, в освобождении от некоторых центральных процедур и отчислений в пользу центра. Начиная с 1992 г. Чечня не перечисляла никаких налогов в федеральный бюджет, получив из него в том же году более 4 млрд. руб. в виде различных дотаций. По свидетельствам Егора Гайдара, экономические и финансовые отношения с сепаратистским режимом были одной из сложных проблем для федерального правительства.

“Правительство продолжало осуществлять поставки нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий, хотя в 1992 г. они были сокращены на одну треть (на 5 млн т), и на 1993 г. планировалась сократить еще на 4 млн т... 10 мая 1993 г. Дудаев просил у меня выделить экспортную квоту на 2,5 млн тонн. Министерство топлива и энергетики, которое покровительствовало заводу в Грозном, выделило экспортную квоту 230 тыс. т... До марта 1993 г. в Чечню поступали средства из федерального пенсионного фонда, который контролировался Верховным советом”¹⁹.

На самом деле чеченское руководство смогло обходить экспортные правила и продавало нефть в обход российских властей.

Для анализа конфликтной ситуации очень важно понять мотивы, аргументы и стиль поведения лидеров, а также постараться избежать изначальной дегуманизации инициаторов конфликта. В этом отношении примечателен текст обращения Дудаева к первому вице-премьеру Правительства РФ от 10 мая 1992 г. по проблеме экспортных квот в 1992 г. на нефтепродукты, производимые на предприятиях Чеченской республики. Дудаев предлагал заключить межправительственное соглашение по этому вопросу, чтобы наладить “добрососедские отношения между Чеченской республикой и Россией” и “иметь необходимую финансовую основу для решения острейших социально-экономических и экологических проблем”. Формулировка Дудаевым первой задачи для федеральных властей почти всегда казалась неприемлемой, ибо за ней виделось как бы косвенное признание, что Чечня – это уже не Россия. Что же касается второй задачи, сформулированной Дудаевым, то последующий текст раскрывает вполне устойчивое представление чеченского лидера, которое не было лишено определенных оснований и которое составляло важнейший аргумент в программе чеченского национализма:

“Напомним, что в Чеченской республике сложилась ситуация, находящаяся в явственном противоречии со здравым смыслом: обладая обширными запасами наиболее высококачественной нефти на территории стран СНГ, перерабатывая ежегодно до 15 млн т нефти, поступающей в республику из России, Чеченская республика относится к беднейшим регионам бывшего СССР и находится на последнем месте по социальному обеспечению, имеет наиболее высокие показатели по детской смертности, безработице и загрязненности окружающей среды, онкологическим и туберкулезным заболеваниям. В то же время средства, поступающие в республиканский бюджет от деятельности нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплексов, неудовлетворительно (если не сказать оскорбительно) малы, что не позволяет поставить в повестку дня решение ни одной национальной проблемы”²⁰.

Нет никаких сомнений, что сохранявшаяся свобода экспорта нефтепродуктов через территорию России приносила солидные дивиденды определенному кругу лидеров, включая Дудаева. Но

были еще и сотни, а возможно, тысячи молодых чеченцев-мужчин, которые сменили российскую сезонную “шабашку” на шопотуры в Турцию и другие страны, что давало средства к существованию и даже относительное преуспевание. Ежемесячно из Грозного совершалось самолетами различных российских авиакомпаний 100–150 авиарейсов за границу (с ведома и без препятствий со стороны российских властей). Вывозились главным образом российские товары мелкими партиями, а привозились предметы широкого потребления, которые реализовывались как в республике, так и за ее пределами, в том числе и в Москве. Мелкий, но энергичный бартер приносил некоторую оживленность экономической деятельности и даже видимость “насыщенности товарами” преимущественно на уровне уличной торговли. Он же сформировал и частичную материальную базу чеченской революции.

Отсутствие федерального контроля (прокурорского, таможенного, налогового) на территории Чечни позволило превратить ее в базу общероссийского криминального сообщества и в убежище для преступников. Уже в 1992 г. Чечня стала центром по производству фальшивых денег и подложных финансовых документов. Только в 1993 г. на территории России было изъято около 4 млрд фальшивых купюр чеченского производства. При активном участии чеченских криминальных группировок были организованы с использованием фальшивых кредитных авизо хищения из российских банков на сумму около 4 триллионов руб. Из Чечни поступали наркотики в различные государства бывшего СССР, были сделаны попытки поставить оружие для некоторых националистических организаций в других республиках России. Чечня сделалась военной и политической базой северокавказской националистической организации “Конфедерация народов Кавказа” (КНК), а один из ее лидеров Юсуп Сосламбеков был одновременно ближайшим соратником Дудаева и одним из руководителей ОКЧН. Руководителями военных отрядов КНК были всегда чеченцы.

Несмотря на определенные историческую и социальную обусловленность чеченского национализма в его наиболее манифестных формах, нельзя не согласиться с оценкой ситуации в Чечне, которая была дана в “Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию”: “Итак, в течение трех с лишним лет на территории Чеченской республики действовал антиконституционный режим, установленный вооруженным путем и удерживаемый силой оружия; функционировали незаконные органы власти и незаконные вооруженные формирования”²¹. Какова же была политика федерального центра в связи с чеченским вызовом?

ОТВЕТ ЦЕНТРА

Как мы уже отмечали, “чеченская революция” и ее материальное обеспечение – это в значительной мере московская инициатива, даже если в центре наиболее активно действовали политики чеченского происхождения или другие выходцы с Северного Кавказа. Самопровозглашенная независимая Чечня, вызывающее политическое поведение Дудаева и быстро развивающийся кризис в республике стали в какой-то мере неожиданностью для федеральных властей и для российского общества в целом. По крайней мере до лета 1991 г. эксперты не включали Чечню в список потенциальных клиентов на сессию. “Независимость” от России воспринималась как экстравагантность эмоциональных чеченцев, которые, казалось, рано или поздно должны будут понять неосуществимость своего проекта.

Насколько это было возможно, Москва продолжала осуществлять некоторые необходимые связи с Чечней в социально-экономической и гуманитарной сферах. Чечено-Ингушская, а затем Чеченская республика (после июня 1992 г., когда была создана Ингушская республика) присутствовали во всех основных государственных планах и программах. Даже приватизационная программа 1992 г. детально расписывала сколько и каких предприятий и в какие сроки должно быть приватизировано в Чечне, хотя в республике, где давно процветали коррупция и nepотизм, реальная приватизация уже произошла. Под контролем властей оставались лишь некоторые заводы и нефтепровод, но и в последнем граждане устанавливали собственные краники. *“У нас как установилось: если что-то на твоей территории находилось, значит это твое, даже если это нефтепровод”*²², – заметил Балауди Мосаев.

Чечня оставалась и в культурно-информационном пространстве России: из Москвы продолжали поступать газеты, принимались телепередачи. Сохранялись гуманитарные контакты, особенно интенсивная челночная миграция молодых предпринимателей и членов их семей между Грозным и Москвой, где, по минимальным оценкам чеченская община быстро выросла до 30 тыс. человек. Далеко не все эти чеченцы были представителями криминального мира: в Москве действовала влиятельная и уважаемая ассоциация чеченцев России. Несмотря на материальные трудности в Чечне, поддерживались контакты между учеными и деятелями культуры. Летом 1992 г. Институт этнологии и антропологии РАН провел в Грозном совместно с местным научно-исследовательским гуманитарным институтом всероссийскую конференцию этнологов.

Попытки нормализовать ситуацию в Чечне и отношения с Грозным предпринимались неоднократно, причем мирными средствами. Хотя на заседаниях Правительства РФ в период с февраля по октябрь 1992 г. тема Чечни специально не обсуждалась, но, как сооб-

шил Е.Т. Гайдар, “на заседаниях Совета безопасности вопрос о Чечне обсуждался много раз, попыток осуществить силовые варианты старались избежать... Министерство безопасности выступало против применения силы”²³. В Москве было известно, что несмотря на обладание огромным арсеналом оружия в Чечне не было каких-либо боеспособных частей, кроме так называемой президентской гвардии. Но в Москве не понимали, что обладавшее оружием гражданское население легко могло быть мобилизовано на вооруженные действия, особенно под лозунгом отпора “внешней агрессии”.

Первая попытка применить российскую армию против Чечни имела место осенью 1992 г. в момент осетино-ингушского конфликта. В Северную Осетию были введены неоправданно большие силы, в том числе и танки, которые инсценировали отражение “ингушской агрессии” и проследовали к границам Чечни. Егор Гайдар косвенно признал наличие такого сценария, когда в своих показаниях заявил:

“Вопрос о применении силы встал в ноябре 1992 г., когда обсуждалось продолжение кампании в зоне осетино-ингушского конфликта в том числе и против Чечни”. Подошедшие к границам Чечни российские вооруженные силы были встречены энергичной демонстрацией политической воли и военными акциями, призванными подтвердить намерение чеченской стороны оказать вооруженное сопротивление. Во Владикавказ прибыл Гайдар, посетил Назрань, встретился с военными, как он сам признал, “убедился в низкой моральной и другой подготовленности войск” и пригласил на встречу Яраги Мамадаева, с которым была достигнута договоренность о разведении войск. “Я убедил Бориса Николаевича выполнить эту договоренность”²⁴.

13 ноября 1992 г. глава временной администрации на территориях Северной Осетии и Ингушетии Сергей Шахрай встретился с представителями Чечни и договорился о подписании соответствующего протокола, который и был подписан 15 ноября заместителем главы Временной администрации А.А. Котенковым и заместителем председателя кабинета министров ЧР Я. Мамодаевым. Хотя сам Дудаев в тот же день во главе вооруженного отряда совершил провоцирующее нападение на российский военный пост у станции Слепцовская и тем самым чуть не сорвал достигнутое соглашение о мирном разводе двух вооруженных сторон.

В январе 1993 г. в Грозном состоялись переговоры российской делегации во главе с С. Шахраем и Р. Абдулатиповым с представителями парламента Чеченской республики во главе с председателем парламента Х. Ахмадовым и была достигнута договоренность о подготовке договора между РФ и ЧР о разграничении и взаимном делегировании полномочий. Опять же Дудаев на следующий день осудил эти переговоры и заявил, что “никакие политические договоренности с Россией невозможны”. Именно по этому вопросу произошло столкновение между президентом и парламентом, и Дудаев силой разогнал парламент и отправил в отставку главу правительства Ма-

модаева. Дудаев соглашался только на переговоры лично с Ельциным и только по вопросу признания Москвой независимости Чечни. 30 марта 1993 г. он направил письмо президенту Российской Федерации. Это письмо было верхом любезного стиля и политической бескомпромиссности:

“Уважаемый господин Президент! Выражаю свое высокое почтение, желаю здоровья и благополучия Вам и Вашей семье, мира и процветания Российскому народу. Обращаюсь к Вам от имени всего чеченского народа по вопросу, имеющему судьбоносное значение для взаимоотношений между нашими государствами... Обращаюсь к Вам с предложением обсудить вопрос о признании Российской Федерацией суверенной Чеченской республики. Решение данного вопроса сняло бы все препятствия на пути преодоления многих проблем во взаимоотношениях наших государств. Российская Федерация приобретет в лице Чеченской республики надежного партнера и гаранта политической стабильности на всем Кавказе. Уверены, что Вы, как Президент Великой державы, проявите присущую Вам политическую мудрость и сделаете все возможное для решения вопроса о признании Российской Федерацией Чеченской республики. Наша совесть будет чиста и перед историей, и перед будущими поколениями, если мы сумеем наладить отношения между нашими народами, обеспечим равноправие и взаимовыгодное сотрудничество между нашими государствами”²⁵.

Генерал Дудаев избрал для себя стиль личного обращения к Ельцину не столько для разрешения конфликтной и кризисной ситуации, сколько для того, чтобы любым путем добиться с ним встречи и тем самым укрепить собственное положение. Спустя несколько дней он написал еще одно письмо Президенту РФ почти “личного характера” (даже не на официальном бланке!), которое скорее напоминало докладную записку эксперта или помощника своему начальнику. Это письмо содержало размышления Дудаева по поводу политической ситуации в России накануне референдума 25 апреля 1993 г. и на сей раз представляло собой верх претенциозности:

“Обладая обширной и, поверьте, весьма достоверной информацией о той работе, которую проводят противники жизнеспособной исполнительной власти в России, а также тех исторических реформ, за которые Вы самоотверженно боретесь, хотел бы предостеречь Вас от возможности дальнейшего нарастания противостояния в Российской Федерации, могущего привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Хочу предложить Вашему вниманию для серьезного анализа прогностические результаты референдума и постреферендную стратегию действий... Рекомендация Ельцину состояла в следующем роспуске Верховного Совета, назначение выборов нового парламента и принятие новой конституции. –В.Т.) “В юриспруденции допускается оправдание менее тяжкого преступления, не влекущего юридических последствий, если оно содеяно в целях предотвращения более тяжкого преступления. Правда, как водится в войсках, уж коли решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать новое...”²⁶.

В этом письме, которое написано или самим Дудаевым, или при его прямом участии, отразился весь стиль самонадеянности и амбициозности постсоветских политиков. Не дьявольская пронизательность Дудаева, а одинаковые политическая мораль и уровень гражданского сознания распорядились так, что президент Ельцин действительно как бы последовал “рецептам” грозненского прогнозиста: разогнал в октябре 1993 г. российский парламент, а затем, “как водится в войсках”, занял рекомендованную Дудаевым позицию в ходе войны в Чечне.

Пробуждение” Москвы в отношении ситуации в Чеченской республике произошло зимой 1994 г. и этому скорее всего способствовало подписание в феврале договора России с Татарстаном. Разрешение мирным путем одного из двух наиболее серьезных конфликтов с территориальными автономиями создало возможность предложить Чечне такой же вариант договора, который разделит бы полномочия власти между Москвой и Грозным и установил бы границы суверенитета Чечни вплоть до признания ее статуса как ассоциированного с Россией государства и как “субъекта международного права”, что было сделано в случае с Татарстаном. Этот процесс был начат, и с обеих сторон предприняты определенные и серьезные действия. Подтверждением может быть определение руководителем Администрации президента РФ Сергеем Филатовым “четырёх этапов” эволюции чеченского кризиса: “Первый этап – зима–весна 1994 г., когда готовились переговоры, встреча Бориса Николаевича с Дудаевым. Второй этап – июнь–июль, когда начались внутренние разборки и массовое уничтожение Дудаевым людей, чем он сам перечеркнул надежды на встречу. Все же понимали, что он жаждет встречи для поддержки пошатнувшегося, а может быть, уже и рухнувшего своего авторитета. Поэтому на данном этапе была оказана поддержка Временному совету, образованному на съезде чеченского народа, находящегося в оппозиции Дудаеву... Третий этап – лето–осень, когда Дудаев из политической конфронтации начал переводить конфликт в русло военное. И нужно сказать, преуспел в этом”²⁷. Четвертый этап – это уже война.

Соглашаясь с этой периодизацией, попробуем проанализировать внутреннюю динамику кризиса с точки зрения расстановки политических сил в России и роли личного фактора в ситуации конфликта. При всех огромных полномочиях, которые получил президент Ельцин после принятия новой Конституции в декабре 1993 г., избранный парламент, представленный в том числе почти всеми региональными лидерами в верхней палате, был настроен гораздо более непримиримо в отношении сепаратизма республик и сохранения территориальной целостности России. В случае возможной процедуры ратификации татарстанского договора Федеральное собрание, по мнению Э.А. Паина, его бы “неприменно провалило”²⁸. В марте 1994 г. Государственная Дума приняла постановление по си-

туации в Чеченской республике, которым фактически исключала возможность прямых переговоров с Дудаевым. Дума выдвинула условием заключения договора с Чечней проведение в республике новых выборов в республиканские органы власти и в российский парламент, а также рекомендовала президенту и правительству установить политические контакты с оппозиционными Дудаеву силами в процессе подготовки российско-чеченского договора.

Было бы привычным для анализа на уровне “сил” и “тенденций” объяснить этот шаг федеральной представительной власти как отражение растущих в обществе охранительно-патриотических тенденций и как шаг парламента не допустить дальнейшего “развала России”. Однако по обстоятельству, что за этим решением Думы стоял С.М. Шахрай, является немаловажным моментом. Этот политик уделял особое внимание Северному Кавказу и, конечно, самому большому для российского руководства вопросу – ситуации в Чечне. Он в какой-то мере, возможно, был инициатором попытки силового решения кризиса, которая имела место в момент осетино-ингушского конфликта осенью 1992 г. Но с ним были связаны и значительные акции по мирному урегулированию кризиса, в том числе поездка и переговоры в Грозном в январе 1993 г. вместе с Р.Г. Абдулатиповым. Не случайно Дудаев неоднократно заявлял о нежелательности иметь дело с С.М. Шахраем как с главным представителем российской власти на переговорах с Чечней. Дудаева в этом качестве устраивал только президент. Данное обстоятельство и изменение ситуации в республике подтолкнули С.М. Шахрая к смене ориентации на оппозиционные силы и утвердили во мнении о “невозможности договора с Дудаевым”, о чем он также высказался публично.

По признанию С. Филатова, в российском руководстве была создана группа по координации действий с оппозицией. “Провели меры по нормализации жизни на территории, не управляемой Дудаевым. Оперативной группой фактически руководил С.М. Шахрай. Но неожиданно в ноябре он был отстранен от национальной политики, и координация ее была поручена другим лицам”²⁹. Таким образом, один из ключевых политиков центра, не будучи сторонником силового варианта, в то же время не смог преодолеть собственные амбиции иметь приоритет в разрешении кризиса, предпочтя исключить непризнающего его Дудаева, а не себя лично из диалога конфликтующих сторон. Этот личный момент оказал большое влияние на развитие событий в дальнейшем, ибо место С.М. Шахрая заняли сторонники откровенной силы, готовые решить сформулированную им же проблему невозможности переговоров с Дудаевым.

Однако еще 14 апреля, несмотря на постановление Думы, Ельцин дал официальное поручение правительству провести консультации с Грозным и на их основе подготовить договор с Чеченской республикой. Но этот наиболее разумный и достаточно реальный подход, подразумевавший признание легитимности Дудаева, уже стал

обретать мощное противодействие. По крайней мере Э.А. Паин справедливо отмечал “некоторые явные странности”, такие, как трехмесячное формирование делегации для переговоров и назначение ее главой Шахрая, которого Дудаев объявил “врагом чеченского народа”. Нельзя не согласиться с его выводом, что “российская политическая реальность сделалась к этому времени такой, что президент оказался вынужден создавать видимость переговоров”³⁰. Но для нас интересно, что скрывается за категорией “реальность”? Это прежде всего те же личностные мотивы, амбиции и диспозиции ключевых политических фигур.

Нет достаточных свидетельств о том, что к этому моменту созрел план военного или какого-либо другого силового решения конфликта со стороны федеральных властей. Его не было до осени, иначе в сентябре правительство РФ не принимало бы решения о строительстве железной дороги Кизляр – Карлан-Юрт протяженностью 78 км в обход Чечни, объясняя это сложившейся в Чечне ситуацией, сделавшей невозможным дальнейший пропуск поездов через ее территорию. Зато в Кремле получили влияние оппозиционные Дудаеву чеченские политики, которым оказывала поддержку “координационная группа”, включая ответственного работника администрации президента Завгаева.

С весны был взят курс на поддержку, в том числе материальную и военную, оппозиции во главе с такими политиками, как Хаджиев, Автурханов, Гантемиров. Но зато из этого списка был однозначно исключен Руслан Хасбулатов: окружение Ельцина не могло допустить и мысли, чтобы выпущенный из тюрьмы бывший председатель Верховного Совета как-то объявился в российской политике, пусть даже в роли оппонента сепаратисту Дудаеву. Для некоторых московских экспертов и политиков Хасбулатов казался страшнее Дудаева. Вадим Печенев, занимавший должность заместителя министра по делам национальностей, любитель “аналитических записок”, написал 21 апреля 1994 г. на имя руководителя администрации президента С.А. Филатова записку по этому поводу. Главное в ней – посеять страх по случаю возможного прихода к власти в Чечне Хасбулатова.

«Какими могут быть последствия прихода Хасбулатова к власти в Чеченской республике? Думается, что он довольно легко убедит свое чеченское окружение в необходимости подписания Договора с РФ типа российско-татарстанского. Тем самым формула “ассоциированного” члена Федерации из исключения начнет превращаться в правило. В России появится еще одно “суверенное государство в составе другого суверенного государства”.

Хасбулатов, став президентом ЧР, проведет выборы в Совет Федерации и Госдуму, выставит свою кандидатуру в Совет Федерации и станет его членом. В Совете Федерации влияние Хасбулатова будет, очевидно, сильнее, чем в Госдуме. В работу федеральных органов власти он скорее всего привнесет усиление элементов конфронтационности....»

Далее Печенев формулирует основную рекомендацию:

«Приход к власти в Чечне любого деятеля харизматического типа (от Дудаева до Хасбулатова) пойдет во вред Российскому государству. Следует прощупать и просчитать возможности повторения в Чечне “эффекта Шеварднадзе–Алиева”, сделав осторожную “ставку” на бывшего коммунистического лидера Д. Завгаева как последнего легитимного и профессионального руководителя Чечни. Другой альтернативы прихода Хасбулатова к власти сегодня не просматривается, “продудаевская” же политика была бы с нашей стороны и неразумной, и, вероятней всего, неэффективной. Дни генерала, скорее всего, сочтены»³¹.

Поразительным в этом документе является рассмотрение ситуации сугубо в контексте верхушечной борьбы и личных политических интересов Ельцина: пусть лучше любая ситуация, но только не Хасбулатов как представитель Чечни в федеральном парламенте! Хотя именно о последнем варианте и следовало бы мечтать федеральным политикам, чтобы предотвратить вооруженный конфликт.

ФАКТОР ХАСБУЛАТОВА

Действительно, с лета 1994 г. активную роль в Чечне на стороне оппозиции Дудаеву стал играть Руслан Хасбулатов, который обладал большим авторитетом в республике и пользовался необходимой защитой со стороны своих сторонников. Его оценка ситуации была вполне определенной: к “пытающемуся править” режиму Дудаева весь народ находится в оппозиции, Дудаев потерял рычаги управления республикой и не может осуществить объявленную всеобщую мобилизацию, единственная опора Дудаева – это сравнительно небольшое элитное воинское подразделение, которое хорошо оплачивается, и именно оно принимает участие во всех действиях против оппозиции. Как и другие оппозиционные лидеры, Хасбулатов выступал за оказание более крупной помощи России вооруженной оппозиции и боевой подготовке “народного ополчения”, но был против прямого вмешательства вооруженных сил в конфликт. Более того, в одном из интервью он выразил опасение, что “народная борьба может лишит республику не только Джохара Дудаева, но и населения”³². Хасбулатов, по собственному признанию, провел летом и осенью 1994 г. в Чечне семь месяцев (“больше, чем за всю свою предшествующую жизнь”), действовал там энергично и не без успеха.

Обосновавшись в селе Старый-Юрт за защитой своих вооруженных родственников и сторонников, Хасбулатов образовал миротворческую группу в составе “видных духовных авторитетов народа”, которой удалось провести в августе и сентябре ряд собраний и митингов в городах и селах республики за пределами Грозного. По утверждениям Хасбулатова, “на этих собраниях, митингах и сходах граждан участвовало около 1 млн человек” и на них “воля населения республики определилась ясно и недвусмысленно: Дудаев должен

немедленно уйти с занимаемой должности”³³. Поведение Хасбулатова, как и других чеченских лидеров, представляет собой образец использования коллективистской стратегии политическими активистами для утверждения себя в качестве “лидеров нации”, выразителей “воли народа”, защитника его интересов. Для этого существует почти стандартный набор аргументов и приемов, который позволяет осуществить мобилизацию и манипулирование рядовыми участниками драмы. Чеченский кризис дает поразительный материал для такого анализа.

Во-первых, среди народа создается образ героя-лидера, который сражается (или готов это делать) за интересы народа от внешних и внутренних врагов (чем больше этих врагов и чем они грознее, тем больше значимость героя). В глазах чеченцев Хасбулатов намеренно создавал такой образ, используя свою громкую известность:

«Я своим взглядам не изменял, они у меня сформировались задолго до того, как достиг вершин политической власти, став главой российской парламента. Эти взгляды не изменились даже после того, как был оскорблен и брошен незаконно в Лефортовскую тюрьму после преступного расстрела парламента из танковых орудий 4 октября 1993 г. Как помните, Дудаев направил приветственную телеграмму Ельцину в связи с этой “победой”. С молоком матери я впитал в сознание несправедливость существовавшего строя, всегда стоял на защите угнетенных и обездоленных, выступал за демократию и права человека...»³⁴

Во-вторых, создается образ страдающего героя, которому народ должен сочувствовать и которого целиком поддерживает. Хасбулатов писал в своем заявлении:

“Наши граждане не принимают всерьез обвинения дудаевской пропаганды в мой адрес, которая утверждает, что якобы он призывает российские войска. Лидер Миротворческой группы, который был однажды уже расстрелян и брошен в Лефортово этими войсками, обращается с просьбой к гражданам и духовенству защитить его доброе имя и перестать клеветать на него... Они хотят отобрать у меня Честь, которой сами не обладают. Но этого не удалось сделать даже людям, намного сильнее здешних правителей. И Вы это хорошо знаете”³⁵.

Хасбулатов не останавливается даже перед тем, чтобы высказать свой выговор “народу”:

“Я неоднократно говорил, что нахожусь здесь не для славы и почестей, а по призыву народа и по велению души и сердца. Ввиду этого я, видимо, должен был бы пользоваться защитой народа. Но Вы позволяете позорить мое имя с телеэкрана, клеветать на меня...”³⁶.

В-третьих, необходимо представить врага в наиболее дегуманизованном виде, как “врага нации”, причем вызвать к нему самые негативные ассоциации и чувства:

“Всем очевидно, что Дудаев должен уйти... Он все развалил. Все, что можно развалить. Развалил даже то, что невозможно развалить. Един-

ственное, что он не сумел, так это развалить горы. Элементарная порядочность требует от него ухода как несправившегося со своими задачами руководителя. Однако он с помощью танков и пулеметов, с помощью наемных убийц пытается сохранить свою власть. Какое уважение к нему может испытывать народ? За что уважать? Кому нужен этот маленький Гитлер? Какую угрозу он несет своим соотечественникам? Угрозу полного физического уничтожения»³⁷.

Часто враг представляется в мифологической форме – в виде темных сил, которые терзают тело народа. Хасбулатов прямо употребляет этот термин по отношению к Дудаеву и его сторонникам, но косвенно имеет в виду и российские власти: *“Нам осталось немного для торжества справедливости, если не вмешаются темные силы. Станьте на пути этих темных сил, и они покорятся Вам”*³⁸.

В-четвертых, лидер формулирует (опять же в морально окрашенной форме) предписание действий для народа. Учитывая большую роль кровнородственных связей и морально-словесной риторики в северокавказских сообществах, он обращается к “ближним родственникам, одноклассникам, старейшинам” оказать на “всех этих начгенштаба”, “начальников танковых войск”, “полевых командиров” – “разные Гелисхановы, Масхадовы, Сатыевы, Гелаевы, Абубакаровы, Мержуевы, Яндарбиевы и прочие” – должное влияние и подсказать, что “воевать с народом нельзя, народ этого не простит”. “Кто придет им на помощь завтра, когда Дудаев сядет за штурвал самолета и улетит куда-то в небытие?” Главное предписание Хасбулатова – создавать народные ополчения для защиты мирного населения от нападений и провокаций со стороны вооруженных формирований дудаевцев. *«Унаселения на руках огромное количество оружия, но многие прячут его как “золотой клад”; некоторые не хотят становиться в ряды защитников своих же сел и городов. Это – позорная, трусливая позиция. Откажитесь от нее»*³⁹.

Нужно признать, что авторитарная стратегия националистических лидеров достигает почти гарантированного успеха в среднемодедернизированных малых сообществах. В личном разговоре со мной 20 февраля 1995 г. Хасбулатов сказал, что в октябре почти все полевые командиры, включая командира Абхазского батальона, были на его стороне, а последний даже в знак верности договору прислал ему в заложники своего брата. Со свойственной ему амбициозностью этот московский политик не удержался от мессианистских жестов “лидера нации”. Приведу для примера хотя бы одно из его публичных высказываний:

“Моя популярность в Чечне огромна. Когда я выступаю на митингах, собираются 100, 200, 300 тыс. человек. Мое мнение является законом. Если захотят поставить премьер-министра, то поставят того, кого рекомендую я. И так на все посты. Я решаю судьбу целого народа”.

В том же выступлении Хасбулатов заявил:

“Я бы мог поставить под ружье 60 тыс. вооруженных людей в течение недели и пойти на Грозный, но я не генерал, и кровопролитие не мое пристрастие” ⁴⁰.

Поведение чеченских лидеров в момент осеннего противостояния крайне интересно с точки зрения социально-культурного анализа. Как в традиционных, так и в современных обществах феномен войны включает довольно часто элемент угрозы как средство принуждения противника принять волю другой стороны. Альтернативой ему может выступать и внезапное нападение, так же известное в истории от древних набегов до Пирл-Харбора. Демонстрация угрозы и решимости воевать, не переходя к открытым действиям, может иметь разные мотивировки и преследовать различные цели. Силовая демонстрация уберегает от возможного неприемлемого взаимного ущерба и от опасности войти в ситуацию кровавых распрей и реванша. Она как бы останавливает конфликт на стадии, когда логика войны и кровной мести еще не действует и осознание опасности последней играет сдерживающую роль. Именно такое поведение демонстрировали чеченские лидеры накануне войны, когда враждующие внутричеченские группировки и режим Дудаева имели ограничитель в виде возможного кровного реванша на массовом уровне, что действительно грозило уничтожить, по словам Хасбулатова, не только лидеров, но и население республики. Угроза войной, а не сама война – наиболее предпочтительный вариант в малых конфликтующих сообществах, где сильны механизмы самосохранения. Этот самоограничитель ослабевает или исчезает, когда в конфликте задействована сторона или стороны, у которых обычай кровной мести отсутствует, а чувство группового самосохранения ослаблено. Такая трансформация произошла в Чечне после вступления в нее российской армии.

ЧЕЧНЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Если до осени 1994 г. ситуация в Чечне была как бы на периферии российского общественного мнения, то после начала военной кампании чеченская тема стала главной в жизни России. Наиболее апокалиптические настроения выразили радикальные демократы. По мнению Юрия Афанасьева, после чеченской войны “о каком-либо будущем демократии в России в принципе можно говорить не раньше, чем лет через двадцать. Одной из первых свое отношение к военной операции российских войск высказала Московская городская дума, квалифицировавшая их ввод в Чечню как антиконституционный акт и как начало сворачивания демократических процессов по всей России. Представительные органы ряда краев и областей (Ставропольский, Краснодарский, Алтайский края, Амурская, Аст-

раханская, Калининградская, Кемеровская, Тамбовская, Тульская, Тверская, Свердловская, Читинская области) призвали к использованию мирных, политических средств разрешения конфликта. Что касается подавляющего большинства глав администраций краев и областей, назначаемых президентом РФ, то они предпочли не выражать свои позиции по чеченскому вопросу. Только некоторые из них выступили с резкими высказываниями по поводу действий федеральных властей в Чечне.

Более определенную позицию заняли руководители российских республик, для которых основанная на силе “новая национальная политика” заключала в себе угрозу республиканскому суверенитету и которые не могут не учитывать реакции на события местного населения, и особенно радикальных националистических групп, симпатизирующих “чеченской революции”. Свое несогласие с военной операцией и использованием территории республики для продвижения и размещения войск высказали власти и Дагестана. В Махачкале и Хасавюрте прошли митинги протеста, организованные национальными движениями, особенно чеченцев-аккинцев. Как известно, в самом начале операции 11 декабря в районе Хасавюрта была задержана колонна российских войск и группа военнослужащих взята в плен и переправлена Дудаеву. Однако информация об участии чеченцев-аккинцев из Дагестана в войне на стороне Дудаева носит противоречивый характер. Так, например, 8 февраля 1995 г. “Известия” поместили передовой материал “Территория Дагестана может стать новым плацдармом войны, в котором журналист Алексей Челноков сообщал, что “в составе ауховского батальона дудаевских сил воюют приезжие из Дагестана – чеченцы-аккинцы, аварцы, даргинцы. Отвоевав неделю – другую, они возвращаются домой и вскоре снова берутся за оружие”.

Вместе с тем днем раньше, 7 февраля, на одном из заседаний в Государственной думе Магомед Гусаев, один из министров правительства Дагестана, заявил, что в район проживания чеченцев в Дагестане не прибыло ни одного гроба с телом убитого и что реально аккинцы в боевых действиях не участвуют, а в окружении Дудаева аккинцев фактически нет, как их не было и в правительстве Чечни. В Кабарде, как и в Карачаевске, действительно прошли публичные выступления в поддержку Чечни, хотя власти обратились с призывом не противодействовать федеральным органам власти в осуществлении мер против Чечни. В Кабардино-Балкарии было принято решение о полном запрете митингов и манифестаций на период военных действий в Чечне.

Уклончивую позицию заняли руководители Краснодарского края и Ростовской области. Зато губернатор Ставрополя, где население больше всего страдало от бандитизма с территории Чечни, полностью поддержал позицию президента Ельцина. Разделились позиции казачества Северного Кавказа. Донское (Ратиев) и кубан-

ское (Громов) казачество осудило ввод войск в Чечню и высказалось за мирное разрешение конфликта, но в то же время выступило с отчетливо государственнических позиций против отделения Чечни. Владимир Громов, например, заявил, что “эти события стали прямым следствием известной позиции президента: “Возьмите суверенитета, сколько можете проглотить”. Вот мы и пожинаем плоды. Кроме того, те меры, которые сейчас принимаются надо было принимать два, а то и три года назад. Сегодня же ситуация вызывает серьезные опасения. Сможет ли президент быть решительным до конца? Не получится ли, как прежде, когда замахивались и не ударили и думали, что все само встанет на свои места?” Повторяя обычные тезисы русских националистических организаций об одерживающих победу антигосударственных силах, что все это “вписывается в планы Запада по разрушению России”, о 200 тыс. русских, оказавшихся заложниками в Чечне, местное казачество было обеспокоено, что конфликт “растет по Северному Кавказу”. Некоторые местные лидеры казачества стали налаживать контакты с чеченцами: “Мы поняли, что надо без оглядки на Москву самим искать с ними общий язык, чтобы избежать войны”⁴¹. Союз казаков России (Мартынов) и Кавказское линейное казачье войско поддержали силовые акции. Терское казачество в Дагестане начало даже формировать подразделения для участия в “восстановлении конституционного порядка” в Чечне.

Из республик других регионов России резкую позицию против войны в Чечне заняли президенты и парламенты Татарстана, Башкирии, Якутии, Тувы, Чувашии, Калмыкии, Бурятии. В этих республиках после начала военных действий сразу же активизировались радикально-националистические силы, которые серьезно ослабли после принятия новой Конституции РФ. По мнению президента Якутии Николаева, использование силовых методов в Чечне “может привести к дальнейшему краху всей административно-территориальной системы Российской Федерации”. Президент Татарстана Шаймиев выдвинул предложение об участии лидеров республик в посреднических акциях. Президент Карелии Степанов также заявил, что “лучше 50 лет переговоров, чем один год войны”, и выступил на заседании Совета федерации с предложением совместно с Государственной думой подготовить поправки к Конституции, которые позволили бы провести выборы президента России летом 1995 г.

5 января в столице Чувашии Чебоксарах состоялась встреча лидеров поволжских республик с участием руководства Карелии. Позднее к решениям этой встречи присоединился президент Ингушетии Аушев. Итоговое коммюнике встречи содержало следующие положения:

а) федерализм, демократия и право должны оставаться главными принципами политического руководства России и регионов, и

только на их основе может быть обеспечено строительство нового Российского государства, в котором должны уважаться права народов и человека;

б) необходимо незамедлительно восстановить деятельность Совета глав республик, в работе которого могут принимать участие руководители других регионов Российской Федерации и представители федеральных органов власти;

в) требуется незамедлительно прекратить братоубийственную войну в Чеченской республике и решать все проблемы на основе права, справедливости и гуманизма;

г) преобразования в России были начаты с целью обеспечения достойного уровня жизни граждан, защиты их прав и интересов и в этой связи встает вопрос об ответственности за невыполнение предвыборных обещаний руководителей всех уровней;

д) одна из важнейших задач – это организация Конгресса народов России как демократического способа выработки и проведения в жизнь решений по сложнейшим национальным вопросам.

Чеченская война оказала серьезное влияние на позиции региональных элит, которые намерены противодействовать попыткам президента Ельцина вернуться к унитарному государству и которые в то же время будут усиливать авторитарные начала управления на уровне регионов. Некоторые региональные лидеры уже игнорируют представительные органы власти, ограничивают деятельность средств массовой информации, ведут линию на отказ от проведения выборов. Наиболее серьезные акции предприняты некоторыми лидерами республик по поводу службы в армии местной молодежи. Президент Чувашии Николай Федоров издал указ, который брал под юридическую защиту военнослужащих, отказавшихся воевать в Чечне. Этот указ был отменен президентом Ельциным. Однако 23 января последовал аналогичный указ президента Башкирии Муртаза Рахимова. В нем констатировалось: “без законного решения вопроса использования вооруженных сил на территории РФ военнослужащие республики не могут исполнять соответствующие юридические обязанности и нести ответственность”⁴².

На сей раз репрессалии из центра последовали в виде заказной статьи “Удельный князь, но со своей нефтью” в правительственном органе с грозными намеками и параллелями: “В Башкирии, как и в Чечне, национализм и узурпация суверенитета имеют под собой вполне экономический интерес. И прежде всего он основан на нефти... когда прослеживается небескорыстная причастность людей из ближайшего окружения М. Рахимова”⁴³.

Чеченский кризис активизировал проявления русского и периферийного национализма. Радикализировались требования национальных движений в республиках: от осуждения военных действий они переходят к требованиям неуплаты налогов, отмены всеобщей воинской повинности, выхода из состава России. Татарская партия

“Итифак” заявила, что не будет препятствовать отправке добровольцев в Чечню, хотя какой-либо активности по вербовке наемников в Татарстане не было. Конфедерация народов Кавказа сделала самые резкие заявления в адрес руководства России и негласно помогала режиму Дудаева. Во время переговоров во Владикавказе один из лидеров КНК – Али Алиев и другие имели встречу с Вячеславом Михайловым и передали российской делегации резолюцию своего съезда, только что прошедшего в Пятигорске.

Что касается русских националистических организаций, то они фактически выступили полными сторонниками силовых методов и поддержали президента Ельцина, одновременно разворачивая пропаганду идеи воссоздания “Великой России” как русского национального государства. Лидер ЛДПР Жириновский сделал с трибуны Государственной думы предложение президенту РФ издать указ о возвращении к губернскому административному делению страны, т.е. к упразднению республик.

Что касается общероссийских замеров общественного мнения по различным аспектам чеченской войны, то, пожалуй, один из показателей остается наиболее стабильным и в какой-то мере поразительным. Это устойчивое антивоенное настроение граждан и отсутствие роста античеченских настроений в России в целом. Более того, в обществе присутствует чувство вины и сострадания к понесшему тяжелые потери народу Чечни безотносительно этнического происхождения местных жителей. Под огромным влиянием средств массовой информации, в целом солидаризировавшихся с чеченским сопротивлением и создававших героико-романтический облик чеченских боевиков, за время войны не произошло активизации антикавказских настроений. Не известны случаи столкновений или актов насилия на низовом гражданском уровне, за исключением действий некоторых криминальных групп, решившихся воспользоваться “залеганием на дно” чеченских деловых людей и криминалов, чтобы потеснить конкурентов, особенно в крупных городах типа Москвы, где они были достаточно зримо представлены. Пугания российских властей возможным чеченским терроризмом в российских городах не оправдались, и это не дало ожидаемого пропагандистского повода для формирования облика “злого чеченца”, чтобы через этот образ окончательно дегуманизировать врага, т.е. представить его нечеловеком.

Местные власти ряда городов и регионов попытались воспользоваться ситуацией, чтобы решить некоторые проблемы наведения общественного порядка и борьбы с преступностью. Судя по некоторым данным, московская милиция устроила почти поголовную “домашнюю” проверку в неурочные часы всех прописанных в городе москвичей чеченской национальности. Проживавший в Москве и ныне покойный военный историк Хаджи-Мурат Ибрагим-бейли рассказал мне, как в его квартиру поздно вечером заявился участковый проверять документы только на том основании, что его супру-

га – чеченка. Подобный визит испытал и Рамазан Абдуллатипов, заместитель председателя Совета Федерации. Стало известно секретное распоряжение органам милиции Московской области о всесторонней проверке и регистрации всех лиц чеченской национальности, находящихся в регионе. Летевший со мною рядом в самолете в Назрань 22 февраля московский школьник Эльберт Алеев, ингуш по национальности, на мою похвалу его прекрасного русского языка заметил: “Все равно меня милиционеры останавливают из-за акцента”. 11 февраля 1995 г. в газете “Известия” была опубликована статья журналиста Саида-Эмина Бицоева “Моя вина лишь в том, что я – чеченец”, в которой описывается отношение к чеченцам со стороны российских военных и милиции за пределами Чечни и переживаемые в этой связи чувства. Прилетев из Москвы в Минводы с целью проехать в Грозный и забрать тяжелобольную мать, Бицоев был задержан в аэропорту милицией, и у него взяли большую сумму денег, а затем отпустили. «Как ни странно, после всех унижений хотелось поблагодарить этих стражей закона. За то, что действительно не оставили на месяц – “до выяснения”. А кому пожалуешься? Ты – чеченец, и уже одним этим виноват».

Устанавливаемый “санитарный” кордон вокруг республики на предмет выявления возможных “террористов”, особенно в аэропортах, фактически основывается на первичном распознавании физического облика, а уж потом – на проверке документов, что особенно унижительно для многих граждан, чья внешность не подпадает под “славянский тип”. Рассказывая о контрольно-пропускном пункте в Минводах, где вокруг капитана милиции собралась группа ребят из Чечни, Бицоев пишет:

«К счастью, моя внешность у капитана не вызвала особых подозрений, и мы с мамой благополучно смогли вылететь. В Москве комплекс неполноценности не исчез. На следующее утро в квартире появились два милиционера из местного отделения милиции, извинившись, переписали всех взрослых членов семьи. У них тоже приказ Ерина – посчитать всех, у кого “непорядок” в пятой графе паспорта. Угнетение усилилось, когда в одной из больниц отказались взять на лечение мать, сославшись на те же трудности. Нежелательно присутствие в больнице лиц из Чечни. На всякий случай. Одним словом, получается круговая блокада...»

Итак, в небольшой заметке перечислен почти весь набор чувств и реакций российского чеченца: унижение, комплекс неполноценности, угнетенность, чувство “круговой блокады” и т.п. Описанные чувства не могут не вызывать антироссийских настроений и желание защищать свои права любыми путями, если закон и общество не способны этого сделать. Видимо, необходимы срочная мобилизация общественных сил, особенно из числа демократической интеллигенции, на сопротивление растущим в России проявлениям этнической и расовой дискриминации, нарушениям конституционных прав граждан по признаку национальности.

Чеченская война скорее вызвала крайне отрицательное отношение к политической элите России. Это была ее наиболее грандиозная компрометация за последнее десятилетие, что нашло отражение как в всплеске народного фольклора по поводу бездарных политиков и военных и их преступных действий, так и в более строгих социологических опросах. Проведенный в конце января центром “Общественное мнение” опрос (1353 респондента) дал следующие результаты. Всего среди опрошенных положительно относятся к вводу российских войск на территорию Чечни 16%, отрицательно 71%.

На вопрос “Будете ли вы учитывать при голосовании в ходе будущих выборов позицию кандидатов по отношению к войне в Чечне?” респонденты отвечали так (в процентах):

Нет не буду – 25

Да, буду голосовать за сторонников военных действий в Чечне – 8

Да, буду голосовать за противников военных действий в Чечне – 42

Затрудняюсь ответить – 25.

На вопрос “Считаете ли вы, что события в Чечне – достаточный повод для отставки президента Б.Ельцина?” ответы распределились следующим образом:

Да – 38.

Скорее, да – 20.

Скорее, нет – 14.

Нет – 12.

Затрудняюсь ответить – 16⁴⁴.

Этот опрос выявил, что чем дальше от столиц, тем чаще россияне, особенно городские жители, категорично высказывались за отставку Ельцина. В Москве и Санкт-Петербурге таких было 25%, в областных центрах – 39, в небольших городах – 43, на селе – 34%. В то же самое время, по данным опросов центра “Общественное мнение” 73% россиян считают, что “России необходим лидер с железной рукой”, а 2/3 верят, что “Запад стремится превратить РФ в сырьевой придаток”⁴⁵.

ДИАСПОРА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Вопрос о роли этнических диаспор в ситуации постсоветских конфликтов не был предметом специального научного анализа, хотя он крайне важен. При рассмотрении этого вопроса необходимо выделить несколько его аспектов. Понятие диаспора имеет достаточно определенное значение: это часть населения или отдельные лица, родственные в этнокультурном отношении тем группам, которые вовлечены в конфликт, но которые проживают вне зоны конфликта или даже в других государствах. Разные исторические при-

чины обуславливают образование этнических диаспор, но почти все из них связаны с воздействием прямого или косвенного насилия, которое приводит к эмиграции части того или иного народа из пределов его основного, автохтонного проживания. Диаспоры образуются и по чисто экономическим причинам, которые лежат чаще всего в основе массовых миграций населения.

В советском контексте как раз насильственный элемент играл решающую роль, особенно под воздействием грандиозных общественных потрясений XX в. Для Кавказа возникновение массовых диаспор в большей степени связано с более ранним периодом насильственной колонизации этого региона царской Россией, главным образом во второй половине XIX в. в ходе так называемого движения *мохаджирства*. В любом случае представители диаспор, особенно проживающих в состоятельных странах и добившиеся определенных социальных успехов, сохраняют и культивируют чувства общности с Родиной и с народом и обладают возможностями воздействия на местную ситуацию при существовании там более или менее либеральных режимов, позволяющих элементарные человеческие контакты.

Обычно для представителей диаспор свойственно одно доминирующее чувство – чувство симпатии и соучастия в судьбе своих бывших соотечественников, выражающееся чаще всего в формах солидарности или помощи, если в таковых они нуждаются. В свою очередь фактор диаспоры, тем более если она многочисленна и влиятельна, – это мощный политический и социальный ресурс для тех народов и их политиков, который может быть мобилизован для различных целей, в том числе и для достижения радикальных проектов, как достижение политической независимости или возможное изменение демографической ситуации в пользу той группы, которая утратила свой преобладающий статус, в том числе по причине исторических миграций. Как правило, диаспора, вернее ее активные элементы, политически и эмоционально заангажирована на однозначную поддержку “своего” народа, даже если ее представители уже давно стали лояльными и полноправными гражданами других государств и даже ассимилировали с другими культурами.

Чеченская диаспора сравнительно невелика (около 70 – 80 тыс.), и ее наибольшая концентрация приходится на страны Ближнего Востока, особенно Иорданию, куда черкесы и чеченцы были переселены османским правительством в качестве военных колонистов после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Некоторая часть чеченцев покинула СССР в период гражданской и второй мировой войн. Среди зарубежных чеченцев есть известные политики и общественные деятели, а также богатые предприниматели, которые с самого начала поддержали “чеченскую революцию”, а некоторые из них прибыли в Чечню сотрудничать с Дудаевым, как например, его министр иностранных дел Шамсуддин Юсеф, гражданин Иордании, отличающийся крайне антироссийскими позициями.

Ряд видных чеченцев создали в США партию “Вайнах” и Северокавказский комитет в Америке, которые заняли позицию поддержки независимости Чечни, хотя некоторые его лидеры, как, например, Абдурахман Автурханов, известный историк и писатель, не поддержали курс на разрыв с Россией. Еще в период активизации антидудаевской оппозиции летом 1994 г. вышеназванный комитет обнародовал Обращение, основанное главным образом на сообщениях печати из России. В нем высказывалось опасение, что “российские спецслужбы решили задушить независимую Чечню руками самих же чеченцев”.

“Чеченская республика была единственной из бывших советских республик, которая путем мирной революции свергла у себя власть большевиков и объявила себя независимым государством осенью 1991 года. На свободных демократических выборах чеченский народ избрал своим первым президентом советского генерала Джохара Дудаева. Президент великолепно понимает, что в демократическом государстве должна быть демократическая оппозиция, вооруженная конструктивной альтернативной программой. Но оппозиция, вооруженная бомбами и автоматами, во всех государствах мира называется бандой. Эта чеченская банда не имеет никаких шансов захватить власть над Республикой, но, к сожалению, она имеет шансы спровоцировать Россию на интервенцию... Мы не строим себе никаких иллюзий и смотрим на вещи реально. В силу своей экономической, технической, научно-технологической мощи Россия будет доминировать в “Евразийском союзе”, как доминируют великие державы Западной Европы – Германия, Франция, Англия – в “Европейском союзе”. Это естественно и логично. Но демократические союзы, откуда любой член может выходить в любое время, являются лучшей гарантией защиты интересов малых народов как в западной, так и в Восточной Европе. Мы хотим закончить свое письмо обращением к президенту России Борису Ельцину. Нельзя допустить расправы с чеченским народом по сталинскому образцу. Необходимо добиться мирного урегулирования создавшегося экстремального положения. Вот уже девятый раз советники президента России сорвали его встречу с президентом Чеченской республики Дудаевым. Эта встреча необходима для решения спорных вопросов и заключения союзного договора между Россией и чеченской республикой”⁴⁶.

Заявление самого знаменитого чеченца-диссидента, проживающего в Мюнхене, о том, что “свободу независимой Чечни сумеют защитить с оружием в руках внуки тех, кто был выслан в 1944 г. в Среднюю Азию в вагонах для скота”, было обнародовано в Грозном во время празднования трехлетней годовщины чеченской революции. Этот акт оказал сильное воздействие, разжигающее воинственный дух дудаевцев и как бы дающее внешнее благословение на борьбу.

Что касается реакции более широкой общественности, то здесь определяющей была негативная оценка жестоких методов ведения войны в Чечне, приведшая к массовым жертвам и материальным разрушениям. Важным моментом стало решение Постоянного Со-

вета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по чеченскому вопросу, принятое 3 февраля 1995 г. ОБСЕ, подтвердив свое позитивное отношение к проблеме территориальной целостности России, выразила “глубокую обеспокоенность в отношении непропорционального применения силы российскими вооруженными силами” и “сожаление по поводу серьезных нарушений прав человека как до, так и после начала нынешнего кризиса”. ОБСЕ высказалось за немедленное прекращение огня в Грозном, беспрепятственную доставку гуманитарной помощи всем группам гражданского населения, обеспечение свободного доступа во все регионы республики представители международных и других гуманитарных организаций. Решение Постоянного совета ОБСЕ призывало к скорейшему началу политического процесса по разрешению конфликта.

ОЦЕНКА ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА

Чеченский кризис может быть отнесен к разряду внутригосударственных уже даже не конфликтов, а войн, в основе которых изначально лежит стремление одной стороны явочно осуществить сецессию части территории государства и создать на ее основе новую государственность, а другой стороны – в лице сторонников и институтов действующей государственности – сохранить свою целостность. Обычно программа сепаратизма рождается, а ее сторонники (как лидеры, так и рядовые участники) мобилизуются на основе доктрины и политической практики этнического национализма. Ее суть в том, что каждый народ, понимаемый не как территориальное сообщество, а как этническая общность, или этнонация, имеет право на самоопределение, “свою” государственность. Несмотря на то что эта доктрина не соответствует международно-правовым нормам и противоречит законодательствам всех государств мира (кроме текста бывшей советской Конституции) и несмотря на ее практическую нереализуемость, у этой доктрины много сторонников в современном мире. По подсчетам директора Международного института исследования мира в Осло Дэна Смита, из 52 вооруженных конфликтов разных масштабов, которые имели место на территории 42 государств в 1993 г., 36 в 30 государствах имели этнонациональную окраску⁴⁷. В этих конфликтах хотя бы одна из сторон организовывалась по признаку принадлежности к определенной этнической группе. К такой же категории этнонациональных конфликтов (или войн, в зависимости от интенсивности насилия) можно отнести и чеченский кризис.

Присутствие среди лидеров и рядовых участников конфликта со стороны Чечни представителей нечеченской национальности (и даже иностранных наемников и добровольцев) ничего не меняет, как

и тот факт, что с противоположной стороны выступает государственная машина, прежде всего ее многонациональная по составу армия. Именно так чаще всего и бывает в мире. Случаев этнических конфликтов в их “чистом виде”, т.е. один народ выступает против другого по причине некой природной враждебности, фактически не встречается, хотя в процессе эскалации насилия этническая принадлежность может стать единственным избирательным принципом выбора жертв (например, Карабах, Руанда, Северная Осетия)⁴⁸.

На территории бывшего СССР этнонационализм и порождаемые им конфликты обрели масштабные формы по той причине, что вышеупомянутая доктрина была вмонтирована в официальную идеологию и на ее основе покоилось и государственное устройство. Более того, доктрина национального самоопределения и ее сторонники выступили на определенном этапе союзниками радикальных демократических преобразований, особенно в устранении монополии КПСС и упразднении унитарной системы СССР. Сторонники этнонационального самоопределения и этнического национализма сохраняли и продолжают сохранять достаточно влиятельные позиции как среди элиты российских республик, так и в федеральном центре, особенно среди радикально-демократических сил. Многие представители российской интеллектуальной и политической элиты, в частности, стимулировали и поддержали “чеченскую революцию” осени 1991 г. Таким образом, в доктринальном и в политическом плане “национальная независимость” Чечни была подготовлена и легитимизирована собственно российской идеологией и политической практикой тех лет, когда многим представлялось, что вместо улучшения правления есть более естественный и простой путь осуществления демократических преобразований – это путь суверенизации на этнической основе.

Чечня стала одним из первых клиентов на осуществление радикальной суверенизации в форме вооруженного мятежа по ряду объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, чеченцы как один из крупных и наименее ассимилированных русской культурой российских народов пережили в сравнительно недавней истории события, которые породили в них чувство попранного коллективного достоинства и потребность, особенно среди активных социальных элементов, в крайних формах самоутверждения. Этого не смогли понять ни государство, ни российская общезначительность. В программах либерализации и социальных преобразований не нашлось места хотя бы для символических действий по терапии этой глубокой социальной травмы. Лидеры государства, включая президента, не смогли найти компромиссного и неамбициозного подхода к манифестным формам поведения и уязвленной эмоциональности мятежных политиков периферии.

Во-вторых, в Чечне накопилось много социальных проблем, в том числе избыток трудовых ресурсов и незанятость населения,

сравнительно низкий жизненный уровень, слабая модернизация основной части населения, что составило человеческий материал для массового политического манипулирования, утверждения внеправовой анархии и криминальной активности, а позднее – поставило достаточное число рекрутов в ряды профессиональных боевиков и вооруженных ополченцев. Этнический фактор в Чечне выступил в качестве линии противостояния, поскольку в республике и даже в стране в целом сложилась ситуация, когда существующие социальное, политическое и культурное неравенство и несправедливость прошли по этническим границам или же представлялись таким образом.

В-третьих, в 1960–1980-е годы. часть чеченцев, особенно городских, прошла ускоренный путь модернизации, получила высшее образование, выдвинула из своих рядов крупных хозяйственников, военных, политиков, ученых. В условиях краха унитарной системы и ослабления партийной номенклатуры эта новая элита сформулировала претензии от “имени народа” на перераспределение власти в свою пользу и на приоритетный доступ к ресурсам. Независимость от федерального центра и национальный (т.е. чеченский) суверенитет сулили такую возможность лидерам, хотя и не обещали народного процветания при ограниченности ресурсов, характере экономических связей и даже географического положения. Однако наиболее амбициозные лидеры при прямой поддержке части политиков в центре, а также представителей диаспоры смогли мобилизовать часть населения вокруг лозунга борьбы с коммунизмом и идеи независимости. Приход к власти Дудаева был начат как вариант проводившейся центром декоммунизации, облеченной в форму и риторику народной революции, а завершен в форме политического мятежа.

В-четвертых, решающим фактором в осуществлении варианта явочного сепаратизма со стороны властей Чеченской республики явилась передача оружия из arsenалов российской армии, обеспечившая Дудаеву возможность подкрепить декларацию независимости силовыми аргументами, а затем организовать упорное и успешное сопротивление федеральным вооруженным силам.

Чеченский кризис мог быть разрешен без применения армии разными путями и средствами, возможность этого сохранялась до декабря 1994 г. Нельзя согласиться с мнением президента РФ, что “все мирные пути были исчерпаны”. Многого было не сделано начиная с осени 1991 г., что должно было быть сделано государственной властью в ситуации подобного внутреннего конфликта.

Прежде всего за все время кризиса никто из первых лиц государства не вступил в контакт с президентом Дудаевым, чтобы выслушать и обсудить его позицию и предложить условия разрешения коллизии. Эмоциональная амбициозность и отсутствие культуры политического компромисса и самоограничения у двух главных ли-

дерев конфликтующих сторон и у других постсоветских политиков стали наиболее трагическим, субъективно-личностным, но от этого не менее важным моментом в эскалации кризиса до его нынешней стадии. Эта же оценка относится и к решению президента Ельцина об “окончательном решении чеченского вопроса” в декабре 1994 г.

Не был принят комплекс необходимых мер в области экономики, контроля границ и воздушного пространства, которые обычно принимаются государствами в случае появления мятежных регионов, чтобы продемонстрировать невозможность силового варианта сепаратизма.

Россия, прежде всего в лице МИДа, не объявила международному сообществу, что имеет место внутренний кризис и процесс урегулирования отношений с одним из субъектов федерации и что любая, даже косвенная поддержка или осуществление контактов с представителями мятежного режима будут рассматриваться как недружественные по отношению к России.

Наконец, имела место недопустимая политическая двойственность в отношении сепаратизма, в том числе со стороны российских вооруженных сил в период вовлеченности в аналогичные события в Грузии, когда ими допускалось участие так называемого “абхазского батальона” российских граждан на стороне правительства Владислава Ардзинбы.

Все эти крупные просчеты и ошибки в политике по отношению к Чечне отчасти могут быть объяснены сложностью общей ситуации в России, а так же недостаточной опытностью нового поколения российских политиков. И все же война в Чечне не была предопределена существовавшей ситуацией. Кризис мог еще продолжаться на гораздо более низком уровне конфронтации и с изменением ситуации в Чечне мог быть разрешен даже на внутречеченском уровне.

Никакой фатальной угрозы территориальной целостности России не существовало, кроме той, которую она сама себе позволила. Это был такой же миф, как и миф о чеченской независимости. Те, кто уверовали в такие экзальтированные мифы, стали принимать решения и отдавать приказы, сообразуясь с ними, должны квалифицироваться как главные виновники постигшей страну трагедии.

¹ Основным автором этого документа считала себя Г.В. Старовойтова, о чем она заявляла в личных беседах с вторым книги.

² Гакаев Дж. Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: (Политический аспект). М., 1999. С. 27–29 (Далее: чеченский кризис...).

³ Постановление общенационального съезда чеченского народа от 25 ноября 1990 г. // Архив автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Выступление И.В. Кочубея на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Архив автора.

- 7 Выступление Р.И. Хасбулатова на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 8 Выступление А.И. Руцкого на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 9 Выступление Р.И. Хасбулатова // Там же.
- 10 Выступление генерала П.А. Соколова на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Там же.
- 11 Выступления А.И. Руцкого на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 12 Об этом см.: *Chervonnaya S. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. L. 1994.*
- 13 *Гакаев Дж.* Чеченский кризис... С. 49.
- 14 *Музаев Т.* Посеявшие ветер // Экспресс-хроника. 1993. 19–26 апр.
- 15 См., например: *Dunlop, John B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict, Stanford, 1998.
- 16 *Паин Э., Попов А.* Российская политика в Чечне: Как она зарождалась, как привела к войне и чем отзовется завтра: Дипломатия под ковром // Известия. 1996. 9 февр.
- 17 Криминальный режим: Чечня, 1991–1995: Факты, документы, свидетельства. М., 1995.
- 18 Интервью с Балауди Мосаевым, 23 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 19 Выступление Е.Т. Гайдара в комиссии Государственной думы 20 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 20 Архив автора.
- 21 Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 1995. С. 35.
- 22 Интервью с Балауди Мосаевым, 23 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 23 Архив автора.
- 24 Там же.
- 25 Дудаев Дж. – Ельцину Б.Н., 30 марта 1993 г. // Архив автора.
- 26 Дудаев Дж. – Ельцину Б.Н., 11 апреля 1993 г. // Там же.
- 27 Аргументы и факты. 1995. № 9. Март.
- 28 Известия. 1995. 9 февр.
- 29 Сегодня. 1994. 21 сент.
- 30 Московский комсомолец. 1994. 9 дек.
- 31 Записка В. Печенева “фактор Хасбулатова” в Чечне и чечено-российских отношениях (некоторые соображения и рекомендации). 21 апреля 1994 г. // Архив автора.
- 32 Аргументы и факты. 1995. № 3.
- 33 Заявление лидера Миротворческой группы в связи с убийствами людей в Урус-Мартане, Долинском, Аргуне и приготовлениями режима к братоубийственной войне в Чеченской Республике, 11 сентября 1994 г. // Архив автора.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Московский комсомолец. 1994. 9 дек.

- ⁴¹ Российская Федерация. 1994. № 21. С. 4–5.
- ⁴² Российская газета. 1995. 11 февр.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Общая газета. 1995. 9–15 февр. С. 1.
- ⁴⁵ Сегодня. 1995. 21 янв.
- ⁴⁶ Новое русское слово. 1994. 19 авг.
- ⁴⁷ *Smith D.* The State of War and Peace: Atlas. 3 ed. L., 1997.
- ⁴⁸ Уже после завершения работы над рукописью этой книги вышла в свет новая фундаментальная работа американского специалиста по этническим конфликтам Дональда Горовица, посвященная насильственным этническим манифестациям: *Horowitz D.L.* The Deadly Ethnic Riot. Berkeley; Los Angeles; L., 2001.

Глава VIII

ДЖОХАР: МИФ О ГЕРОЕ И ДЬЯВОЛЕ

Народ слушает с тем же смиренным равнодушием и продолжает делать вид, что Джохар и его идеи что-то значат. Единственные, кто получает искреннее удовлетворение от этих измышлений и обсуждений, – это часть стариков. Такое ощущение, что они морально мстят России за прошлые лишения в своей жизни.

Рустам Калиев.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ХАРИЗМАТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ

В антропологической литературе проблема лидера обычно изучается применительно к так называемым традиционным обществам. Современный лидер – это домен политологии или социологии, редко – социальной психологии. Данный дисциплинарный контекст нам представляется недостаточным, ибо нас интересует проблема, каким образом появляются в конфликтных ситуациях харизматические лидеры, узурпирующие право говорить от имени “своего” народа и какую роль военные лидеры играют в динамике насильственного конфликта. Чеченская война, несмотря на обильную риторику о “народе”, была крайне персонифицированным событием. Во всех работах по чеченской войне бывший президент самопровозглашенной республики Джохар Дудаев – это один из главных героев. Нам представляется, что феномен Дудаева возможно понять не столько сугубо в чеченском, сколько в более широком (пост)советском контексте. Подобные явления политиков-воинов (независимо от прошлой профессии) мы наблюдаем и в других регионах бывшего СССР.

Здесь возможно посмотреть на проблему с нескольких сторон. Во-первых, как в условиях либерализации в обществе, где долго действовала жесткая система отбора и контроля лидеров, появилась новая, очень активная и часто пользующаяся массовой поддержкой категория “национальных лидеров”, под которыми имеются в виду общественные активисты, действующие от имени этнических общностей или узурпирующие право на такое действие, т.е. этнические

предприниматели. Во-вторых, каков личностный и групповой механизм делания лидера и каковы необходимые составляющие, чтобы очередной “лидер” или “отец нации” состоялся? Наконец, как постсоветский слабо модернизированный массовый менталитет воспринимает от лидера простые формулы и предписания действия и следует им? Часто эти формулы (их обычно называют *идеи* или *цели*) навязаны извне, в том числе и самому вождю, и вырваться за их пределы сложно, ибо лидерам и активистам известен только ограниченный набор политических стратегий в силу недостаточной компетенции. Тем более ограничен выбор каждого конкретного индивида – бывшего жителя СССР, привыкшего к одномерному мышлению и к единственной версии событий – той, что “показали по телевизору” или “написали в газете”.

Именно поэтому на постсоветском пространстве в последние годы выдвигалось столько необеспеченных ресурсами и экспертизой проектов массовых мобилизаций. В них вовлекались люди, которые, казалось бы, никак не были расположены к участию, как они сами говорят, в “политических играх” и в “грызне верхов”. Подобное было и в СССР, но только право на массовые мобилизации (тоже часто авантюрные и нереализуемые) принадлежало ограниченному кругу высшего партийного руководства и их пропагандистской машине. Горбачевская либерализация, а тем более распад СССР радикально пополнили резервуар активистов социального пространства, но не изменили природу массового человеческого материала, а тем более не расширили экспертный багаж тех, кто стал принимать решения и обрел силу для их осуществления. Именно к этой категории относятся Джохар Дудаев и другие “несистемные” чеченские лидеры, которые выдвинули проект строительства независимого чеченского государства.

Собственно говоря, нереализуемость проекта, уход от рационального правления, решения прагматических задач или поддержания порядка и есть составляющие харизматической культуры, которая действует в сфере иррационального и в ситуациях, по выражению М.А. Сиверцева, “экстатически возбужденных эпох” и во времена “обаяния радикализма”, когда “от лидера требуются не рационально взвешенные программы, но возвращение к Истокам, понимаемое как возвращение к истокам Бытия”. Как объясняет тот же автор, спокойные, стабильные эпохи и культуры “не выходят за пределы самих себя”.

«Поэтому харизматический лидер, который стремится или вынужден ответить на вызов нестабильной, переходной эпохи, должен ответить именно в мировоззренческом горизонте: восстановить утерянную и всеми зыскуюемую связь с абсолютными основами бытия. Именно подобная способность (харизма) – восстанавливать опыт священного, восстанавливать символы в священной жизни, требуется от лидера в первую очередь и дает легитимность его поступкам. В то время как промахи, недалёковидность и по-

просту заурядность в формально-рациональной сфере не только будут прощаться, но, напротив, будут рассматриваться как дополнительные свидетельства харизматической власти, допускающей «властную небрежность»¹.

Обращаясь к мифам борьбы и победы, вражды и отмщения, лидер формирует самосознание последователей, а вместе с переплавкой внешней мифологии в личный миф героя лидер приобретает и необходимую устойчивость и неподверженность превратностям судьбы.

Эта частично теологическая интерпретация харизматических лидера и культуры трудно вписывается в чеченские реалию с ее внешним отрицанием теократической харизмы, единоличного лидерства и обожанием анархии. Тем не менее, наблюдения М.А. Сиверцева заслуживают внимания. Постсоветская ситуация идеологического вакуума предоставляла подобные культурные рецепты, и многие ими воспользовались. Прежде всего заслуживает внимания замечание, что «в культуре, которая готова к процессу харизматизации, возникают замкнутые субкультуры, альтернативные основной культуре. В этих субкультурах распространены кодексы чести, особые языки, практика трансформации внутреннего мира последователей с помощью символов, спиритуализирующих внешний мир. Причем, идеологические отношения с внешним миром, как правило, минимальны»². Кое-что в чеченских харизматиках и их окружении имеет характер подобной культуры. Более того, именно появление таких иррациональных, закрытых и конфликтных по отношению к окружающей и доминирующей системе субкультур мы склонны отнести не столько к «восстановлению опыта священного», сколько к одной из характеристик феномена конфликтной демодернизации.

Я не ставлю задачу написать биографию Джохара Дудаева или предложить еще одну трактовку его личности. Меня больше интересует культурная динамика версий харизматического лидера, чем историографический обзор, хотя последний тоже интересен, а также анализ идеологических версий, предложенных профессиональными производителями субъективных представлений (журналистами, учеными, политиками и пропагандистами). Однако наряду с элитными интерпретациями в собранных мною материалах зафиксированы народные версии Джохара Дудаева. Они отличаются разнообразием эмоций, образностью, почитанием и скептицизмом и не менее удивительной мифопоэтикой, чем литературные тексты.

Интересно не только происхождение и набор версий, но их смысл и среда бытования, включая внутренний мир самого героя – его Я-версию. Последнее важно, ибо внутренний и внешний образы оказываются динамически взаимосвязаны в драматической ситуации. Одни только частые журналистские интервью заставляют героя не просто повторять, а каждый раз сочинять собственные вер-

сии. Требуется этого и радикально меняющаяся ситуация, в том числе и под воздействием самого лидера. В истории с Джохаром эволюция Я-версии была крайне подвижной и противоречивой, хотя, казалось бы, харизматический лидер должен быть принципиально неизменен.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ВЕРСИИ ЛИДЕРА

В политико-доктринальном плане Джохар Дудаев достаточно ясная личность. Он прежде всего порождение окружающего общества, политического момента и местной групповой традиции. Он в тоже время есть порождение самого себя, включая состояние ума и здоровья. Трудно что-либо сказать о его психике, это требует специальных знаний. Не думаю, чтобы такой анализ делался в медицинских учреждениях Министерства обороны, когда генерал командовал ядерным оружием и когда комиссовался в отставку. Вопрос этот немаловажен (многие очевидцы отмечали эмоциональную нестабильность, смесь жестокости с сентиментальностью, подозрительность Дудаева), но он находится вне наших дисциплинарных интересов. Недостаточно известна мне и личная жизнь героя, прежде всего родительская среда и история взросления, которые, безусловно, определили многое в Дудаеве. Однако это задача для историков. Меня интересуют современные версии героя, природа и смысл проблемы “лидера нации” в современных конфликтах и войнах.

Антропологический анализ часто игнорирует индивидуально-личностный аспект, предпочитая выяснять коллективный портрет этноса/нации или архетипические социальные структуры, определяющие ход событий. Один из доминирующих подходов в изучении глубоких общественных конфликтов предполагает, что некие “цивилизации” вступают в столкновение, а “этноты” или “народы” выдвигают из своей среды лидеров, которые реализуют коллективную волю и историческую предопределенность. Не Дудаев, так был бы кто-то другой на его месте и все было бы также – таков один из постулатов объективистской ментальности. Как заметил товарищ Дудаева по службе, генерал А.Н. Осипенко, “национальную идею он не выбирал, это она его выбрала”. Такое наивное замечание российской журналистки Ирины Дементьевой: “Как вы считаете, что заставило молодого перспективного генерала Дудаева круто поменять судьбу, уйти в отставку и стать во главе национально-освободительного движения?”³

Российская публицистика вместе с академической наукой мыслит в тех же советских категориях “движений” и “революций”, что и те, кто непосредственно вооружается под воздействием этих слов. Апологетика пустых категорий настолько врожденна, что никакой гражданской и профессиональной ответственности за саморазруши-

тельные слова пишущие о Чечне не испытывали и не испытывают. Некому даже указать на поверхностную риторику, ибо большинство ученых и политиков верит, что государства строятся на этнической основе, что незаконное свержение власти и отрицание государства – это правое народное дело, а захват оружия и вооруженная борьба молодых мужчин – акт высшего морального смысла.

Только в российской журналистике по поводу событий в Чечне можно было встретить как бесспорные подобные сентенции: “Можно по-разному относиться к Доку Завгаеву, Джохару Дудаеву и Багауддину Бахмадову, но нельзя не признать за чеченцами право самим выбирать свое государственное устройство... Никто не может навязывать Чечне свои идеи государственности”⁴. Именно отечественная публицистика, слабо представлявшая географию страны после распада СССР и что в ней происходит, была пионером в насаждении саморазрушительных речевых формул “Россия и Чечня”, “интервенция русских войск в Чечню”, “Дудаев – лидер нации” и подобное. Бытовая оппозиция “у них там, в России”, которую издавна можно было встретить в стране, начиная от Кавказа и кончая Дальним Востоком, приобрела значение политической географии. В репортажах НТВ Чечня стала называться “юг бывшего СССР”, а “Независимая газета” помещала информацию из этого региона в разделе “СНГ” вместе с публикациями о других постсоветских государствах.

Как уже отмечалось, мы имеем в науке и в публицистике не очень много материалов о феномене лидера в политических и насильственных конфликтах. Мне не известны попытки анализа личности Джохара Дудаева или других чеченских лидеров представителями обществоведческих дисциплин. Заслуживает внимания анализ А. Ливена, ибо он затрагивает вопросы ментальности, психики и идентичности Дудаева. Журналист рассказывает о своей последней встрече с генералом:

“Он сидел в небольшой, захламленной комнате, все в той же одежде, с чеченским флагом на стене и поставленными друг на друга двумя столами, чтобы изобразить президентский стол с небольшой стопкой президентских документов. Во всем этом было что-то поистине героическое, но опять же это был самоосознанный и демонстрируемый героизм в отличие от инстинктивного героизма и лидерства Басаева”⁵.

Как и многих, Ливена поразил момент актерства и игры в поведении чеченского лидера:

“Его речь была намеренно отрывочной, категоричной, воинственной и авторитарной. Выступая перед публикой, он добавлял к этому манеру делать ударение на последних слогах слов... Что точно он думал, играя всем этим, мне так и не удалось понять, но, возможно, это служило одной из отмен, которой должен отличаться национальный герой/мудрый правитель/пророк-прорицатель. Помимо этого, в его позиции присутствовал элемент природного актерства. Кроме всего прочего, он был советским гене-

ралом, человеком, который отдал большую часть своей жизни советским вооруженным силам, и вполне возможно, что у него наступали моменты, когда он удивлялся, какого черта он позволил втянуть себя в эту чеченскую революцию”⁶.

Черту актерского позерства и азартного игрока отмечали у Дудаева и другие наблюдатели. Один из очевидцев рассказал мне случай, как Дудаев в ответ на вопрос, как здоровье, мгновенно откинулся вместе со стулом и сделал переворот назад, встав на ноги: “Вот такое здоровье!”

Интересно, что А. Ливен отметил ту же самую особенность демонстрации особой групповой лояльности и со стороны других “национальных лидеров”, которые имели уязвимые моменты с точки зрения этнической “чистоты” (не жил в республике, не знает языка, жена – русская и прочее). Их жесткость в отстаивании интересов “своей нации” часто превосходит степень лояльности, которую демонстрируют рядовые члены группы или лидеры со “100-процентной биографией”. Об этом я писал, анализируя поведение главы правительства Северной Осетии Сергея Хетагурова в осетино-ингушском конфликте⁷. А. Ливен говорит о своем и своих коллег восприятии Дудаева как “нечеченца во многих отношениях”, который, создавалось впечатление, чувствовал себя неловко в новой чеченской шкуре.

“По причине чувства личной неуверенности, понимания, что он долго служил в советской армии вдали от Чечни и чеченского общества, по причине, что у него русская жена (так и необращенная в ислам) и полурусские дети, и потому что он плохо говорит на чеченском языке, он собственно и не был настоящим чеченцем в полном смысле. И поэтому как своего рода компенсацию он старался представить себя на 200% чеченским националистом”⁸.

Эту “нечеченскость” своего лидера отметит и народная версия, о которой речь пойдет ниже.

Для внешних наблюдателей, особенно западных, Дудаев сильно напоминал расхожий образ-пародию банановых и других правителей-диктаторов третьего мира типа Кадаффи. Только антироссийская направленность всего чеченского проекта заставляла многих видеть образ героя там, где в другой ситуации однозначно рисовался бы дьявол. Сомнения А. Ливена насчет психической адекватности Дудаева представляют собой редкое исключение:

“Были моменты, когда я действительно думал, что Дудаев был сумасшедшим, или, скажем так, психически неустойчивым с явными чертами как паранойи, так и мегаломании в клиническом смысле. Таково было также личное мнение двух западных дипломатов из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которые встретились с Дудаевым в 1995 г. и с которыми я разговаривал: “и этот человек однажды командовал соединением ядерных бомбардировщиков!” Ничто другое, представляется, не могло объяснить его грубые и полностью неоправданные словесные

провокации в отношении Ельцина и России. В одном из своих первых президентских выступлений по чеченскому телевидению он обвинил российские секретные службы в подготовке нападения на Чечню путем искусственно вызванного землетрясения, и когда я посетил Чечню в феврале 1992 г. все еще продолжали обсуждать эту предполагаемую угрозу⁹.

Из российских журналистов о Дудаеве писали многие, вернее, о своих встречах с ним. Детали бесед, особенно прямой голос Дудаева, представляют интерес. Сведения из этого источника дополняют книги-мемуары ближайших соратников или оппонентов Дудаева (Зелимхана Яндарбиева, Юсупа Сосламбекова, Таймаза Абубакарова).

ЛИЧНАЯ ВЕРСИЯ ЛИДЕРА

Джохар Дудаев происходил из горных чеченцев, свою тайповую (родовую) принадлежность никогда не объявлял, как, кстати, и многие из современных чеченцев. Зато семейно-родственный круг был большим. Семья Дудаевых проживала в поселке Ташкала на улице Шекспира. Это были простые люди, конечно, Шекспира не читавшие. У него было девять братьев и сестер (родители умерли), среди которых Джохар был младшим: заведующий металлоскладом Бекмурза, работник вневедомственной охраны Мурзабек, шоферы Махарбек и Басхан, домохозяйки Эльбика, Басира и Хазман, врач Базо, торговый работник Нурбика, каждый из которых имел по семь–девять детей.

Присвоение воинского звания генерала-майора было событием в жизни советского гражданина, чье детство прошло в Казахстане и который прошел трудный путь военной учебы и службы, дальних переездов и гарнизонной жизни. Дудаев в Чечне никогда не жил, чеченский язык знал неважно, историю края и своего народа выучил из случайных текстов, а верующим мусульманином он вообще никогда не был. Зато в Чечено-Ингушетии каждый новый “свой” генерал или “московский сват” (знатный москвич, женившийся на кавказских женщинах) отслеживался внимательно. Они пополняли копилку “национальной гордости” в “дружной семье советских народов”. В ответ на поздравления грозненских журналистов Дудаев сказал: “А землякам моим, впрочем как и всем молодым людям, ответственно заявляю: нет ничего почетнее, чем быть защитником Родины”.

А когда прилетел (обратим внимание, что о Дудаеве всегда говорят “прилетел”, а не “приехал”) навестить родственников, то заявил следующее:

“О чем вспоминаю чаще всего? – О детстве, конечно, о тепле родного очага, памяти которого буду верен до конца жизни. О непросто сложившейся юности. О годах учебы в Тамбове и службе. Всякого в жизни было достаточно, но главное, что вынес из прожитого, – любовь к своему делу. Считаю, что нет выше звания, чем профессиональный защитник Отечества”¹⁰.

Дудаев, безусловно, имел в виду под “отечеством” Советский Союз, в армии которого он верно служил, как и ближайший его военный соратник Аслан Масхадов. Но уже весной 1991 г. Дудаев стал сторонником радикальной демократии, кредо которой включало “разрушение империи” и “национальное самоопределение” в его этническом смысле:

“Мы должны видеть свою судьбу через призму демократизации и построения суверенного, независимого Российского государства. Самый нелепый факт: Россия, крупнейшая держава, не может добиться своего суверенитета... И демократические силы России не стоят за то, чтобы держать империю в прежних рамках. Мне очень знакомы идеи людей и в Москвоте, и в Ленсовете. Трудно предположить, что эти порядочные, демократичные люди в будущем одолевались бы имперскими амбициями и предъявляли бы какие-либо требования к малым народам”¹¹.

Уже тогда Дудаев держал в голове возможность независимости Чечни, а спустя несколько месяцев он стал последовательно отстаивать эту идею:

“Всю свою сознательную жизнь я жил мечтой увидеть самостоятельность чеченского народа. И когда я делал такие заявления, они были не надуманными экспромтами, это была сознательная вера. У меня было накоплено достаточно потенциала, опыта и знаний. Я очень долгие годы работал над тремя направлениями решения этой проблемы. О некоторых умолчу, так как они не понадобились, понадобился третий путь – путь политической борьбы, борьбы на основе выработанных человечеством международных норм государственного устройства и перехода к независимости народа. Первые два пути не для прессы, но мои близкие люди знают, что они были реальны. Мне нужны были два–три человека рядом, и я был убежден, что мы сдвинем с мертвой точки дело. Механизм был подготовлен, но получилась так, что создались условия для открытой политической борьбы”¹².

Что это за два пути достижения самостоятельности чеченского народа, которые Дудаев (всего с двумя–тремя человеками!) готов был осуществить и которые не мог разгласить? Поднять в воздух самолет с ядерным оружием и выдвинуть условия, чтобы “сдвинуть с мертвой точки”!? Этого уже, видимо, никто и никогда не узнает, но Дудаеву был свойствен радикализм мышления и радикализм действия, готовность к бретерству и к экстравагантности. В его словах выделяются одержимость идеей заговора и внешней опасности (позднее один из его близких соратников приведет свидетельства недоверия и подозрительности в отношении ближайшего окружения¹³). Как говорил Дудаев, в августе 1991 г. своим “предсказанием”, “прогнозом” он разглядел готовившуюся “операцию повторного выселения чеченцев” в ходе антигорбачевского путча¹⁴.

В последующем почти все преступления и террористические акты на территории Чечни или с участием чеченцев за ее пределами он объявлял провокациями российских спецслужб: гибель работника КГБ Толстенева, похищение и убийство ректора университета

Кан-Калика, угон самолета в Пятигорске и другие¹⁵. Постоянные угрозы в адрес жителей Чечни по поводу грядущей войны со стороны России со временем стали нормой для языка Дудаева. Это был его особый “фирменный знак”.

Один из местных наблюдателей мне рассказал, что подозрительность Дудаева становилась все более тяжелой ношей для тогдашних руководителей республики, включая органы районного и местного самоуправления. Так, в 1993 г. в Грозненском районе, в 20 км от Грозного взрывом были убиты министр внутренних дел ЧР, пострадали его водитель и еще несколько человек. Дудаев заявил, что это было покушение на его жизнь. Он уволил префекта района и попытался силами (Департамент государственной безопасности, ДГБ) руководимого Гелисхановым, арестовать его. Но сделать это не удалось, так как родственники префекта с оружием взяли под охрану своего человека. На другой день после взрыва органы ДГБ похитили (именно “похитили”, так как обычный арест был часто невозможен из-за коллективной защиты) главу администрации села Алхан-Кала (село расположено в 6 км от места взрыва) Р.Б. Эзерханова. По мнению Дудаева и его соратников, он знал о покушении (кто-то видел как Эзерханов за 15 мин до взрыва смотрел на часы!). Санкция на задержание была выдана в отношении начальника отдела МВД ЧР Ш. Вахидова, которого заподозрили в причастности к взрыву по той причине, что за неделю до случившегося он ушел в отпуск! Это только несколько фактов из многих подобных.

В ходе драматических событий “чеченской революции” Дудаев эпатирует и блефует, говорит, казалось бы, явные странности, но именно они вызывают позитивную реакцию чеченцев, поразительно веривших внешним версиям, а не собственному разумению. Он, например, сообщил журналисту, что ему предлагали более высокие посты в армии (Дейнекин якобы специально прилетал в Грозный), “но я предпочел заявить уважаемому мною Дейнекину, что высшая должность для меня – рядовой чеченец”¹⁶. Это была беспроявленная узурпация симпатий чеченцев, которые порой в прошлом часто были вынуждены стыдиться или скрывать свою этническую принадлежность. Дудаев возможно верил сам в то, что говорил в тот момент, но было бы наивным считать, что он действовал, сообразуясь с этим принципом. Юсуп Сосламбеков, например, приводит сведения, что Дудаев осенью 1991 г. просил у Завгаева должность начальника КГБ или МВД республики.

Нам не удалось уточнить эти сведения у самого Завгаева, однако известно, что, став президентом, Дудаев делал заявления на публику о своей готовности уступить свой пост другому “уважаемому гражданину, который угоден народу”. Он, в частности, называл А. Авторханова. Мало кто из наблюдателей верил в подобные заявления, но они создавали дополнительную ауру лидера, который может покинуть свой народ, если тот откажет ему в поддержке. Одно

время Дудаев призывал в свои авторитеты очень влиятельного и известного духовного деятеля Абдул-Баки, члена и сопредседателя многих официальных исламских организаций. Хотя Абдул-Баки, как и Авторханов, был этническим чеченцем, он не имел какого-либо отношения к событиям в Чечне.

В 1993 г. Абдул-Баки был приглашен посетить Чечню и после нескольких дней пребывания в республике выступил по местному телевидению с критикой положения в Чечне, в том числе и правящего режима, не исключая и президента. Он выразился примерно так: “Государство, в котором хотя бы один ребенок или взрослый – голоден, а правители – сыты, не может претендовать называться исламским. Тем более, если в этой стране ислам и чеченские адаты используются не на созидание, а на разрушение общества, закона и порядка. Это опасно и губительно прежде всего для самого чеченского народа.” Через день Дудаев объявил Абдул-Баки “шпионом российских спецслужб”, “вице-президентом мафиозных организаций мира”, “вероотступником” и т.п. Его лишили присвоенного месяц назад звания “почетного гражданина Чеченской республики”. После этого даже упоминать имя Абдул-Баки в Чечне стало небезопасно.

Широкую известность получила фраза еще одного уважаемого человека в республике, бывшего муфтия Чечни Мухамедбашира-хаджи. На вопрос, о причине ухода из муфтията он ответил: “Говорить правду – боюсь Дудаева, а говорить неправду – боюсь Аллаха”. Он также был зачислен Дудаевым в число предателей и вероотступников.

Как и большинство постсоветских политиков и общественных активистов, Дудаев был этнонационалистом по своим убеждениям. Для него не существовало понятия “народ” в гражданском смысле как “народ Чечни”, хотя кто-то, видимо, ему подсказывал азы государственного строительства, которые причудливо сочетались с постулатами советского этнонационализма. Заимствовать все это было можно из текстов российских, прибалтийских, украинских и других этнорадикалов. Скоро у него появились иностранные советники-авантюристы, и разные самозваные борцы за свободу меньшинств и угнетенных народов за пределами собственных государств.

В своем памфлете “Мы победим, потому что мы правы” Дудаев писал:

“Мы являемся уже субъектом международного права и уже полноправно входим в Организацию Непредставленных Народов (ОНН), и, мы убеждены, эта международная организация будет самым действенным механизмом на мировой арене. И по нашей просьбе ее эксперты готовы прибыть и сделать свои оценки и выводы. Мы сегодня уже можем назвать себя гражданами своей республики. Трудно и оскорбительно было выговаривать названия: русскоязычное население, этнос, диаспора и др. Мы должны называть себя гражданами...”

Но далее следовало:

“Как нам строить свою государственность? Естественно, при всем том, что есть международно выработанные законы, без учета национальных интересов никогда нам не прийти к настоящей демократии. Никогда нам не сделаться едиными, и никогда человек и гражданин не будет защищен. Пусть это не оскорбляет и не обижает другие народы, которые живут на нашей территории(!), и, больше того, пусть их это не беспокоит”¹⁷.

Таким образом, все-таки “национальные интересы” являются не интересами Чечни как государства, а интересами чеченского народа (или этноса); остальные – это “другие” и живут они на чужой территории. Зато, Дудаев полагал:

“Более надежно, чем у нас в республике, русские нигде не защищены. В генах нашего народа отсутствуют насилие, неприязнь к людям другой национальности. Это подтверждается всей нашей историей. А сейчас идет даже сближение чеченцев и русских на территории республики, что связано с общей судьбой. Русские записываются в республиканскую гвардию, по инициативе женщин, в том числе и русских, создан женский батальон”¹⁸.

“Генное ненасилие” не мешало Дудаеву заявлять:

“У чеченцев испокон веков готовились к защите родины и учились владеть оружием с 7 лет. Ношение оружия отнято у нас в 1921 году. Мы восстанавливаем это право. Никто из национальной гвардии не воспользуется им легковесно, безответственно. Но отнять оружие сегодня – это значит оскорбить, вызвать конфронтацию”¹⁹.

Мы уже писали о том, как Джохар Дудаев обращался с письменными посланиями к президенту Борису Ельцину. В его посланиях отразились противоречивая натура человека, жаждавшего признания его власти, и чрезвычайная сложность ситуации, в которой он и республика оказались в результате “чеченской революции”. Новые материалы только подтверждают мой прежний вывод о том, что в личном плане он был готов пойти на мирное соглашение с российским президентом, но только с ним, т.е. “на равных”. Трагедией было то, что Ельцин оказался в политическом и эмоционально-психологическом смыслах такой же неподготовленной личностью и со столь же плохой обеспеченностью экспертизой в области управления страной и разрешения в ней сложных конфликтов.

ЛИДЕР КАК НАРОДНАЯ ВЕРСИЯ

Дудаев нашел крайне упрощенные, взывающие к эмоциям политические темы (*свобода, родина, сопротивление*), которые стали безотказными средствами мобилизации. Что нас действительно интересует в феномене харизмы, так это прежде всего то, что харизматическая культура дает подкупающе простое, но емкое объяснение всех существующих и возможных проблем.

Молодые чеченцы с портретом Джохара Дудаева (Фото В. Шеколдина)

“Дудаев для меня был хорош тем, что он, когда в ящик (речь идет о телевизоре. – В.Т.) скажет два слова, сразу ясно, что надо делать. А у других мало что поймешь. Если он вернется, тогда весь Кавказ будет его” (Ахьяд).

Темы борьбы и победы, вражды и отмщения, восстановления “исторической справедливости” как некоей абсолютной нормы действуют эффективно даже в так называемых зрелых обществах, или в рациональной культуре и политической традиции. Призывы к свободе (как мы увидим ниже, многие понимали это по-разному) не могли не вызвать энтузиазм в чеченском обществе, взрыв воинственности среди части населения и его готовность следовать за вождем. Хотя мотивы рядовых комбатантов были гораздо проще:

«Когда пришел Дудаев, я был учащимся хъужара (медресе). Наш учитель сказал нам, что Дудаев ниспослан нам с неба. И ему настоящее имя Джовхар (по-чеченски жемчуг). Еще он говорил, что явление Джовхара было предсказано в старинных преданиях. Тогда проходило много митингов, и все кричали: “Аллаху акбар”. Потом хором в один голос кричали “Джовхар! Джовхар!” ... Нашего учителя, муллу из хъужара, можно было видеть на митингах. Когда я спросил, кто наши враги, он ответил, что это гяуры. Еще он сказал на митинге, что ему приснилось, как Дудаев спускался с небес на крыльях. “С таким вождем мы непобедимы!” – сказал мулла. Все чаще говорили о войне. Мне тоже хотелось воевать» (Гелисханов).

Последний момент, касающийся желания воевать был однако не столь однозначным. В следующей главе будет показано, что чеченские боевики отличались слабой готовностью идти за главным вождем и скорее больше верили военным командирам. Один из полковых командиров сказал мне во время войны: “Сложу оружие, если только скажет Масхадов: остальные для меня, в том числе и Дудаев, – это никто!” Однако это замечание не отменяет общей готовности принять харизматического лидера. Слишком много было незанятых и дезориентированных молодых мужчин и женщин. Слишком живой была память о 13 годах унижения среди среднего и старшего поколений. В Чечне в тот момент 200 тыс. людей не имели работы, а в некоторых селах безработных было 80–90%. Примерно треть жителей республики помнила выселение и жизнь в депортации. Российская журналистка Ирина Дементьева описывает свое впечатление о Грозном осенью 1991 г. в следующем романтико-героическом стиле*:

“На фронте здания Совмина в Грозном цитата из Корана: “Сейте мир между вами. Моххамед”. А чуть ниже: “Маршо е ожал!” – “Свобода или смерть!” Одно – перевод с арабского, другое – с испанского. Древняя мудрость и юное нетерпение. И на митинге – впереди на стульях сидят степенные старики в папахах, а за ними бритоголовая молодежь с горящими глазами и дедовскими ружьями на ремнях”²⁰.

На самом деле эта картинка должна читаться гораздо сложнее: именно старшее поколение, включая ученого-эмигранта Абдурахмана Авторханова и местных “стариков”, а также активисты из людей среднего возраста сформулировали наиболее нетерпеливую и нереализуемую повестку вооруженной борьбы за свободу, но воевать пришлось уже всем, начиная от юнцов. Не дедовские ружья были в Чечне, а приличный арсенал Советской Армии.

И. Дементьева сообщает интересную для нашего анализа деталь: «Две молодые женщины в автобусе, судя по платочкам на головах, чеченки: “Ты видела, вчера по телевизору генерал Дудаев выступал. Южноамериканские усики, зачем-то надел темные очки, ну Пиночет Пиночетом!”» Материалы наших бесед также фиксируют удивительные образцы народного восприятия чеченских лидеров, в том числе Джохара Дудаева. Эти восприятия не апологетичны и не схоластичны, как общепринятые версии. Они более разнообразны, мифологичны и точны одновременно. Некоторые из них уже преломились через последующие события и личный опыт, но от этого они не менее интересны и важны.

С самого начала появления генерала в Чечено-Ингушетии отношение к нему в республике было достаточно сложным, но все же

---

* Один из моих чеченских рецензентов (Вахит Акаев), заметил по поводу заметки И. Дементьевой: “Такое впечатление, что она с Луны свалилась. Я там был все дни и ничего подобного ни в глазах, ни в руках чеченцев не видел”.

преобладала симпатия, связанная с личной харизмой и ожиданием благодатных свершений. Однако многие мои информаторы не хотели поддерживать эту версию. Даже те, кто воевал вместе с Дудаевым с первого дня, был в его гвардии и дослужился до генерала. Среди ниже цитируемых таких двое из четверых.

“Спрашиваешь, как к Дудаеву пришел? Скажу откровенно. Меня от него с самого начала воротило. У нас в армии сержант один был с такими же усиками, но рыжий. Смешиливый до упаду. Слушаешь его, бывало, понимаешь, что все врет, а все равно смешно. Солдат смеется, а служба идет, и то хорошо. Вроде бы и клоун, а полезное солдатам делал. А Дудаев – тот же клоун. Только наутлый. Пытается строить из себя важную персону. А я, бывало, присмотрюсь и вижу: точно тот клоун. Только не смех от него, а беда народу. Я это всегда знал. Как увидел его в первый раз, так и понял: много беды принесет этот клоун. Он никогда не был самим собой, но всегда представлял другого человека. И вот, хоть тресни, до сих пор не могу понять, почему я один видел, что это чужой человек, не настоящий, не чеченец. Он и в Чечне-то не жил. А все равно смог обмануть людей. Не для моего ума задача” (Таус А.).

«Когда началась война, мне не было пятнадцати. Перешел в 9-й класс 36-ой школы. Учился неплохо. У нас и директор был хороший, и учителя. Я думал, вот кончу школу, поступлю в институт. Но потом пришел Дудаев, и все у меня сломалось. Я про того Дудаева в жизни не слышал. Я все удивлялся, как это вдруг все заговорили о Дудаеве. По телевизору смотрю – весь он нервный какой-то, что твой фюрер. Глаза почему-то бегали. Вроде смотрит на тебя, а вместе с тем глаза в разные стороны бегают. Мы как раз тогда Достоевского проходили. Нам про бесов рассказывали. Я долго не мог понять, что это такое. Учителя спросил. Был он русский, все говорили, что очень умный, пожилой такой. Будто бы в себя весь ушел; а заговорит, бывало, точно добротой тебя обдает. У нас многие его не понимали, но уважали. Так вот, я и спросил его, кто такие бесы. У мусульман говорят “шайтан”, чем он отличается от беса? Может, его тоже с рогами изображают, как черта? А Николай Дмитриевич посмотрел так серьезно, понял, должно быть, что я всерьез спрашиваю и говорит: “Ну, рожа да хвостик – это придает носителю зла мелковатый, капризный характер, вроде бы проказника шелудивого. А бес-то, он покрупнее, много бед натворит. Бесы не могут лицом к лицу общаться с человеком. Они, как оборотни, все время в движении, в кознях”. Потом оглянулся, желая убедиться, что никто не слышит, и добавляет: “Ты видел Дудаева по телевизору? Так это точный портрет беса. Точнее не бывает. Вроде бы и смотрит на тебя, говорит с тобой. А на самом деле искушает тебя; почует, что у тебя неосознанное, темное в уме и тотчас начинает либо хвалить, либо внушать, что ты очень умный и тебе море по колено. Вот так и бес. Он тебя искушает, вызывая на откровенность. Иной, может, и купиться на это и разоткровенничается. А потом после разговора обнаруживает вдруг, что откровенности с его стороны не было. Он просто обманул, выведая, что у тебя за душой и подтолкнув тебя туда, куда ему хотелось. Он в первую школу приходил на встречу с учителями. Я на-

блюдал его. Попомни, сынок, много горя принесет этот человек и чеченцам, и русским”. По правде говоря, я не все понял из разговора с Николаем Дмитриевичем. Может быть, поэтому, придя домой, я постарался поточнее записать слова учителя» (Али И.).

«Я помню, когда день инаугурации Дудаева был. Россия тогда не знала какое количество людей там было. Он принимал присягу в здании театра и потом от театра до Совмина он шел пешком со всем этим народом, который я даже не могу назвать толпой. Творилось что-то невообразимое. Я понимала что что-то происходит. Не могу сказать, что я стала ярым сторонником Дудаева, но что-то во мне тогда перевернулось. Он был такой красивый, в генеральском мундире таком нарядном. У меня было такое впечатление, что я первый раз видела такие красивые лица, и я такого потом больше никогда не видела. Я своей подруге сказала: “Ну, пойдём посмотрим, а то потом никогда себе не простим”. Она говорит: “Нет, я не хожу на такие мероприятия”» (Хеда А.).

«Спрашиваешь, как я отношусь к Дудаеву и к его затее? Да никак. Был Дудаев и кончился. Поначалу я думал: вот человек стал генералом. Заслужил, значит, честь народу прибавил. К тому же мне нравилось, как он одевался. Всегда выбритый, подтянут, как положено военному, хоть в гражданской, хоть в военной форме. Я сам военный, как-никак 10.5.5 лет прослужил. Призвали меня в Чечне, попал в Белоруссию, служил на совесть, в разведке. Потом в художественную самодеятельность попросился. Был замечен. В старшие лейтенанты произвели. Потом чин капитана получил. Потом даже к званию майора был представлен. Так что службу военную знаю. Может, даже до полковника бы дослужился. Мне сам маршал Гречко часы дарил. Видишь, с собой ношу. Да тут и сломался я. Закрутилась моя голова от артистической жизни. Сам я был парень интересный. Девушки проходу не давали, когда в ансамбле танцевал. Да тут и осечка. Написала одна на меня. И перебросили меня аж на Дальний Восток.

Ну да что я о себе. Ты вот про Дудаева спрашиваешь. Потом задумался я как-то. Все-таки первый генерал Советской Армии из чеченцев. Думаю, за какие такие заслуги. “Ковровые” бомбежки разрабатывал? Так не только он один. Стало быть, еще какая-то была заслуга, раз доверили дивизию стратегических бомбардировщиков. Туда, брат, и самого удалого служаку за просто так не пустят. Вот тут закавыка получается. Думаю, не только военные заслуги, но еще и другие Дудев имел. Тут как раз и встретился мне начальник спецчасти той самой дивизии, в которой я служил под Минском. Оказывается, перед самой бучей приезжал в Грозный инспектировать гарнизон. Имени его называть не буду. Хороший он человек. Не хочу, чтобы он неприятности имел. Вот он-то про все мне и рассказал. Что у генерала-то мозги отморожены были от стратосферного давления в Афганистане. Потому как несколько раз сбивали на большой высоте. И готовили его к дембелю. Потому как в башке у него еще и другая болезнь обнаружилась. Да вдруг вместо дембеля подпрыгнул в генералы. В армии, особенно на генеральской дорожке, таких прыжков не бывает. Стало быть, имел какие-то особые заслуги тот Дудаев, коль его, “списанного”, сразу в генералы произвели. Тут-то и надоумил меня старый дружок по армии, что Дудаев давно работал на спецорганы.

А иначе не видать бы ему генеральских погон, как и любому другому чеченцу-службе в те годы*.

Вот с той поры вкралось у меня подозрение. Все никак не мог в толк взять, на кого он работал после 91-го года, когда КГБ разрушили. Да, видно, прав был дружок мой, что спецслужбы так же вечны, как и само человечество. И вот, веришь – нет, я всегда понимал, что идет какая-то грязная игра с судьбой народа, что опасность какая-то надвигается. А сказать о том некому. Кругом одни охلامоны, народ необразованный. Им сказки рассказывают, что тот Дудаев с неба спустился, будто он на белом коне в небесах летал. А чернота и развесила уши. Бывало, пробовал я разъяснить: так-то, мол, и так, не будет нам добра от этого генерала, его специально к нам заслали, чтобы народ погубить. Так меня на одном митинге побить хотели всей толпой. Едва ноги унес. Оппозиционером прозвали» (Кюра)**.

Итак, образ Дудаева, каким его видят чеченцы, несет в себе несколько мифологических версий:

а) заговорческую – был куплен и заслан КГБ или еще кем-то, чтобы втравить чеченцев в беду или чтобы добывать для себя и своих патронов богатство;

б) дьявольскую – бес или шайтан в его душе, а сам он прикидывается человеком и всех дурит своими словами и действиями;

в) убожескую – отмороженные в стратосфере мозги во время катапультирования сделали его неадекватным, своего рода сумасшедшим, но этого никто не видит, а кто видит – не может в этом признаться.

Все эти версии из разряда сказочных, но жизненно очень реальных, как любая сказка и миф. Кто и когда их сочинил – установить невозможно, но они часто встречаются в разговорах с чеченцами и с ингушами. Народный скептицизм и настороженность к новому “лидеру нации” были обусловлены многими факторами, причем не только по поводу того, о чем говорил Дудаев. Здесь как раз все было в порядке: чеченская политическая повестка была прочно втиснута в клетку “национальной независимости” и иных вариантов не признавала. Зато были другие причины для сомнений. Один из чеченцев, людей простых, боязливых и скромных, сказал мне еще в 1992 г. фразу с вопросом: “Ну, скажите, зачем надо было менять Завгаева? Он же уже все заимел, он – сытый вместе со своими родственниками. А новый придет, ведь его и его ораву надо заново кормить. Это же какие расходы для народа!”

---

* Вахит Акаев по поводу данной версии заметил: “Не только он, но и его отец, тетья и другие родственники работали на ОГПУ–НКВД–КГБ”.

** Кросс-рецензент “вычислил” информатора и дал ему следующую оценку: «Этот охلامон был на крючке у Дудаева, так как у него оказались агентурные дела, оставленные КГБ ЧИР. Поэтому он и заявил, что видел, как Дудаев с неба спускался. Дудаева скорее “спустили” к нам демократы, с которыми он был связан» (Вахит Акаев).

ВОЙНА КАК ИГРА ЛИДЕРА

Распространенным является мнение, что звездный час Дудаева настал, когда отношения между Чечней и федеральными властями перешли в стадию военной конфронтации и начались насилие и жертвы. Генерал знал только военное ремесло, считая его основной профессией, и, как многие свидетельствуют, мечтал воевать. Был весьма умерен в быту. Постоянно находясь в собственном мире страхов перед агрессией и заговорами, он жил в крайне эмоциональном напряжении, в чем признавался сам. Ниже приводится отрывок из интервью Гагика Карапетяна в начале марта 1992 г., когда Дудаев уже был президентом. Его дом находился на “полутемной безлюдной одноэтажной улочке на окраине Грозного. При нем тогда была охрана в фирменных плащах и с короткоствольными автоматами местного производства”.

Д.: Дома бываю крайне редко. Сейчас у меня выработался, на первый взгляд, странный режим дня: до 5–6 часов утра заснуть никак не могу – прокручиваю в голове варианты того или иного решения.

Г.К.: “Какие проблемы сегодня не дают заснуть?”

Д.: “Их много. Самая главная – противостояние агрессии и провокации со стороны российского руководства. Надо быть бдительным ежедневно, ежечасно. Они пока никак не поймут сути демократии. .. В Останкино под чью-то диктовку трудится целая бригада по возвращению(?) моего образа, имиджа”²¹.

Дудаев смотрел на политику и на управление республикой в какой-то мере как на пионерскую военизированную игру советских времен “зарница”. Как выяснилось позже, с одной лишь разницей – он хотел и готов был переступить грань игры, даже жертвуя своей и чужими жизнями с поразительной легкостью. В речах постоянно присутствовала тема беспримерной отваги чеченцев, их боевого превосходства, исключительного морального духа и других высших достоинств. Будучи чужаком, он хвалил соплеменников, внушая им чувства гордости за то, что они чеченцы, и освобождая их от критической саморефлексии, что имело огромное значение в ситуации, когда изживался комплекс народа-изгоя и осуществлялась ментальная мобилизация на радикальные действия. Эти два момента присутствуют у Дудаева как бы в едином угрожающем смысле, о чем свидетельствует приведенные ниже его слова*:

«...злить чеченцев я бы не советовал – это крайне опасно. Наши соотечественники рассосались по всему миру, не находя себе места в прежней империи, будучи в ней признанными “криминалами”. В этом долгом противо-

---

* Замечание кросс-рецензента: “Мы смеялись над этими словами и называли его сумасшедшим” (Вахит Акаев). Но все же это замечание одного из наиболее просвещенных чеченцев, а какова была реакция других? Очень возможно, что веривших в этот блеф было достаточно.

стоянии мы приобрели такую силу, что в любом конце земного шара, в любое время мои соотечественники могут сотворить большую беду»²⁹.

Сотворить беду в злости и отчаянии – смысл и простота задачи лидера и следующего за ним “его народа”. Обращение к насильственной форме для достижения сугубо идеологической цели часто представляется как последнее средство после исчерпания всех остальных, но это не так. Сила оружия гораздо чаще оказывается привлекательнее, чем усилия по осуществлению мирных, а тем более компромиссных политических стратегий. Чеченский лидер был одержим войной и обожал оружие:

“Примерно месяц назад поднял в воздух вертолет. Теперь собираюсь сесть на истребитель. Мы создали собственную авиаэскадрилью. Правда, вооружение на самолетах слабое, а в рапортах первые чеченские летчики просят помочь им освоить таран. И это – не шутки с их стороны”²³.

Дудаев был поразительно самоуверен (как и часть его ближайшего окружения) в том, что успехи “чеченской революции” очевидны во всех сферах, не только в политике, но и в экономике:

“Недавно в Грозном побывала группа эстонских друзей, подготовивших экспертную оценку проделанной нами работы. Доктора экономических наук прямо заявили: поражены тем, что мы сделали за минувшее время. Мол, Эстония решала бы все эти проблемы года три с половиной”²⁴.

Аналогичное, хотя и более профессиональное, а значит и более оправдательное заключение первым успехам Грозного дает и Теймаз Абубакаров, занимавшийся промышленностью и финансами в правительстве Дудаева²⁵.

Внешняя похвала исходила от разных людей и институтов, как, например, от давнего работника Корпорации РЭНД и специалиста по Кавказу Пола Хенце, который возглавлял миссию миротворческой организации “Международная тревога” в Чечню. Последний (вместе с двумя более молодыми авторами) под эгидой этой организации написал отчет о “поразительных успехах чеченской революции”. Но даже в этом симпатизирующем тексте содержалась критика Дудаева:

«1. Дудаев сделал мало для консолидации чеченской государственности и был очень медлителен в осуществлении экономической реформы. Его военное прошлое не позволило ему разработать ясную концепцию политического руководства и понять сложности создания демократического управления.

2. Он собрал вокруг себя небольшую клику последователей и управляет авторитарным и скрытым способом.

3. Отношение Дудаева к любым формам оппозиции и критики выражается в раздувании страхов о российской интервенции, что препятствует всяким усилиям наладить рациональные переговоры с Россией. Таким образом он играет на руку консервативным силам и военным в России, которые выступают за “решение” всех кавказских проблем силой»²⁶.

Дудаев тяготился хозяйственными делами и рутинным правлением. Ему был интересен внешний мир и он сам себе – как один из лидеров независимых государств мира. Прислушайтесь к его словам:

“Но есть и серьезные упущения: увлекаясь внутренними проблемами, куда нас загоняют искусственно, я чуть не упустил несколько моментов во внешних проблемах, грозящих Чечне серьезной опасностью”²⁷.

Одержимость внешней опасностью была и остается постоянной темой для Дудаева и для других чеченских лидеров, на чем основывается их стремление к войне. Однако это не означает, что у Джохара Дудаева был план войны. Имелся некий низкий ментальный порог между миром и насилием и готовность пребывать в обоих состояниях. Такое же настроение было и у части мужского населения. Возможно, это еще одна из составляющих феномена конфликтной модернизации. Изложенная ниже история является потрясающим свидетельством, в котором быль и вымысел сплетены воедино.

«Я не воевал, но прошел закоулками войны и в Грозном, и в селе от начала до конца. Накануне войны пригласили меня работать в мэрию. И хотя должность у меня была небольшая, неоднократно встречался с Дудаевым и его приспешниками. И заявляю со всей решимостью – Дудаев войны хотел, он ее жаждал, он ее лелеял. В сентябре–октябре 94-го года в Грозный приезжало несколько миротворческих миссий из различных регионов СНГ. Я присутствовал на всех встречах. Я свидетельствую: при совместной встрече миссии из Казахстана и духовенства с генералом Дудаевым он был совершенно готов принять условия Москвы и предотвратить войну. Духовенство республики тогда возглавлял Алсабеков, незадолго до того прибывший из Алма-Аты. Однако Дудаев вышел из кабинета, куда-то позвонил (мне об этом сказала секретарша: когда Дудаев задерживался с возвращением в кабинет, мы недоуменно переглядывались, и я вынужден был спросить секретаршу в приемной).

Когда Дудаев вернулся, в его лице не оставалось ничего человеческого, ни тени сожаления, что вынужден полностью развернуться и принять решение, влекущее войну. Он отказывался от почти принятого решения в пользу мира с нескрываемым удовольствием; это был картежник, проигравший огромную сумму и поначалу как будто расстроившийся, и которому вслед за тем стало известно, что он только что получил большое наследство. Он потирал руки, в его бараньих, несколько бессмысленных от поволоки, явно неодинаковых по размеру глазах появилось что-то вроде блеска, на щеках, как мне показалось, появился румянец.

Таким я видел его еще однажды, уже в разгар войны, правда, на кассете, когда ему доложили о начале рукопашных схваток под Бамутом. Качество съемки было отличным, и совершенно ясно различалось то же сатанинское выражение в глазах. Дудаев вскочил из-за стола, начал хрустеть пальцами рук. Чеченские подростки уже бросались к тому времени под федеральные танки, как и обещал Дудаев еще до начала войны. Но этого, видно, ему было мало. Ему нужно было ощуцать треск черепов, разбиваемых ударами прикладов, хрипение перерезанного горла. Все безумное зверство и клациание волчьих зубов на горле коровы, которую он не сожрет, но зарежет с наслаждением.

Я знаю, как оберегал Дудаев своих детей, домашние учителя их рассказывали мне, что боятся бывать в их доме, но еще больше боятся расправы. Я знал, как ловко переправил он сына за границу, распустив слух, что он убит. Но то были его кровные интересы. В таких случаях он бывал предельно циничен и нагл. Помню, как участнице делегации учителей, заявившей, что образование в республике летит в тартарары, в то время как он держит домашних учителей для своих детей, он ответил лаконично и нагло: “На то они и дети президента”. Словом, Дудаев был готов проливать море народной крови. Прорываться к вершине власти и богатств, слыша под сапогами хруст человеческих костей... Мне рассказывали, что перед внезапным производством в генералы он уже 4 месяца был в отставке в чине полковника.

Однако все это можно пережить. Настоящему мусульманину известно, что и за единую ниточку, присвоенную несправедливо, он будет испрошен. Все дело в том, что все эти люди или кровь народа пили, и продавали ее же. Нефть по-чеченски “мехка дятта” в буквальном переводе на русский означает “масло отечества, родной земли”. Другими словами, это божья благодать, достояние всего народа. Так вот, Дудаева разыскали сначала в отставке, куда он вышел, будучи полковником, вышел даже досрочно за “отмороженные” мозги, а точнее, за его подлый, циничный нрав, за его готовность продать за копейку родного отца и мать. Потом его в срочном порядке произвели в генералы. Потом его готовили закордонные инструкторы. В моем присутствии Мамадаев говорил, которого, кстати, в народе называли диким кабаном – и взаправду, лоб у него был точно как у кабана.

Сначала Дудаеву заплатили за то, что он сломал советскую власть в республике. Потом он рассчитывался с теми, кто давал ему деньги за это, посадив, например, Мамадаева главным управителем. Потом к нефти потянулись Хаджиев и Гантемиров – людей последнего попросту расстреляли. Хаджиев же не хотел довольствоваться только долей нефти, к тому же он не доверял “милому дружку” – Дудаеву, счел за благо “слинять”, спасая свою шкуру, а уж потом потекли дудаевские миллионы на его счета за границей.... То он врал, что собирается закупить бланки паспортов для независимой Чечни, закупая оружие, и при том львиная доля шла на его личные счета. Потом он сделал республику перевалочной базой для наркотиков, а деньги все текли и текли на обогащение его ненасытной утробы, как и на насыщение тех московских жуликов, которые помогли сбывать чеченскую нефть. Затем стали отстреливать тех, кто слишком много знал об этом, в т.ч. и одного из министров внутренних дел.

Он катапультировался и имел все признаки отморожения мозга. А тут ему вдруг присваивают генеральское звание, дают огромные склады вооружения и обмундирования. Вы думаете, что все это случайно? Это, как говаривал Гамлет, такие случайности, из которых складывается самая настоящая закономерность» (Алик, учитель).

Чеченцы вынесли Дудаеву разные оценки, жесткие и оправдательные. Они связали с этим человеком, а не только с Россией и Ельциным, свои военные беды и утраты. Среди чеченцев имеются и такие, которые сохраняют почитание покойного лидера. В любом

случае переименование столицы республики из Грозного в Джохар-кала – это не волеизъявление народа, но на версию национального героя со временем могло работать. В то же время, по нашим сведениям, переименование Грозного, а также села Гехин-чу в Дудаево не стало успешным проектом и едва ли состоится вообще.

Приведем несколько оценок Дудаева из наших историй:

“Я тебе вот что скажу, девочка, мне этот Дудаев нужен не больше, чем прошлогодний снег. Теперь вот все врут по телевизору, что Дудаев – герой и добра для народа хотел. Ты вон посмотри-ка в окно, что от города осталось – одна пыль да пыль. А какое добро народу принес Дудаев? Тут и далеко ходить не надо. Нет такого села, где бы на кладбище ни было десятков шестов, а попросту жестяных труб с финтифлюшками наверху, тянущихся выше всех могильных камней-памятников. Это памятники газиям. Вон сколько народу полегло. А, спрашивается, за что? И это добро от Дудаева. Отродясь не было такого супостата у чеченцев, чтобы свой же народ извести. Теперь вот посмотри – голь и нищета вокруг. Они по телевизору все брежут, будто свободу они получили. А какая же такая свобода может быть, если народ с голоду пухнет. Такой свободы не бывает, ежели полная нищета, детки не учатся. Учителя и врачи разбежались или вот стоят со мной на базаре, чтоб с голоду не сдохнуть” (Зура).

«Вообще, я думаю, что вины Дудаева во всем этом нет. Он человек военный. Он не разбирался в хитростях политиков и своего личного окружения. Он человек честный, хороший, но не государственный деятель. Ему надо было взять на службу умных, толковых людей. И заставить их работать. Он бы только приказывал, что делать, а они выполняли бы его приказы. А получается наоборот. Его окружение заставило выполнять свою волю. И получилось кругом воровство. Украли все: и нефть, и музеи, и все, что было на складах запасов. А Дудаев, как человек военный и прямой сказал, когда в совхозах украли весь урожай 1991 года: “Молодцы! Надо, чтобы государство не жирело за счет народа, а чтобы все народу досталось”. Вот и договорился, что теперь и государство, и народ нищие. Что взять с него, он же военный. В другой раз он еще так говорил: “Кто смел – пусть ворует (хапает), а кто трус – пусть в тряпку сопит”. Вообще Дудаева сделало окружение. Они дали ему много денег, когда он боролся за власть. Потом эти же люди разворовали все государство. Их имена известны. Я думаю, они – главные виновники, что в республике наступила нищета. Дудаев хотел блага для народа, а его окружение все разворовало.

Теперь вот другой президент – Масхадов. А получается то же самое. Он назначает на важные должности преданных ему людей, по принципу: воевал или не воевал. А хорошие специалисты, образованные люди никому не нужны. А разве с неучами и жуликами построишь государство? Вот она какая закавыка выходит. Не знаю, что будет, что нас ждет. Но, думаю, государство у нас будет» (Висит М.).

“Мое отношение к Дудаеву неоднозначно, признаю в нем сильную личность. Чтобы утвердить себя в мире, можно было найти много вариантов или принести в жертву свой народ и уничтожить его. Государство

не может существовать без народа, город можно восстановить, но нельзя вернуть людей. Это самое страшное. Я не вижу мудрости в безумстве храбрых” (Элина С.).

“Многие думают, если бы у власти был Джохар, все было бы по-другому. Он стал мифологическим героем. В Грозном висит лозунг “Джохар, вернись эти козлы борзуют”. Я его не воспринимала всерьез, думала что он в сговоре с Россией, но потом вошел в роль. Он все время говорил о войне. Я согласна, что избежать ее было невозможно. Если не Дудаев, пришел бы другой. Но кто бы ни пришел, никто не думает о народе. Власть ничего не делает. Масхадов занят дворцовыми интригами, ему некогда думать о народе. Никто не сможет поднять республику из этих руин. Должен быть человек извне. Ведь не зря чеченцы призывали раньше дагестанских или кабардинских князей. Чужого всегда без проблем можно поблагодарить и отправить домой. Со своими сложнее” (Наташа А.).

“К самому Дудаеву я отношусь отрицательно, хотя признаю, что личность неоднозначная. Знаю эту семью 20 лет. Здесь много личного. Мне известно его отношение к чеченским традициям, культуре. Он не придерживался их последние 20 лет, ни один из его детей не владел чеченским языком, да и сам он владел им плохо. В республику Дудаев приезжал раз в пять лет, не приехал даже на похороны матери в 1970 году, в то время как мой отец простоял на этих похоронах три дня. Его собственная семья была им недовольна за брак с иноверкой” (Рамзан Д.)*.

“Мне кажется, что избежать этой войны было невозможно. И дело не в конкретных фигурах. К Дудаеву я отношусь как к национальному герою. Просто не все еще поняли его роль. Это придет со временем” (Хава И.).

“Скверное это дело, война. А с другой стороны – это революция. Без грязи она не бывает. Мы же создаем первое государство. Вроде бы большое это дело. И с этим народом, может быть, и не построишь. Командиры относятся друг к другу как волки. В любой момент готовы сгрызть друг друга. Яндарбиев против Масхадова, Басаев вообще готов его съесть. Илаев сам по себе. А Масхадов – человек военный, он не политик и не организатор. Вот уже скоро год в президентах ходит. А что изменилось?! Несколько бедных истосковавшихся по зарплате женщин метут один и тот же мусор с одной стороны тротуара на другую и наоборот. Вот и все возрождение. Масхадов не умеет подбирать кадры. Сначала протрубил, что надо обустроить всех боевиков (по его словам, их было всего несколько сотен). А теперь число грязнобородых перевалило за 70 тысяч. Попробуй, прокорми столько дармоедов. Халимов подбирает свои кадры. У Басаева и Радуева свои дружины. И получается – в одной берлоге не два, а десяток медведей. Какое же это государство?! Это разбойничья вольница” (Висит М.).

---

* Добавление кросс-рецензента: “Дудаев поссорился со своим старшим братом из-за отцовского дома. В ссоре он ударил брата ножом. Ему пришлось покинуть своих родственников, и он уехал из Чечни вообще и долго не возвращался. Стал военным, женился на Алле. Когда умерла мать, даже не явился на ее похороны” (Вахит Акаев).

«Я получал специальные задания Дудаева, но в основном занимался доставкой оружия и провианта. Не единожды доводилось мне ночевать с Джохаром. Он был со мной искренним. Мы много говорили о послевоенном будущем. Джохар считал, что нефть в Чечне еще не полностью разведана. Что земля таит несметные богатства. Кувейт ни в какое сравнение не идет с Чечней. Там нет воды и леса. Мы же будем продавать свою родниковую воду и пить верблюжье молоко. В Аравии много верблюдов, и их можно акклиматизировать у нас в Чечне. Чеченские интеллектуалы будут готовиться по всему миру и постепенно оттеснят евреев. Евреи способная нация, но чеченцы возьмут смелостью. Мы станем главной интеллектуальной силой в мире. Я сам верил Джохару. Мы с ним долго об этом говорили. Джохар хотел счастья чеченскому народу. Он был настоящим патриотом. Он был очень смелым человеком. Он не ведал, что такое страх. И лично рисковал жизнью под бомбежками и обстрелами. Я между прочим задавал ему вопрос: “А был ли хоть один случай, когда снаряды и бомбы попадали рядом, и вас могли убить? Или кого-нибудь убило непосредственно вблизи вас?”. Нет, не такой парень был Джохар! Он нюхом чувствовал, когда начнется артобстрел и бомбометание. И каждый раз мы уходили буквально за полчаса до начала заварушки.

Теперь до меня доходят разговоры, что Дудаев был послан с заданием. Я вот думаю, если это даже и так, то в ходе нашей борьбы, нашего сопротивления Джохар отошел от того задания. Может, между ними, Дудаевым и Ельциным, что-то и было. Но Джохар молодец! Он обманул Ельцина. Мне тут один говорил, что они поссорились из-за нефти. Будто в России с Дудаева большой процент ломили. Я думаю не это главное. Главное – это то, что Джохар независимость завоевал. В политике не обманешь – не выпьешь шампанского. Джохар все-таки молодец!» (Ахъяд Х.).

Автору последней цитаты 47-лет. Он активный участник войны. Он из горных чеченцев и вначале был фанатичным последователем Дудаева. После войны под влиянием повсеместных разговоров о том, что генерал Дудаев был заслан в Чечню со специальным заданием, вынужден был постепенно отказаться от дудаевского фанатизма. К тому же по роду послевоенной работы его обязали одеваться в гражданское платье и галстук. Он отнюдь не желает становиться интеллигентом, однако чувствует, что сомнения одолевают и его. И все же Ахъяд Х. считает Дудаева провидцем, говорит, что в ходе войны Дудаев часто говорил ему, что война закончится победой чеченцев. Это – дело predetermined. Его, однако, заботит другое: что будет делать молодежь после войны. “Боевики ничего не умеют делать, кроме как воевать. У американцев после войны во Вьетнаме возникли те же проблемы”. Правда, Ахъяд говорит, что Дудаев не высказывал мнения о том, как решить эти проблемы.

ПОСЛЕВОЕННАЯ АПОЛОГЕТИКА

Как я уже отмечал, среди внутренних и внешних обозревателей уже прочно утвердился упрощенный миф о Джохаре, и этот миф остается на активной идеологической службе и после его гибели. Более того, гибель героя и военная победа сократили возможности критического анализа Дудаева. Эти два обстоятельства оказали воздействие даже на наиболее глубоких аналитиков чеченской войны, которые сочиняли свои тексты уже в комфорте университетских офисов далеко от Чечни. Рукописный вариант главы о Дудаеве, который я прочитал еще в период, когда шла война, заметно отличался более критическим отношением к герою и к войне, чем это оказалось в опубликованной книге А. Ливена. Чаще апологетическое, чем критическое отношение к погибшему чеченскому генералу прослеживается в текстах российских авторов. Если же говорить о чеченских авторах и пропагандистах, то ситуация позволяла и требовала канонизации “создателя чеченского государства”, тем более что чеченский пантеон был и остается крайне скуден. Как это обычно бывает, одними из первых за создание образа “отца нации” и лидера-жертвы взялись поэтические воспеватели. Московский поэт-чеченец Муса Гешаев написал стихотворение “Великий чеченец”:

“Он временем выкован, веком рожден,
Вскормлен грудью горянки,
Впитав ее жар,
И врагами не побежден –
Великий чеченец – мечтатель Джохар.
Он легких путей не искал,
И вайнахам, простым от природы,
Он первым почувствовать дал
Горькую сладость Свободы!”

Подобных описаний и высказываний особенно много в самой Чечне на уровне пропаганды и газетной публицистики. Местная пресса полна апологетических цитат о своем главном национальном герое (имам Шамиль все-таки был дагестанец, сдавшийся русскому царю и принявший Россию). Власти и идеологи закрепляют образ героя в названии столичного города (Джохар-кала) и в других символах. С марта 1997 г. в Грозном начала выходить еженедельная общественно-политическая газета “Путь Джохара” (Dzoxaran Neq) с эпиграфом “Раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства!” Эту газету издает общенациональное политическое движение “Путь Джохара”. Редактор Раиса Дадаева и ряд ведущих журналисток газеты – это фанатично преданные Дудаеву и его курсу чеченские женщины, напоминающие известный в постсоветском пространстве феномен грузинских звиядисток (так называемые *черные колготки*, которые остаются активными до сих пор в Грузии).

Даже анализ одного из номеров газеты дает представление о мощнейшей апологетике и о структуре самого мифа. В редакционной статье “ДЖОХАР. Турпал ца ле! Турпал даим веха! “Пхъармат”» (с чеченского – Герой не умирает! Герой вечен! “Прометей”) говорится:

«Доведите дело до конца». Так прозвучал последний завет бессмертного сына Кавказа, проложившего победоносный путь многовековых чаяний народов, терпящих имперский гнет. Главная цитадель этой империи – крепость Грозный сгинет в небытие и займет должное имя твое – Джохар.

Именно ты бросил вызов империи зла, перед величием и мощью которой смирился весь мир – Джохар.

Ты, словно вершины Кавказа, символизируешь терпение и выдержку на тернистом пути к свободе – Джохар.

Ты стал девизом войны во имя мира, ибо только война могла принести мир – Джохар.

Ты назвал себя “жертвой” в истории и как нарт-орстхоевец Пхъармат, похитив огонь, отдал его людям – Джохар.

Ты следовал нахской поговорке “Камень остался, вода ушла”, и ты в сердцах людей навсегда остался – Джохар.

Ты появился словно ослепительный жовхар, дополнив плеяду звезд ислама в бездонном небе вселенной – Джохар.

Возвратись же с небес на белом сияющем скакуне с саблей турпала Али в руке – Джохар».

С самого начала формирования послевоенного мифа в нем присутствует элемент ожидания чуда и возвращения героя с небес на белом коне. Некоторые ждут “возвращения” с юмором, скрывая в нем нынешнее недовольство. В 1998 г. в Грозном на видном месте появилась надпись “Джохар вернись – козлы борзеют!”, явно направленная против современных правителей Чечни. Но в целом чудо возвращения служит политике продолжения борьбы, т.е. войне. Интересно, что в июле 1997 г. в Чечне прошли торжества по случаю 200-летия со дня рождения Имама Шамиля. Публичное мероприятие состоялось в горном селении Ведено, где когда-то находился Шамиль со своим войском. В репортаже об этом событии заключительные слова журналистки Г. Эсенбаевой* говорит так:

«Словно напоминая о том, что в Ичкерии до войны была своя авиация и она должна обязательно быть над собравшимися, то и дело, опускаясь вниз и приветливо помахивая рукой, кружил на дельтоплане молодой чеченец. Люди поднимали взоры на этого смельчака и радостно улыбались. То и дело слышался вопрос из толпы “Не Джохар ли это?” Что бы ни говорили, как бы ни убеждали нас некоторые наши руководители в его гибели, народ все равно не верит. Он ждет его и будет ждать всегда!»²⁸

---

* Комментарий кросс-резидента по поводу Эсенбаевой: “Слепая фанатка, которая, имея ноль дивидендов от происходящего, вдирилась в авантюру, наплевала на семью, соседей, родных и друзей” (Рустам Калиев).

Правящий вооруженный режим Чечни эксплуатировал миф Дудаева при каждом случае, в том числе и для пропаганды среди подрастающих военной доблести. 2 августа 1997 г. в Грозном состоялся учредительный съезд военно-патриотического союза “Маршонан биаьхой”, на котором присутствовал “почетный гость – 14-летний младший лейтенант Деги Дудаев, сын Великого Джохара”. “Какую оценку ты даешь всему, что здесь происходит?” – спросил его корреспондент.

“Я думаю, что все будет хорошо. Джохар вернется, дал мукълахь, и все станет на свои места”.

“Деги, ты сын такого легендарного, великого, неповторимого человека, как Джохар Дудаев. Как ты себя чувствуешь в этом качестве?”

“Мне очень тяжело”.

“Ты еще очень юн. У тебя есть определенные планы относительно пути Джохара. Ты как-то связываешь свою жизнь с этим путем?”

“Я хочу стать военным. Я буду летать. И я должен, как и любой чеченец, продолжить путь, начатый моим Президентом. Ичкерия должна получить свою суверенность”²⁹.

Миф о Дудаеве использовали и в оппозиционных правительству Масхадова целях, когда его противники пытались доказать, что деятельность президента – это отход от идей Дудаева. После войны за пределами Чечни остались наиболее радикальные идеологи, исповедующие непримиримость и действующие как бы от имени мертвого героя. Некий “представитель Президента Дудаева в Польше Мовсуд Дудаев” считал, что в генофонд чеченской нации с апреля 96-го закодирован “ДУХ ДЖОХАРА” и что никому не дано повторить то, что сделал Джохар:

“Несчастлива нация, которая в критический момент Истории не может исторгнуть из себя ЛИДЕРА. Именно в этом счастье нашего вчерашнего дня и именно в этом – несчастье дня сегодняшнего. ЛИДЕР – вот самая краткая характеристика Джохара. ЛИДЕР МИЛОСТЬЮ ВСЕВЫШНЕГО, в котором счастливым образом сочетались талант полководца и гений политика. ДЖОХАР-ЛИДЕР и милость Всевышнего над этой страной спаяли из конгломерата тейпов единую и непобедимую ЧЕЧЕНСКУЮ НАЦИЮ, а небольшую по размерам территорию сделали ГОСУДАРСТВОМ, по своему звучанию, силе и значимости равным любой державе мира”²⁸.

В послевоенной Чечне “Путь Джохара” – это уже больше, чем героический образ, это – “путь Данко, это высокое и гордое, то, что он формировал со своими помощниками и единомышленниками до войны и особенно во время войны. ПУТЬ ДЖОХАРА СПОСОБЕН БЫЛ ПРОКЛАДЫВАТЬ ТОЛЬКО САМ ДЖОХАР!”³¹.

Многие современные образы Дудаева и его правления имеют своего рода прототипы в коммунистических идеологемах, которые на протяжении десятилетий внедрялись в сознание советских людей. Казалось бы стертые драмой последних лет из сознания, они получили новую жизнь в “ичкерийской харизме”. Как поделился своими

наблюдениями Р. Калиев, то, над чем в эпоху СССР смеялись про себя, в узком кругу (“учись, говорил Ленин”, “партия советов – это абсолютная истина”, “могучий, свободный советский народ” и т.п.), теперь эти тезисы, банальные до крайности, оказались приспособленными под “великую Ичкеррию” и “величайшего из чеченцев Джохара Дудаева”.

«Теперь обсуждать проблемы, созданные Дудаевым, – это преступление. Не критиковать, а даже обсуждать стало опасно. В начале 1997 г. я попытался опубликовать свою версию событий в 1995 году. Это была статья-обзор с компонентами интервью с С. Н. Хаджиевым. Ни одно издание не решилось даже проявить интерес к этому материалу. Так эту статью и не опубликовали. Зато моя фотография и личное дело (досье) появилось в НСБ* . Только мощная родственная опора не дала этой структуре “распустить руки” в отношении меня».

«После смерти его уже почти обожествляют, возвели в ранг святых. Образец Ленина, Сталина и Саддама Хусейна одновременно в одном лице! Человек, когда-то приближенный к Дудаеву и им не отторгнутый публично, – это своего рода навечно “освященный” знакомством и уважением Дудаева человек, для которого теперь это главный козырь, с которым он всегда и везде ходит .

“Так считал Дудаев”, “так хотел Джохар” – это выражение звучит как закон, которым никто не может пренебречь, включая Масхадова.

Ни один политик, военный, чиновник или бандит в республике серьезно к этим банальностям не относится. Но в один голос все говорят: “Мы – истинные последователи Дудаева, мы его путь продолжим”. Народ слушает с тем же смиренным равнодушием и продолжает делать вид, что Джохар и его идеи что-то значат. Единственные, кто получает искреннее удовлетворение от этих измышлений и обсуждений, – это часть стариков. Такое ощущение, что они морально мстят России за прошлые лишения в своей жизни” (Рустам Калиев).

¹ Сиверцев М.А. Харизматическая культура: Лидер в посттоталитарном пространстве / Научные доклады Московского научного фонда. М., 1997. № 40. С. 26–27.

² Там же. С. 10.5.5.58.

³ Известия. 1991. 2 нояб.

⁴ Голос. 1992. № 42.

⁵ Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; L. 1998. P. 65.

⁶ Ibid. P. 66.

⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁸ Lieven A. OP. cit. P. 66.

⁹ Ibid. P. 67.

^{10.5.5.5} Дудаев Д. Тернистый путь к свободе. Грозный, 1995. С. 36.

¹¹ Республика. 1991. 4 апр.

¹² Кавказ. 1991. 3 нояб.; Дудаев Д. Указ. соч. С. 40.

¹³ Абубакаров Т. Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел: Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998.

* Национальная служба безопасности Ичкерии.

- 14 *Дудаев Д.* Указ. соч. С. 41.
- 15 Там же. С. 45.
- 16 Столица. 1992. № 15. С. 3.
- 17 *Дудаев Д.* Указ. соч. С. 13.
- 18 Там же. С. 44.
- 19 Там же, с. 65.
- 20 Известия. 1991. 2 нояб.
- 21 Столица. 1992. № 15. С. 1–3.
- 22 Известия. 1991. 2 нояб. С. 3.
- 23 Столица. 1992. № 15. С. 1–2.
- 24 Там же.
- 25 *Абубакаров Т.* Указ. соч.
- 26 Chechnia Report. L. 1992. P. 50.
- 27 Столица. 1992. № 15. С. 3.
- 28 Путь Джохара. 1997. № 9. 28 июля–3 авг. С. 1.
- 29 Там же. № 11. 11–18 авг.
- 30 Там же.
- 31 Там же.